ISSN 2542-2197

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

7
выпуск (888)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2024

1930

ISSN 2542-2197

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

7 Issue (888)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2024

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 7 (888)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
А. И. ГОРОЖАНОВ — **доктор филологических наук, доцент**

Зам. главного редактора
Е. И. КАРПЕНКО — **кандидат филологических наук**

Ответственный секретать
Д. А. ФУРСОВА — **кандидат культурологии**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бондарчук Г. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари М. З.	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (ИМЛИ РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Каменский М. В.	доктор филологических наук, доцент (Гуманитарный институт СКФУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (НИУ МЭИ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Логинова Е. Г.	доктор филологических наук, доцент (РГУ им. С. А. Есенина)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Слышкин Г. Г.	доктор филологических наук, профессор (РАНХиГС)
Солнышкина М. И.	доктор филологических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Гос. ИРЯ им. А.С.Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 7 (888)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
ALEXEY I. GOROZHANOV **Doctor of Philology, Associate Professor**

Deputy Chief Editor
ELENA I. KARPENKO **PhD in Philology**

Ответственный секретать
DARYA A. FURSOVA **PhD in Culturology**

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bondarchuk G. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IWL RAS)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kamensky M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (NCFU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Loginova E. G.	Doctor of Philology, Associate Professor (Ryazan State University)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osminina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Slyshkin G. G.	Doctor of Philology, Professor (RANEPA)
Solnyshkina M. I.	Doctor of Philology, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Russian Language Institute)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Специфика перфектных и результативных значений в немецком языке
АВЕРИНА А. В. 9

Семантика номинантов эмоций концепта ZORN / ГНЕВ в немецком и русском языках: сопоставительное исследование
ВАШУНИНА И. В. 16

Лингвистические средства формирования эффекта обманутого ожидания в ироническом высказывании (на материале немецкого телевизионного шоу)
ГЛЕБОВА Е. О. 22

Расширение базы данных сбалансированного лингвистического корпуса значениями тонального словаря (корпусный эксперимент)
ГОРОЖАНОВ А. И., СТЕПАНОВА Д. В. 29

О некоторых источниках пополнения современного немецкого молодежного сленга
ЕФИМОВА О. С. 36

Просодические особенности немецкой социальной рекламы 2006–2023 гг.
ЗИМАРИН Д. А. 44

Преобразования предикативных структур при переводе в паре «русский – английский» (на материале научно-популярных текстов)
ИВАНЕНКО К. В. 51

Типологическое измерение категории залога в современном немецком языке
КАЗАНЦЕВА Ю. М. 59

Проблематика классификации приемов речевого воздействия (на основе новостных видеоматериалов англоязычных СМИ)
КОНОНОВА М. В. 67

Священная корова: как происходила номинация вида Bos taurus в санскрите?
КУЗНЕЦОВА М. А. 74

Семантические роли второго актанта трехчленной пассивной конструкции
НЕКРАСОВА И. М. 82

Порядок следования прилагательных в именной синтагме (на материале португальского языка)
ПЕТРОВА Г. В. 91

Semmel von dahoam: диалект в коммерческой рекламе Южной Германии
ПОНОМАРЁВА А. А. 100

СОДЕРЖАНИЕ

На стыке наук: актуальные вопросы и методы миграционной лингвистики
ПОПОВА М. В., ФРОЛОВА А. Д. 108

Сегментные девиации в диалектной речи носителей английского языка
РОМАНОВА Е. Ю. 115

Участие модальных глаголов в реализации авторской интенции (на материале немецкоязычной научной статьи)
САДОВНИКОВА Е. В. 123

Способы передачи стилистических особенностей псевдоэпоса на материале сборника «Сильмариллион» Дж. Р. Р. Толкина и его переводов на русский язык
ТРУШИНА М. К., АЛЯМКИНА К. С. 130

Роль эмотивной лексики в автобиографическом устном нарративе лиц с ограниченными возможностями здоровья
ТУМАСЯН К. А. 138

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Женский субъект в стихах Анны Ахматовой и Форуг Фаррохзад
НАДЖАФИ МАЕДЕ 146

Онейрические мотивы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина: сон как путешествие
СУНЬ ВЭНЬЦЗЮНЬ 153

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Разделение цензуры и книжной культуры на «светскую» и «духовную» в исторической перспективе: от «Духовного регламента» до «Эпохи цензурного террора»
ГОРЮНОВ С. А. 159

Философские травелоги Н. К. Рериха. К 150-летию со дня рождения
ЛАВРЕНОВА О.А. 167

LINGUISTICS

The Specifics of Perfect and Resultative Meanings in the German Language
AVERINA A. V. 9

Semantics of Emotion Nominees of the Concept Zorn / Gnev in German and Russian: a Comparative Study
VASHUNINA I. V. 16

Linguistic Means of Formation of the Defeated Expectancy Effect in an Ironic Statement (based on the Material of a German Television Show)
GLEBOVA E. O. 22

Expanding the Database of a Balanced Linguistic Corpus with Values from a Dictionary of Tonality (Corpus Experiment)
GOROZHANOV A. I., STEPANOVA D. V. 29

On the Question of Some of the Sources Supplementing the Modern German Slang of the Young People
EFIMOVA O. S. 36

Prosodic Features of German Social Advertising in 2006–2023
ZIMARIN D. A. 44

Transformations of Predicative Structures in English-Russian Translation
IVANENKO K. V. 51

Typological Dimension of Verbal Voices in Modern German
KASANZEVA J. M. 59

The Problem of Typifying Persuasion Techniques (based on English-Language Media News Reports)
KONONOVA M. V. 67

The Sacred Cow: How Was the Nomination of the Bos Taurus Species in Sanskrit?
KUZNETSOVA M. A. 74

The Semantic Roles of the Second Participant in the Long Passive Construction
NEKRASOVA I. M. 82

The Order of Adjectives in the Nominal Syntagm (based on the Portuguese Language)
PETROVA G. V. 91

CONTENTS

Semmel von Dahoam: Dialect in Commercial Advertising in Southern Germany
PONOMAREVA A. A. 100

At the Intersection of Sciences: Current Issues and Methods of Migration Linguistics
POPOVA M. V., FROLOVA A. D. 108

Segmental Deviations in English Dialectal Speech
ROMANOVA E. YU. 115

Participation of Modal Verbs in the Realization of the Author's Intention
(based on the material of a German-language scientific article)
SADOVNIKOVA E. V. 123

Methods of Conveying Stylistic Features of Pseudoepos
Based on the Material of the «Silmarillion» by J. R. R. Tolkien and Its Translations into Russian
TRUSHINA, M. K., ALIAMKINA, K. S. 130

The Role of Emotive Lexis in the Autobiographical Oral Narrative of the Disabled
TUMASYAN K. A. 138

LITERARY STUDIES

The Female Subject in the Poetry of Anna Akhmatova and Forough Farrokhzad
NAJAFI MAEDEH 146

Oneiric Motifs in Nikolai Gogol's "Evenings on a Farm Near Dikanka" and Pu Songling's
"Strange Tales from a Chinese Studio": Dreaming as a Journey
SUN WENJUN 153

CULTUROLOGY

Separation of Censorship and Book Culture into "Secular" and "Spiritual" in Historical Perspective:
from the "Spiritual Regulation" to the "Era of Censorship Terror"
GORYUNOV S. A. 159

Nickolas Roerich's Philosophical Travelogues. On the 150th Anniversary of His Birth
LAVRENOVA O. A. 167

Научная статья
УДК 811.11-112

Специфика перфектных и результативных значений в немецком языке

А. В. Аверина
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
a.v.averina@linguanet.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перфектных и результативных значений в немецком языке. Показано, что базовое отличие между ними имеет акциональную природу. Результатив статичен, перфектность динамична. В некоторых типах контекстов прослеживается взаимосвязь перфектности и инференциальной эвиденциальности, перфектности и эмотивности; перфектные формы способны проявлять свойство катафоричности, в то время как результативность всегда анафорична.

Ключевые слова: перфектность, результативность, немецкий язык, инференциальная эвиденциальность, акциональность

Для цитирования: Аверина А. В. Специфика перфектных и результативных значений в немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 9–15.

Original article

Specificity of Perfective and Resultative Meanings in German Language

Anna V. Averina
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
a.v.averina@linguanet.ru

Abstract. The article deals with the peculiarities of perfective and resultative meanings in German. It is shown that the basic difference between them has an actional nature. The resultative is static, the perfective is dynamic. In some types of contexts the interrelation of perfectionality and inferential evidentiality, perfectionality and emotionality can be traced; perfective forms are able to show the property of cataphoricity, while resultative is always anaphoric.

Keywords: perfectionality, efficacy, German, inferential evidentiality, actionalisation

For citation: Averina, A. V. (2024). Specificity of perfective and resultative meanings in German. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 9–15. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В центре внимания данной публикации — перфектные и результативные значения, находящие свое проявление в системе залоговых и временных форм в немецком языке. В. Б. Кашкин справедливо отмечает, что перфект соотносится с темпоральностью, аспектуальностью, таксисом [Кашкин, 1991]. Языковые формы, передающие перфектные значения, в лингвистической литературе в ряде случаев представлены как результативные [Handwerker, 2006; Chang, 2003]. В работе В. Б. Кашкина статальный перфект (состояние в момент речи, возникшее в результате предшествовавшего действия) рассматривается как аналог результатива [Кашкин, 1991]. Результативный потенциал временных форм показан в монографиях Э. Лайсс и Х. Фатера [Leiss, 1992; Vater, 1994]. В исследованиях германистов поднимались такие вопросы, как способы выражения результативных значений, аспектуальные свойства формы *Zustandspassiv* в немецком языке, сативный способ действия как разновидность результативных форм и т. д. В работах В. П. Недялкова, V. P. Litvinov, V. P. Nedjalkov речь идет о различных типах результативных конструкций [Недялков, 2017; Litvinov, Nedjalkov, 1988]. Так, В. П. Недялков пишет о субъектном и объектном результативе. *Субъектный результатив* представлен конструкциями типа *sie sind vezankt*, *объектный — sie haben sich vezankt*. Как отмечает исследователь, форма объектного результатива, помимо собственно результативного значения, в определенных контекстах может выражать сопутствующие значения, примыкающие к результативному [Типология результативных конструкций, 1983]. Границы между собственно-результативным и сопутствующими значениями нечеткие, поэтому есть промежуточные случаи [там же]. В. П. Недялков выделяет целый ряд результативных значений (квазирезультатив, континуальный / неконтинуальный результатив и т. п.), среди которых есть и перфектно-результативное значение, представленное в высказываниях типа *Nun ist das Schild angebracht*, когда результат имеет место сразу после завершения действия [там же].

В данной публикации более подробно будет рассмотрена специфика двух типов результативных значений — *перфектно-результативного* и *собственно-результативного*.

Перфектно-результативное значение приближено к перфектной семантической зоне и зачастую в лингвистической литературе получает интерпретацию как перфектное [Кашкин, 1991; Плунгян, 2016]. В дальнейшем при описании перфектно-результативного значения будут использованы термины «перфектное» и «перфектно-результативное», для обозначения собственно-результативного – «результативное» и «собственно-результативное».

В лингвистических исследованиях результатив определяется как «форма, обозначающая <…> состояние предмета, являющееся следствием предыдущего действия» [Недялков, 2017, с. 21]. Речь идет, как правило, о конструкции *Zustandspassiv* [Типология результативных констукций, 1983], например:

(1) Die Läden *waren geöffnet*, die Straßenbahnen fuhren, die Menschen gingen ihren Geschäften nach[1] .

(2) Die ersten Gefallenendenkmäler *sind gebaut*, in den Parks von Schulen und Universitäten, als Erinnerung an getötete Schüler und Studenten.

(3) Die Rede *ist geschrieben*, ich habe sie dem Hund vorgetragen und die Tasche gepackt.

В. А. Плунгян объясняет разницу между перфектом и результативом следующим образом: отличие результатива от перфекта сводится к тому, что «результатив выражает именно и только результирующее состояние, а перфект, при возможности также выражать некоторое состояние, обязательно выражает и «что-то ещё»; <…> только результативные формы сочетаются с континуативными обстоятельствами типа всё ещё» [Плунгян 2016, с. 11]. Довольно сложно определить, какой именно семантический компонент содержится в перфектных формах — это одна из задач, требующих своего разрешения. Нуждаются в более детальном описании дополнительные оттенки грамматических значений, находящих реализацию в высказываниях следующего типа:

(4) Viele große Leute *sind weggegangen*.

(5) Die Opéra Garnier in Paris, dieses prachtvolle, etwas düstere Gebäude mit der berühmten Decke von Marc Chagall, *ist* an diesem Abend *ausverkauft*.

(6) Das Zimmer *ist blank geputzt* und karg…

Таким образом, в данной публикации предполагается осветить вопрос о том, в чем проявляется в немецком языке специфика перфектных (перфектно-результативных) и результативных (собственно-результативных) значений. Соответственно, *цель* работы заключается в описании семантического компонента «перфектность» и «результативность» в немецком языке. Задачи публикации заключаются в следующем:

[1]Зд. и далее (пп. (1–6)) приводятся примеры из корпуса DWDS. DWDS. URL: https://www.dwds.de (дата обращения: 20.05.2023).

1) проанализировать интерпретацию результативных значений и способов их выражения в отечественной и зарубежной германистике;

2) на основе анализа фактического материала показать специфику собственно-результативных и перфектно-результативных значений.

Материалом исследования послужили примеры, отобранные из корпуса DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache) и DECOW 16A. В некоторых случаях для анализа были использованы примеры, относящиеся к немецкой художественной литературе. При работе с отобранными высказываниями применялись общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, посредством которого осуществлялась интерпретация фактического материала; трансформационный метод и метод контекстуального анализа, посредством которых была показана специфика перфектных и результативных значений.

РЕЗУЛЬТАТИВ И ПЕРФЕКТНОСТЬ: ОБЩНОСТЬ И ОТЛИЧИЯ

В работе В. П. Литвинова и В. П. Недялкова представлена парадигма результативных форм в немецком языке, которая имеет следующий вид:

(7) *Präsens*: ist eingesunken
Präteritum: war eingesunken
Perfekt: ist eingesunken gewesen
Plusquamperfekt: war eingesunken gewesen
Futurum I: wird eingesunken sein
Futurum II: wird eingesunken gewesen sein

[Litvinov, Nedjalkov, 1988, с. 101]

В данном случае речь идет о временных формах пассива состояния (Zustandspassiv). Авторы, анализируя временную парадигму результатива, рассматривают его как параллельную активным и пассивным формам. М. Л. Котин справедливо указывает на то, что пассив состояния (Zustandspassiv) обладает свойством выражать завершенность и имеет признак «результатив» [Kotin, 1998]. О результативной семантике пассива состояния пишет и Э. Лайсс. Она показывает, что форма *sein* + *Partizip II* в нововерхненемецком не является еще ни перфектом, ни пассивом состояния. Она является результативом:

> Kennzeichen dieses Resultativums ist es, dass es entweder aktivische oder passivische Bedeutung hat. Ein aktivisches Resultativum liegt immer dann vor, wenn das Partizip II eines intransitiven Verbs vorliegt (P. P. A.). Ein passivisches Resultativum liegt dann vor, wenn das Partizip II von einem transitiven Verb gebildet wird (P. P. P.) [Leiss, 1992, с. 164].

Как отмечает в своем высказывании Э. Лайсс, форма результатива может быть активной и пассивной. Активную форму результатива она трактует как первичную, например: *Er ist eingeschlafen. Sie ist abgereist. Viele sind an dieser Krankheit gestorben.* Пассивную форму результатива Э. Лайсс интерпретирует как вторичную, поскольку она образована от пассивного залога. Согласно ее позиции, *Partizip II* непереходных глаголов, или активный результатив, и *Partizip II* переходных глаголов, или пассивный результатив, нецелесообразно рассматривать как различные категории. Речь идет об одной категории, которая предшествует категории времени и пассива и следует за категорией вида [там же].

В немецком языке, как пишет Э. Лайсс, не могут конкурировать две перфектные формы и две пассивные формы. Соответственно, она считает следующую классификацию недействительной:

1. Perfekt: *sein* + *Partizip II* непереходных предельных глаголов (*Das Paket ist angekommen*); *haben* + *Partizip II* переходных и непереходных предельных глаголов (*Er hat die Urkunde verlesen. Sie hat geschwiegen*);

2. Passiv: *sein* + *Partizip II* переходных глаголов (*Das Fenster ist geöffnet. Die Haare sind gefärbt*); *werden* + *Partizip II* переходных глаголов (*Das Fenster wurde geöffnet. Die Haare wurden gefärbt*).

Предлагаемая Э. Лайсс классификация выглядит следующим образом:

1. *Passiv*: werden + Partizip II;
2. *Perfekt*: haben + Partizip II;
3. *Resultativum*: sein + Partizip II.

Особенность результатива заключается в том, что он всегда обладает свойствами анафоричности, т. е. относится к началу текста. Результативным значением обладают также формы *haben-Perfekt*, образованные от предельных глаголов [Leiss, 1992].

Можно согласиться с Э. Лайсс, что в случае употребления формы *sein* + *Partizip II* независимо от того, идет ли речь о конструкции *Perfekt* или *Zustandspassiv*, показан результат действия, сравним:

(8) Dann *bin* ich zum Flughafen *gefahren* und *abgereist*[1]. – Perfekt.

(9) Der Abschlussbericht fürs Ministerium *ist geschrieben*, aber noch nicht veröffentlicht. – Zustandspassiv.

Можно также обратить внимание на то, что предложения (8) и (9) несовместимы с обстоятельством типа всё еще / *immer noch*, обозначающим длительность. Использование обстоятельств данного типа, по наблюдениям В. П. Недялкова

[1]Зд. и далее (пп. (8–14)) приводятся примеры из корпуса DWDS. DWDS. URL: https://www.dwds.de (дата обращения: 20.05.2023).

и С. Е. Яхонтова [Типология результативных конструкций, 1983][1], позволяет разграничить собственно-результативное значение от перфектных форм и других результативов:

(8a) Dann *bin* ich (*immer noch) zum Flughafen *geahren* und *abgereist*.

(9a) Der Abschlussbericht fürs Ministerium ist (*immer noch) ***geschrieben***, aber noch nicht veröffentlicht.

На примере (9a) можно проследить, что обстоятельство *immer noch* не всегда совместимо с высказываниями в форме *Zustandspassiv*. Из этого следует, что перфектный компонент присутствует в ряде случаев и в предложениях с *Zustandspassiv*. В этой связи обратим внимание на наблюдение Е. И. Шендельс о существовании имперфективного и перфектного статива: имперфективный статив обозначает длящееся состояние, перфектный статив выделяет завершенность некоторого действия [Schendels, 1982], например:

(10) Der gesamte Messestand war bereits am zweiten Tag *ausverkauft*. – перфектный статив.

(11) Es ist kalt und windig, viele Geschäfte sind noch *geschlossen* in Mulhouse. — имперфективный статив.

Соответственно, акциональные различия между конструкциями пассива состояния позволяют говорить о перфектном и статальном (имперфективном) результативе. В первом случае речь идет о перфектных (перфектно-результативных), во втором — о результативных (собственно-результативных) значениях.

Значение перфектного результатива, или перфектности, могут передавать формы *Zustandspassiv*, *sein-Perfekt* и *haben-Perfekt*. Рассмотрим в этой связи ряд высказываний:

(12) Dieser Flug war restlos *ausgebucht*.

(13) Er stehe schon vor dem Café, es *habe geschlossen*.

(14) Hunderte von Leuten *sind gekommen*, stehen in Gruppen beieinander, tanzen durch die vielen verschiedenen Gänge.

В приведенных примерах не может быть использовано обстоятельство *immer noch*: речь идет об очевидном для говорящего и возникшем только что новом состоянии наблюдаемого объекта. Предложения данного типа отличает значимость результата для событий в настоящем времени (например, в (13) показано, что действующее лицо прибыло на нужное место, чтобы посетить кафе, но оно уже закрыто). Таким образом, в случае с перфектно-результативным значением речь идет о только что состоявшемся изменении, актуальном для настоящего момента времени, в то время как имперфективный статив маркирует состояние, длящееся некоторое время. Перфектность всегда предполагает динамику, результативность – статику.

Перфектные формы отличает еще одно важное свойство — они часто имеют место в ситуации, когда говорящий судит о ее изменении / изменении объекта на основе наблюдений или умозаключений. Перфектная форма непереходных глаголов (как правило, это *sein-Perfekt*) в определенных типах контекстов может быть интерпретирована как показатель инференциальной эвиденциальности. Рассмотрим примеры:

(15) Undertaker macht eine lange Pause und sieht auf den Zeiger. „Ich denke deine Zeit *ist gekommen*" sagt er und in diesem Moment schlägt der Zeiger 12. Bong! Bong! Bong![2]

(16) Ich gab sie ihm. „Gut, dass du gekommen bist, Otto". Er rauchte mit tiefen Zügen. „Dachte, es wäre besser so." „Du *bist* sehr schnell *gefahren*"[3].

(17) Nicht zuletzt ist das darauf zurückzuführen, dass man, wie in diesem Unternehmen auch, *kapiert hat*, dass gut ausgebildete Facharbeiterinnen und Facharbeiter die wirkliche Zukunft unseres Landes ausmachen (*Rede von Gerhard Schröder. 26.02.2002*)[4].

В (15) говорящий, опираясь на свои наблюдения, делает вывод, что время уже пришло. Аналогичная ситуация имеет место и в следующем высказывании (16): главный герой произведения ждал, когда его друзья привезут врача, и на его удивление все свершилось очень быстро. В обоих случаях на уровне контекста прослеживается значение инференциальной эвиденциальности — говорящий наблюдает явления и возводит их к причине (в (15): стрелка приближается к двенадцати, что означает, что уже пора; в (16): друзья раньше ожидаемого

[1]В. П. Недялков и С. Е. Яхонтов указывают на то, что результатив отличается от перфекта в языках различного строя специфическим значением и, как следствие, лексической избирательностью, преимущественной интранзитивностью и возможным изменением в сочетании с обстоятельствами времени и места.

[2]DECOW 16A. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 20.05.2023).

[3]Remarque E. M. Drei Kameraden. Kiepenheuer&Witsch, 1998.

[4]DWDS. URL: https://www.dwds.de (дата обращения: 20.05.2023).

срока уже здесь, из чего следует, что они ехали очень быстро). В (17) перфектная форма содержит указание на причину в представлении говорящего, которая, по его мнению, позволяет объяснить нынешнее положение дел.

О проявлении эвиденциального компонента в семантике перфектных форм в мишарском диалекте татарского языка, хантыйском и турецком языках пишет С. Г. Татевосов[1] — в анализируемых им языках инференциальный показатель присутствует в глагольной форме. По мнению Н. А. Козинцевой, специфика семантики инференциальности состоит в том, что говорящий наблюдает определенные явления в конкретной предметной ситуации, которые он, опираясь на общие соображения, возводит к их причине, которая и оказывается сообщаемым фактом. Одновременно подчеркивается предположительный характер этого факта (причины). Восстановление ситуации может осуществляться в результате логического вывода, основанного на собственном восприятии говорящим данной ситуации [Козинцева, 1994]. Вряд ли можно приписывать наличие инференциального показателя всем высказываниям с формой *Perfekt* в немецком языке. Тем не менее в определенных типах контекстов на глубинном уровне у перфектных форм прослеживается значение инференциальной эвиденциальности. Оно может иметь место и в случае употребления *Zustandspassiv* в перфектно-результативном значении:

(18) Die Wiedereinführung von Grenzkontrollen an einigen Binnengrenzen zeigt uns die Fragilität des grenzenlosen Europas. Die in Zeiten der Finanzkrise oft geforderte Solidarität scheint abhandengekommen zu sein. Es *ist* schlecht *bestellt* um den europäischen Zusammenhalt, und das liegt keineswegs an der und ihren Institutionen (*Rede von Michael Roth. 07.03.2016*)[2].

В приведенном отрывке предложение *Es ist schlecht bestellt um den europäischen Zusammenhalt* представляет собой вывод говорящего на основе сделаных ранее наблюдений (пограничный контроль, отсутствие европейской солидарности и т. д.). Значение инференциальной эвиденциальности обусловлено контекстом, в том числе и благодаря словам с оценочной семантикой (например, *schlecht*).

Различным образом проявляется и текстообразующий потенциал форм, передающих перфектно-результативное и собственно-результативное значения. Результативные конструкции проявляют свойство анафоричности, перфектные формы могут быть анафоричными и катафоричными. Проследим это на примере отрывка (19). Первое предложение в форме *Perfekt*, инициирующее микротему, обобщает излагаемую далее информацию и катафорично; последующие предложения (перфективный статив, имперфективный статив и *sein-Perfekt*) анафоричны, между предложениями с перфектными формами во втором абзаце прослеживаются причинно-следственные связи:

(19) Wetterextreme und Klimawandel *haben* massive Spuren *hinterlassen*. Die Bäume *sind* nachhaltig *gestresst* und anfällig für Schädlinge. Stürme, Trockenheit, Wassermangel, Waldbrände, Befall durch Borkenkäfer oder Eichenprozessionsspinner – 180.000 Hektar Wald *sind geschädigt*. Das entspricht umgerechnet rund 250.000 Fußballfeldern.
Millionen Festmeter an Schadholz *sind angefallen*. Dadurch ist der Holzmarkt *zusammengebrochen*, die Preise *sind eingebrochen*, es gibt Probleme mit Lagerstätten, die Aufarbeitungskosten sind hoch (*Rede von Julia Klöckner. 19.12.2019*)[3].

Анализ фактического материала позволил обратить внимание на то, что перфектные формы при определенных условиях проявляют эмотивный потенциал. Так, в работе Э. Лайсс показано, что глаголы, относящиеся к результативным способам действия, преимущественно употребляют в Präteritum. Действительно, статистика подтверждает этот факт: анализ корпусных данных свидетельствует о том, что при обозначении действий в прошедшем времени в случае с предельными глаголами предпочтение отдается форме *Präteritum*. Например, в газетном подкорпусе корпуса DWDS глагол *aufblühen* употреблен в форме *Perfekt* 6 раз, а в форме *Präteritum* – 79 раз. В корпусе DECOW 16A этот же глагол употреблен в форме *Perfekt* 4 раза, а в форме Präteritum – 14 раз. Глагол *losfahren* употреблен в форме *Präteritum* 81 раз в корпусе DECOW 16A, в форме *Perfekt* – 10 раз. В корпусе DWDS этот же глагол использован в форме *Perfekt* 19 раз, в форме *Präteritum* – 102 раза. Схожая тенденция наблюдается и при использовании глагольно-именных сочетаний типа *zu Ende gehen*: если в форме *Präteritum* данная конструкция употреблена в корпусе DECOW 16A 14 раз, то в форме *Perfekt* – три раза. Эта особенность, однако, не распространяется на глаголы с коннотативной окраской: анализ корпусных данных показывает, что переходные глаголы, относящиеся к классу

[1]Татевосов С. Г. Эвиденциальность и абдукция.
URL: http://otipl.philol.msu.ru/staff/people/tatevosov/evid_tatevosov_1.2.pdf (дата обращения: 01.11.2023)

2DWDS. URL: https://www.dwds.de (дата обращения: 20.05.2023).

[3]DWDS. URL: https://www.dwds.de (дата обращения: 20.05.2023).

кумулятивного (*einbrocken*, *ausfressen*, *anrichten*, *aushecken*) способа действия, содержащие в своей семантике оценочный компонент 'слишком много', преимущественно используют в форме *Perfekt*. Так, например, глагол ausfressen в газетном подкорпусе имеет 320 употреблений в аналитической форме *Perfekt* и одно употребление в форме *Präteritum*. Глаголы сатуративного способа действия (в сочетании с наречиями типа *sich müde arbeiten*), указывающие на исчерпанность результата с оттенком интенсивности, также в большинстве случаев употребляют в форме *Perfekt*. Например, в газетном подкорпусе DWDS *sich müde arbeiten* употреблено в форме *Perfekt* – 16 раз, в форме *Präteritum* — всего один раз, причем оно имеет место в текстах XIX века. Получается, что *Perfekt* – типичная форма для глаголов результативного способа действия, обладающих коннотативной окраской, например:

(20) Als der Fraktionschef der Grünen in der Rushdie-Affäre erklärte, dass sich der Autor die Fatwa selbst *eingebrockt habe*, trat Koopmans aus[1].

По всей видимости, это связано с тем, что на глубинном уровне в семантике перфектной формы присутствует эмотивный компонент.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: общим для перфектно-результативного и собственно-результативного значения является указание на результирующее состояние. Для результатива характерно то, что это состояние длится некоторое время, для перфекта — то, что новое состояние возникло только что и актуально для настоящего момента, т. е. основное отличие между ними имеет акциональную природу. Перфектным формам свойственна и сема «наблюдаемость», которая в соответствующих типах контекстов сближает их с эвиденциальными показателями (говорящий судит об изменении объекта на основе собственных наблюдений / умозаключений). Перфектность динамична, результативность статична. Перфектность в определенной степени сближается с совершенным видом и модальностью, что вряд ли можно сказать о результативных значениях — они проявляют сходство с несовершенным видом[2].

[1]DWDS. URL: https://www.dwds.de (дата обращения: 20.05.2023)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализированный теоретический и фактический материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Собственно-результативное значение предполагает результирующее состояние, длящееся некоторое время и являющееся следствием предыдущего действия. Результатив статичен и обладает свойством анафоричности. Результативная семантика закреплена за формами *Zustandspassiv*, совместимыми с показателями длительности (*immer noch, schon zwei Tage lang* и т. п.).

2. Перфектно-результативные значения несколько отличаются от собственно-результативных, базовое отличие имеет акциональную природу. Они указывают на результирующее состояние, обладающее дополнительной семой «только что», очевидное для говорящего и значимое для событий в настоящий период времени. Перфектность динамична, в зависимости от контекстуального окружения может находить проявление значение инференциальной эвиденциальности. Глаголы результативного способа действия с коннотативной окраской при описании событий прошлого преимущественно используют именно в перфектной форме, что свидетельствует о ее эмотивном потенциале. Результативные конструкции всегда анафоричны, перфектные могут быть анафоричными и катафоричными. Перфектная семантика свойственна не только форме *Perfekt*, но и *Zustandspassiv*.

Перспективным представляется более детальный анализ перфектности как функционально-семантического поля, исследование реализации перфектных значений на текстовом уровне и выявление скрытой эвиденциальности в системе перфектных форм.

[2]Идея о том, что результатив сближается с несовершенным видом, принадлежит Ю. С. Маслову: «В противопоставлении другим глагольным формам результатив есть частный случай вида. Это — особый перфектный вид, не вступающий в однозначное соответствие со славянскими СВ и НСВ. Как обозначение состояния, т. е. некоторой длительности, такой перфект сближается с НСВ...» [Типология результативных конструкций, 1983, с. 44].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кашкин В. Б. Функциональная типология перфекта. Воронеж: ВГУ, 1991.
2. Handwerker B. Situationen und ihre Versprachlichung im Vergleich: Zur Produktion und Interpretation von Resultativkonstruktionen // Estudios Filologicos Alemanes. 2006. Sevilla. Vol. 11. S. 61–74.
3. Chang L. Resultativkonstruktionen im Deutschen mit einem Exkurs zu chinesischen Resultativkonstruktionen. München: Herbert Utz Verlag GmbH, 2003.

4. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin: De Gruyter, 1992.
5. Vater H. Einführung in die Zeit-Linguistik. 3., ver. Auflage. Hürth-Efferen: Gabel, 1994.
6. Недялков В. П. Результативные конструкции в немецком языке и типология результативов // Избранные работы. С.Пб.: Нестор-История, 2017.
7. Litvinov V. P., Nedjalkov V. P. Resultativkonstruktionen im Deutschen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1988.
8. Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) / отв. ред. В. П. Недялков. Л.: Наука, 1983.
9. Плунгян В. А. К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Acta Linguistica Petropolitana // Труды Института лингвистических исследований РАН. СПб.: Наука, 2016. № 2. Т. 12. С. 7–36.
10. Kotin M. Die Herausbildung der grammatischen Kategorie des Genus verbi im Deutschen. Hamburg: Buske, 1998.
11. Schendels E. I. Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Text. M.: Высшая школа, 1982.
12. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания, 1994. № 3. С. 92–104.

REFERENCES

1. Kashkin, V. B. (1991). Funkcional'naya tipologiya perfekta = Functional typology of the perfect form. Voronezh: VGU.
2. Handwerker, B. (2006). Situationen und ihre Versprachlichung im Vergleich: Zur Produktion und Interpretation von Resultativkonstruktionen // Estudios Filologicos Alemanes, 11, 61–74.
3. Chang, L. (2003). Resultativkonstruktionen im Deutschen mit einem Exkurs zu chinesischen Resultativkonstruktionen. München: Herbert Utz Verlag GmbH.
4. Leiss, E. (1992). Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin: De Gruyter.
5. Vater, H. (1994). Einführung in die Zeit-Linguistik. 3., ver. Auflage. Hürth-Efferen: Gabel.
6. Nedyalkov, V. P. (2017). Rezul'tativnye konstrukcii v nemeckom yazyke i tipologiya rezul'tativov. Izbrannye raboty = Resultative constructions in German and typology of resultative forms. St.Petersburg: Nestor-Istoriya.
7. Litvinov, V. P., Nedjalkov, V. P. (1988). Resultativkonstruktionen im Deutschen. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
8. Nedjalkov, V. P. (1983). Tipologiya rezul'tativnyh konstrukcij (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt) = Typology of resultative constructions (resultative, stative, passive, perfect). Leningrad: Nauka.
9. Plungyan, V. A. (2016). K tipologii perfekta v yazykah mira: predislovie = About the typology of the perfect in languages of the world. Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskih issledovanij RAN (S. 7–36). St Petersburg: Nauka.
10. Kotin, M. (1998). Die Herausbildung der grammatischen Kategorie des Genus verbi im Deutschen. Hamburg: Buske.
11. Schendels, E. I. (1982). Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Text. Moscow: Vysshaya shkola.
12. Kozinceva, N. A. (1994). Kategoriya evidencial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) = Cathegory of evidentiality (problems of typology analizes). Voprosy yazykoznaniya, 3, 92–104.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аверина Анна Викторовна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Averina Anna Viktorovna

Doctor in Philological Sciences, professor
professor at the Department of German Grammar and History
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	04.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	05.05.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.112.2

Семантика номинантов эмоций концепта ZORN / ГНЕВ в немецком и русском языках: сопоставительное исследование

И. В. Вашунина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vashunina@yandex.ru

Аннотация. Статья рассматривает семантику лексических единиц, образующих ядро концепта ZORN / ГНЕВ. Проанализированы дефиниции слов Zorn, Wut / Гнев, Злость в лексикографических и энциклопедических источниках и выделены компоненты семантики этих лексических единиц. Проведено сопоставление структуры значения номинантов эмоций в русском и немецком языке, на основании чего выявлены особенности взаимопереводимости номинантов эмоций Zorn, Wut / Гнев, Злость в немецко-русской паре языков.

Ключевые слова: эмоциональный концепт, семантика, Zorn, Wut / Гнев, Злость

Для цитирования: Вашунина И. В. Семантика номинантов эмоций концепта ZORN / ГНЕВ в немецком и русском языках: сопоставительное исследование // Вестник Московского государственного лингвистического университете. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 16–21.

Original article

Semantics of Emotion Nominees of the Concept Zorn / Gnev in German and Russian: a Comparative Study

Irina V. Vashunina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vashunina@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the semantics of the lexical units forming the core of the concept of ZORN/GNEV. The definitions of the words Zorn, Wut, Anger, Anger in lexicographic and encyclopedic sources are analyzed and the components of the semantics of these lexical units are highlighted. Russian russians compared the structure of the meaning of the nominees of emotions in Russian and German, on the basis of which the peculiarities of the mutual translatability of the nominees of emotions Zorn, Wut, Gnev, Zlost' in the German-Russian pair of languages were revealed.

Keywords: emotional concept, semantics, Zorn, Wut / Gnev, Zlost'

For citation: Vashunina, I. (2024). Semantics of emotion nominees of the concept ZORN / GNEV in German and Russian: a comparative study. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 16–21. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

С оформлением лингвистической теории В. И. Шаховского исследование эмоциональных концептов вызывает постоянный интерес лингвистов [Шаховский, 2008]. Будучи естественными спутниками когнитивной и коммуникативной деятельности человека, эмоции присущи представителям любой культуры, поэтому можно рассматривать основные эмоциональные концепты как универсальные. Однако эта универсальность касается только наличия концепта (Страха, Радости, Гнева и пр.) в любой лингвокультуре, а не его содержания. Различия между одним и тем же концептом в разных лингвокультурах могут существовать на всех уровнях: понятийном, образном, ценностном, ассоциативном.

Сегодня существуют исследования изучаемого концепта на материале немецкого языка А. В. Анищенко (2016), Э. В. Будаевой, Е. В. Южанинова (2020), Н. В. Гордеевой, Н. С. Сидоровой (2022), Н. А. Красавского (2015), Е. Д. Сивакова (2020), В. А. Цаголовой (2009), русского языка Ф. Д. Азизова (2021), А. В. Колмогорова (2021), Ю. В. Крылова (2006, 2007), Е. В. Хиленко (2022), а также фундаментальное сопоставительное исследование [Красавский, 2001]. Однако до сих пор не проведено сопоставление семантики русских и немецких номинантов эмоций этого концепта, которые могло бы использоваться в практических целях перевода в немецко-русской паре языков. В проведенном исследовании рассматривается понятийный уровень концепта ZORN / ГНЕВ и анализируется сопоставительный анализ семантики номинантов эмоций *Zorn*, *Wut* / *Гнев*, *Злость*.

По данным словарей, *Zorn* – *гнев*, *ярость*, *злость*, *злоба*; *Wut* – *гнев*, *ярость*, *злость*, *злоба*[1] (ресурс Мультитран дает также варианты перевода *бешенство*; *остервенение*; *рьяность*, *озлобление*; *чувство ненависти*)[2]. С русского языка на немецкий *Гнев* – *Zorn*, *Wut*, *Ärger*, *Grimm*, *Groll*, *Злость* – *Wut*, *Zorn*, *Bosheit*, *Groll*[3]. Другими словами, оба немецких номинанта эмоции могут переводиться обоими русскими номинантами и наоборот. Чтобы понять, как в реальной переводческой деятельности должен осуществляться выбор между возможными вариантами перевода, необходимо сопоставить семантику номинантов эмоции в двух языках. Для этого воспользуется методом выделения семантических компонентов содержания по образцу словаря «Базовые ценности носителей русской культуры»[4], в котором для анализа значения использовались не только толковые словари, но и энциклопедические источники.

СЕМАНТИКА НОМИНАНТОВ ЭМОЦИЙ ZORN, WUT / ГНЕВ, ЗЛОСТЬ

Семантика *ZORN*

Сопоставление данных лексикографических и энциклопедических источников (табл. 1) позволяет прийти к выводу, что в энциклопедических источниках эмоция имеет больше компонентов

[1]Немецко-русский словарь, русско-немецкий словарь. М.: Эксмо, 2011; Немецко-русский словарь / сост. Н. В. Глен-Шестакова и др. М.: Русский язык, 1983; Новый немецко-русский словарь / под ред. М. Я. Цвиллинга. М.: Иностранные языки, Оникс 21 век, 2004.

[2]URL: https://www.multitran.com

[3] Зуев А. Н. Новый русско-немецкий словарь. М.: Иностранные языки, Оникс 21 век, 2005; Цвиллинг М. Я. Русско-немецкий словарь. М.: Русский язык, 2001.

[4]URL: https://iling-ran.ru/web/ru/publications/online/values_russian_culture

Таблица 1

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ *ZORN*

Семантические компоненты в лексикографических источниках		Семантические компоненты в энциклопедических источниках	
Чувство негодования		–	
–		Состояние эмоционального возбуждения	
Высокая интенсивность		Высокая интенсивность	
Направленность	на то, что субъект воспринимает как неправильное или несправедливое и / или на то, что противоречит воле субъекта	Направленность	на то, что субъект воспринимает как неправильное или несправедливое и / или на то, что противоречит воле субъекта
–		Имеет цель – изменить неправильное, несправедливое, нежелательное положение вещей путем выражения недовольства	
–		Агрессивность	
–		Сопровождается вегетативными проявлениями	
–		Может приводить к неконтролируемым словам и поступкам	
–		В сопоставлении с *Wut* имеет цель и использует манипуляции для ее достижения	

Таблица 2

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ *WUT*

Семантические компоненты в лексикографических источниках	Семантические компоненты в энциклопедических источниках
Чувство гнева / раздражения / недовольства	Эмоция
Душевное переживание / эмоциональное возбуждение	Эмоция
Высокая интенсивность	Высокая интенсивность
Имеет физические или вербальные проявления Часто агрессивность	– Часто агрессивность
	Причина вызвана неприятной для субъекта ситуацией или замечанием
Неконтролируема	Сложно контролируема
–	Может не иметь цели
–	Психологическая компенсация недовольства
–	В сопоставлении с *Zorn* хуже контролируется и не имеет цели, являясь психологической компенсацией недовольства

Таблица 3

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ *ГНЕВ*

Семантические компоненты в лексикографических источниках	Семантические компоненты в энциклопедических источниках
Чувство возмущения, раздражения	Отрицательная эмоция
Недовольство	Недовольство
Высокая интенсивность	Высокая интенсивность
Вызван действиями объекта гнева	Вызван действиями объекта гнева
–	Часто сопровождается физическими проявлениями
–	Возможна агрессивность

значения, которые добавляются к приведенным в лексикографических источниках (кроме чувства негодования).

Семантика *WUT*

Сопоставление данных (табл. 2) позволяет прийти к выводу, что существует неполное совпадение лексикографических и энциклопедических источников.

В психологических источниках приводится еще несколько различий между *Zorn*[1] и *Wut*[2]. *Wut* может накапливаться в течение долгого времени и усиливаться за счет других факторов. Иногда при потере контроля эмоция вырывается наружу. Но есть и *innere Wut*, которая никак не выражается. При *Zorn* агрессия направлена более (чем при *Wut*) прямо и деструктивно против определенных жизненных обстоятельств или человека. *Zornige Menschen* бывают озлобленными и ищущими отмщения, они строят планы расплаты за свою боль. Физические проявления в виде потения и повышенного пульса могут сопровождать обе эти эмоции.

Семантика *ГНЕВ*

Сопоставление данных (табл. 3) позволяет сделать вывод о том, что в энциклопедических источниках[3] выявлено больше семантических компонентов, чем в лексикографических[4].

Семантика *ЗЛОСТЬ*

В энциклопедических источниках[5] выявлено больше семантических компонентов, чем в лексикографических[6] (табл. 4).

[1]Stangl W. Zorn // Online Lexikon für Psychologie & Pädagogik. 2023. URL: https://lexikon.stangl.eu/18659/zorn.

[2]Stangl W. Wut // Online Lexikon für Psychologie & Pädagogik. 2023. URL: https://lexikon.stangl.eu/25534/wut.

[3]Гнев. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гнев.

[4]Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом Славянской книги, 2008.

[5]Злость. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Злость.

[6]Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом Славянской книги, 2008; Словарь современного русского литературного языка. М.-Л.: АН ССР, 1950–1965; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994; Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель, 2003.

Таблица 4

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ *ЗЛОСТЬ*

Семантические компоненты в лексикографических источниках		Семантические компоненты в энциклопедических источниках	
Раздраженно-враждебное чувство, настроение		Раздраженно-враждебное чувство	
Направлена на	другого человека – –	Направлена на	другого человека или объект или ситуацию, которая препятствует удовлетворению потребности субъекта
	–		Может приводить к неконтролируемым поступкам
			Может быть стимулом соревновательности

Таблица 5

СЕМАНТИКА НОМИНАНТОВ ЭМОЦИИ *ZORN / ГНЕВ*

ZORN		ГНЕВ	WUT	ЗЛОСТЬ
негодование		недовольство	гнева / раздражения / недовольства	Раздраженно-враждебное чувство
Состояние эмоционального возбуждения		Отрицательная эмоция	Эмоция, эмоциональное возбуждение	Непосредственная нервная реакция
Высокая интенсивность		Высокая интенсивность	Высокая интенсивность	
Направленность	на то, что субъект воспринимает как неправильное или несправедливое и / или на то, что противоречит воле субъекта	Причина: вызвано когнитивной оценкой действий объекта гнева	Причина – вызвана неприятной для субъекта ситуацией или замечанием	Направлена на объект или ситуацию, которая препятствует удовлетворению потребности субъекта
Имеет цель – изменить неправильное, несправедливое, нежелательное положение вещей путем выражения недовольства			Может не иметь цели	
Агрессивность Сопровождается вегетативными проявлениями		Возможна агрессивность Часто сопровождается физическими проявлениями (мимически) и вербальными	Часто агрессивность Имеет физические или вербальные проявления	Может иметь физические проявления (дрожь, движения, жесты)
Может приводить к неконтролируемым словам и поступкам			Сложно контролируема	Может приводить к неконтролируемым поступкам
Может восприниматься как справедливая, праведная эмоция		Может восприниматься как праведный		Может являться стимулом
В сопоставлении с Wut имеет цель и использует манипуляции для ее достижения		В сопоставлении со Злостью более интенсивен	в сопоставлении с Zorn хуже контролируется и не имеет цели, являясь психологической компенсацией недовольства	В сопоставлении с Гневом менее интенсивна
		Субъект имеет более высокий статус, чем объект		

В энциклопедических источниках на русском языке (в отличие от немецких источников) не обнаружено описания различий между гневом и злостью, поэтому приведем результаты научного исследования [Крылов, 2006]. Гнев базируется на когнитивной оценке ситуации, в то время как *Злость* соответствует непосредственной нервной реакции. Гнев проявляется словесно и мимически, а Злость имеет моторные проявления (*дрожь*, *движения*, *жесты*). *Гнев* более интенсивен, чем *Злость*. Он характерен для ситуации, когда субъект эмоции имеет более высокий статус, чем объект эмоции. Злость не имеет статусных ограничений.

Сопоставление семантики *ZORN, WUT / ГНЕВ, ЗЛОСТЬ*

Результаты анализа семантики номинантов эмоции *Гнев* объединены в таблицу 5. В лексикографических источниках на обоих языках значение изучаемых слов определяется через гипероним «чувство», а в энциклопедических источниках – через гипероним «эмоция». Так как типологией этих состояний занимается психология, в наших лингвистических целях целесообразно руководствоваться выводом Н. А. Красавского (сделанным на основе анализа словарных дефиниций) о том, что «чувства, состояние, ощущение, настроение – «широкозначные слова» [Красавский, 2001, с. 188]. Различия в типологической терминологии нами не учитываются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование семантики номинантов концепта позволяет соотнести значения немецких и русских единиц и сделать некоторые выводы о возможности их перевода в немецко-русской паре языков.

1. Если эмоция испытывается субъектом в результате когнитивной оценки ситуации, сложившейся по вине объекта или действий объекта, и субъект имеет цель исправить (насколько возможно) эту ситуацию, то взаимопереводимыми можно считать *Zorn* и *Гнев*.

2. Эти единицы также взаимопереводимы при обозначении праведного гнева, испытываемого (обычно массой субъектов, например, народом) справедливо.

3. Если эмоция возникает как естественная реакция на неприятную для субъекта ситуацию и не имеет цели ее исправления, то взаимопереводимы *Wut* и *Злость*.

4. Если подчеркивается неконтролируемость проявлений, невозможность справиться с эмоцией, то корреляция должна быть *Wut – Гнев* (или *ярость*): *vor Wut kochen – кипеть от гнева*.

5. Если субъект эмоции имеет более низкий социальный статус, чем ее объект (например, эмоция ребенка по отношению к взрослому), то ни *Zorn*, ни *Wut* не могут переводиться как *Гнев* (ребенок не может проявлять *Гнев* по отношению к взрослому), возможен перевод как *Злость*, *Злоба*, состояние может описываться как разозленный, рассерженный.

6. Если субъект эмоции имеет несравнимо более высокий статус, чем ее объект (например, Бог, царь), то и *Zorn*, и *Wut* должны переводиться как *Гнев* (Злость не присуща Богу), а действие – как *гневаться*.

7. *Злость* как стимул соревновательности (например, *спортивная злость*) не может быть переведена ни одной из рассматриваемых немецких единиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
2. Крылов Ю. В. Статус слов «Гнев» / «Злость» в семантическом поле эмоций // Сибирский филологический журнал. 2006. № 4. С. 96–99.
3. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001.

REFERENCES

1. Shahovskij, V. I. (2008). Lingvisticheskaja teorija jemocij = Linguistic theory of emotions. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
2. Krylov, Ju. V. (2006). The status of words "zlost" / "gnev" in the semantic field of emotions. Siberian Philological Journal, 4, 96–99. (In Russ.)
3. Krasavskij, N. A. (2001). Jemocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah = Emotional concepts in German and Russian linguocultures. Volgograd: Peremena. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вашунина Ирина Владимировна
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vashunina Irina Vladimirovna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of Grammar and History of German
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	01.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.112.2

Лингвистические средства формирования эффекта обманутого ожидания в ироническом высказывании (на материале немецкого телевизионного шоу)

Е. О. Глебова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ekaterinakurilo94@gmail.com

Аннотация. Статья исследует эффект обманутого ожидания как один из механизмов создания иронической модальности высказывания в немецкоязычной программе «heute show» телеканала ZDF. Путем функционально-стилистического и контекстуально-интерпретирующего видов анализа было установлено, что эффект обманутого ожидания формируется при помощи эксплицитных и имплицитных средств иронии, таких как стилистический прием иронии в узком смысле, экспрессивно-оценочная лексика и модальные частицы.

Ключевые слова: ирония, эффект обманутого ожидания, стереотип, дискурс, немецкие СМИ

Для цитирования: Глебова Е. О. Лингвистические средства формирования эффекта обманутого ожидания в ироническом высказывании (на материале немецкого телевизионного шоу) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 22–28.

Original article

Linguistic Means of Formation of the Defeated Expectancy Effect in an Ironic Statement (based on the material of a German television show)

Ekaterina O. Glebova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ekaterinakurilo94@gmail.com

Abstract. This article is dedicated to the study of defeated expectancy effect as one of the mechanisms for creating an ironic modality of utterance based on the material of the TV-program «heute show» on the ZDF TV channel. The study showed that the effect of defeated expectancy is one of the most common means intentionally used by the producer in order to form an ironic modality and subsequently effectively influence the recipient, drawing his attention to the current public problem under discussion.

Keywords: irony, the effect of defeated expectancy, stereotype, discourse, German media

For citation: Glebova, E. O. (2024). Linguistic means of formation of the defeated expectancy effect in an ironic statement (based on the material of a German television show). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 22–28. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматривается эффект обманутого ожидания как один из основных механизмов формирования иронической модальности.

В современной лингвистике предпринимались попытки изучения феномена обманутого ожидания с различных позиций. Рассматривались способы реализации эффекта обманутого ожидания в художественных произведениях (Т. И. Леонтьева); прагмалингвистический аспект эффекта обманутого ожидания в рекламных текстах (В. З. Демьянков); эффект обманутого ожидания как средство создания комического в интернет-мемах (С. В. Канашина); лингвокогнитивное моделирование и прогнозирование эффекта обманутого ожидания (А. В. Умеренкова, Т. Ю. Сазонова); синтаксис эффекта обманутого ожидания (С. С. Барсукова, Т. П. Карпухина) и т. д.

Авторами термина «обманутое ожидание» являются представители Пражской лингвистической школы. Согласно Р. О. Якобсону, «обманутое ожидание» (или «несбывшееся предсказание») – это общий принцип таких речевых изменений, которые производятся со стилистической целью и являются отклонением от нормы [Якобсон, 1987].

Стоит отметить, что эффект обманутого ожидания представляет собой не отклонение от языковой нормы, а ограничивается лишь отклонением от стилистической нормы конкретного сообщения [Арнольд, 1981].

Получатель информации использует фоновые знания для прогнозирования ситуации в будущем. Под прогнозированием мы понимаем «способность человека использовать имеющуюся в его прошлом опыте информацию для прогноза вероятности наступления тех или иных событий в имеющейся или предстоящей ситуации» [там же, с. 72]. Возможность прогнозирования базируется на принципе стереотипизации, суть которой заключается в том, что при моделировании ситуации и ее дальнейшего развертывания учитываются уже существующие устойчивые представления или стереотипы. Ситуация, возникающая в сознании человека, актуализирует определенный сценарий развития событий, где вариант развития событий по сценарию реципиента воспринимается им как оправданное ожидание (предсказуемый сценарий), а отклонение от предполагаемого сценария – как обманутое ожидание (непредсказуемый сценарий) [Ленец, Петрова, 2009].

Итак, эффект обманутого ожидания возникает на основе синергии двух противоположных явлений – предсказуемости и непредсказуемости [Донгак, 2000]. Поэтому одним из распространенных вербальных способов создания данного эффекта является нарушение сочетаемости слов.

ИРОНИЯ КАК ВИД КОМИЧЕСКОГО

История феномена иронии тянется с античных времен, но и по сей день не существует устойчивой общепринятой дефиниции этого явления: «Ирония… противится систематической классификации»[1] [Lapp, 1997, с. 12]. Существует множество подходов к изучению иронии, которые формулируются с момента возникновения термина в риторике, причем некоторые из них не дополняют, а противоречат друг другу.

Первое упоминание иронии (eiron) относится к Аристофану (примерно 450–380 до н. э.), далее ирония как феномен появлялась в трудах Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана, трансформируясь с течением времени и адаптируясь под текущие реалии. Неизменным же оставалось «ядро» иронии – с помощью иронии риторы могли занимать противоположную высказываемой точку зрения, используя различные приемы. Начиная с эпохи Средних веков, в основе определения феномена иронии находится тезис, утверждающий, что в ироническом высказывании (устном или письменном) подразумевается *противоположность заявленному* [Müller, 1986].

Ирония как вид комического близка многим другим стилистическим формам выражения комического, обладая комическим потенциалом в виде шутки, насмешки, высмеивания, даже компрометации и изобличения противоположной стороны. При этом она обладает определенными уникальными чертами по отношению к другим видам комического:

1) только ирония способна сигнализировать о том, что высказывание является полной или частичной противоположностью задуманного, используя при этом маркеры на разных языковых и внеязыковых уровнях;

2) только в рамках иронии осуществляется намеренное коммуникативное притворство автора, вследствие чего реципиенту необходимо обладать достаточным багажом фоновых знаний для корректного распознания иронии, а автор высказывания, в свою очередь, должен быть уверен в их достаточном наличии, что отличает иронию от феномена лжи:

Ложь: автор утверждает А, подразумевает Б; реципиент должен поверить в А;

Ирония: автор утверждает А, подразумевает Б; реципиент должен поверить в Б [Falkenberg, 1982].

Таким образом, ироническое высказывание будет отличаться от нейтрального тем, что в основе его находится отклонение (девиация) логической составляющей от некой общепринятой нормы. Девиация в логике возникает, в свою очередь,

[1] Зд. и далее перевод наш. – *Е. Г.*

в отношениях между реальным и идеальным объектами. Эти отношения могут быть несовместимыми, противоположными или противоречивыми.

ФУНКЦИИ ЭФФЕКТА ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ

Эффект обманутого ожидания нередко используется с прагматической целью привлечения внимания большего количества аудитории и оказания на него определенного воздействия.

Согласно С. В. Канашиной, обманутое ожидание используется для:

1) создания комического (*зд.* иронического) эффекта или развлечения: ирония создается благодаря неожиданной развязке, ломающей привычную стереотипную ситуацию;

2) создания интриги: функция создания интриги используется автором для привлечения внимания реципиента к основной проблеме высказывания, причем чаще будут использоваться невербальные средства создания иронии (иконические средства, жесты);

3) противопоставления идеального сценария реальному: функция противопоставления основана на оппозиции «ожидание – реальность» или «идеальный сценарий *vs.* реальный сценарий»;

4) создания парадокса: функция базируется на объединении несочетаемых объектов в рамках одного высказывания [Канашина, 2017].

Далее проиллюстрируем примерами создание иронической модальности на основе противопоставления идеального или стереотипного сценария реальному развитию событий в высказывании.

Эффект обманутого ожидания построен на скрытой или имплицитной мотивации автора, ввиду этого реципиенту необходимо обладать достаточными фоновыми знаниями для адекватной интерпретации иронического сигнала, скрытого в высказывании [Lapp, 1997]. Наряду с фоновыми знаниями корректному распознаванию иронической модальности способствуют *средства иронии* на различных уровнях, которые можно разделить на эксплицитные и имплицитные (контекстуальные).

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала исследования используются видеоконтексты телепрограммы «heute show», выходящей на телеканале ZDF с 2009 года. Имея очень высокие рейтинги просмотров в Германии, шоу является своеобразным «гласом народа». С одной стороны, в нем в иронической манере обсуждаются острые проблемы общественной жизни страны: коррупционные скандалы, предвыборные кампании немецких партий, миграционная политика правительства, экономические реформы, борьба с безработицей и т. п. [Kurilo, 2017].

С другой стороны, «heute show», которое выходит по пятницам в вечерний прайм-тайм, помогает телезрителю получить ожидаемую эмоциональную разрядку в конце рабочей недели.

Бессменным модератором с момента основания передачи является немецкий телеведущий Оливер Вельке. О. Вельке пользуется огромной популярностью у аудитории, так как в нестандартном формате сатирической телевизионной передачи (Satireshow) порицает явления и ситуации, противоречащие социальным нормам немецкого общества [Карпенко, Курило, 2017].

В качестве материала исследования выбраны видеосюжеты на тему коррупционного скандала на Чемпионате мира по футболу 2022 года, проходившем в Катаре.

Коррупционный скандал вокруг проведения Чемпионата мира по футболу 2022 года вызвал широкий резонанс немецкой общественности. В ходе расследований были выявлены подозрения во взяточничестве, связанные с процессом выбора страны – организатора турнира[1]. Также в коррупции обвиняются члены исполнительного комитета ФИФА, которые повлияли на выбор страны – хозяйки чемпионата. Этот скандал стал объектом внимания как со стороны футбольного сообщества, так и со стороны мировой общественности, ставя под сомнение прозрачность и этичность процессов внутри ФИФА.

Стереотипный для немецкого лингвокультурного сообщества сценарий проведения футбольного турнира (например, Чемпионата мира или Европы) отражен в метафоре *Sommermärchen* (*летняя сказка*). Впервые название *Sommermärchen*, являющееся аллюзией на поэму Г. Гейне «Германия. Зимняя сказка» (1844), появилось как неофициальное название Чемпионата мира по футболу, который проходил в разных городах Германии летом 2006 года. Автором названия *Sommermärchen* является документалист З. Вортманн, снимавший свой фильм «Германия. Летняя сказка» за кулисами чемпионата мира. В фильме была максимально точно передана атмосфера «чуда», которого фанаты ждали от выступления своей команды[2].

Впоследствии лексема *Sommermärchen* стала использоваться в более широком

[1]URL: https://www.spiegel.de/sport/fussball/fussball-wm-2022-in-katar-korrupte-geldsaecke-a-458649b4-a739-4f91-9645-b1eec413a5ed

[2]URL: https://www.filmportal.de/film/deutschland-ein-sommermaerchen_0053281fb246407f8ab70b578d749d2b

значении: с 2009 года она кодифицирована в словаре *Duden.de* со значением «in einem Sommer stattfindendes wunderbares, großartiges Ereignis»[1].

Таким образом, «летняя сказка» является для миллионов немецких болельщиков не просто праздником или воспоминанием о домашнем Чемпионате, но и уникальной социокультурной ценностью, объединяющей народ и по сей день [Карпенко, Курило, 2017].

Еще одним явлением, описывающим идеальный сценарий проведения Чемпионата мира для немецкого болельщика, является *Fanmeile* (фанатская миля, миля болельщиков) – слово, выбранное населением Германии в качестве «Слова года в Германии» в год проведения Чемпионата мира по футболу (2006). С 2009 года, наряду с явлением *Sommermärchen*, лексема *Fanmeile* кодифицирована в словаре Дуден со значением «meist breite, lang gestreckte Straße… auf der sich in großer Zahl Sportfans zusammenfinden, besonders um Fernsehübertragungen von Sportereignissen auf Großbildleinwänden anzusehen»[2].

Во время проведения Чемпионата мира по футболу 2006 года Фанатская миля в Берлине поставила рекорд по количеству фанатов, собравшихся для совместного просмотра матча: 9 млн немецких болельщиков одновременно собрались на ставшей временно пешеходной Улице 17 июня от Бранденбургских ворот до Колонны Победы (см. рис. ниже). Таким образом, Фанатская миля стала символом единения немецких фанатов и их искренней преданности своей национальной футбольной команде.

Рассмотрим действие механизма обманутого ожидания при освещении Чемпионата мира по футболу 2022 года в «heute show»:

Пример 1

Und jetzt direkt die nächste Horrormeldung: zum Fußball gibt es kein Bier in Katar (*«heute show», 18.11.22*). – И прямо сейчас следующая ужасная новость: на матчах в Катаре не будет пива.

В примере 1 сложное слово *Horrormeldung* – *ужасная новость*, состоящее из двух лексем (эмоционально-оценочного компонента *Horror* и нейтрального компонента *Meldung*), инициирует стереотипный сценарий, где реципиент ожидает получить информацию о каком-то трагическом событии. Вместо этого аудитория узнает об отсутствии пива на футбольных матчах в рамках Чемпионата мира. Достаточно заметить, в рамках Чемпионата мира по футболу 2006 года среднестатистический немецкий болельщик выпил по меньшей мере 14 литров пива[3].

Ироническая модальность высказывания создается за счет стилистического приема гиперболизации: трагичность новости об отсутствии пива намеренно преувеличена при помощи компонента Horror-. Сложное слово Horrormeldung является вербальным (лексико-стилистическим) средством иронии, формируя эффект обманутого ожидания в высказывании, эффективно привлекая внимание аудитории к обсуждаемой проблеме.

Пример 2

So jetzt reicht's. Ich bin endgültig durch mit dem Turnier. Also doch kein Bier mit Alkohol an den WM-Stadien in Katar außer (kein Witz) für FIFA-Funktionäre und ihre Gäste. Toll! (*«heute show», 18.11.22*) – Хватит с меня. Для меня эта глава с турниром окончательно закрыта. Итак, вообще никакого алкогольного пива не будет на стадионах в Катаре для всех, кроме (без шуток) функционеров ФИФА и их гостей. Вот это да!

О. Вельке продолжает иронизировать, используя разговорное экспрессивное выражение *es reicht* в значении «чье-то терпение на исходе» и прилагательное *endgültig* (*окончательно*, *бесповоротно*), также усиливающее экспрессивность выражения *durch mit etwas sein* (*закрывать какую-то главу для себя*, *заканчивать обсуждение*).

Модальная частица *doch* является имплицитным средством иронии на морфологическом уровне. Ее основная функция – усиление отрицания *kein Bier mit Alkohol* с оттенком негодования (*Entrüstung*)[4], которое вводит следующее противопоставление: с одной стороны, действует строгий запрет на алкоголь во время матчей для всех

[1]URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Sommermaerche
[2]URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Fanmeile
[3]URL: https://www.ots.at/presseaussendung/OTS_20060628_OTS0044/durchschnittlicher-fussball-fan-trinkt-mindestens-14-liter-bier-zur-wm-sportevents-zu-oft-mit-alkohol-verbunden
[4]URL: https://www.dwds.de/wb/doch#2

посетителей; с другой – осуществляется снятие запрета для определенного круга лиц. В связке с предлогом *außer* О. Вельке использует эксплицитное вербальное средство иронии – отрицательную разговорную вставную конструкцию *kein Witz* в значении «без шуток» для усиления иронической модальности перед основной информацией в высказывании – упоминании лиц, на которых не распространяются самые строгие правила: на функционеров ФИФА и их гостей.

Восклицательное предложение Toll!, представляющее собой стилистический прием эллипсиса на синтаксическом уровне и заканчивающее высказывание модератора, употребляется в качестве примера иронии «в узком смысле», т. е. противоречит подразумеваемому смыслу [Riesel, Schendels, 1975, с. 238]: О. Вельке осуждает принцип двойных стандартов, которым пользуются высшие чиновники ФИФА ради собственного комфорта.

Пример 3

Zusätzlich werden auf sicher übrigens noch rund fünfhundert echte Fans aus dem Ausland eingekauft und eingeflogen. Die kriegen Flug und Tickets wohl bezahlt, müssen dafür aber versprechen, nur nette Sachen über Katar zu posten. Alles Kritische wird sofort gelöscht. Kurz gesagt, eine ganz normale WM (*«heute show», 18.11.22*). – К слову, абсолютно точно дополнительно были куплены и доставлены в Катар еще около 500 настоящих иностранных фанатов. Им, разумеется, были полностью оплачены перелет и входные билеты, но взамен они должны пообещать, что будут публиковать только приятные вещи о Катаре. Вся критика будет немедленно удалена. Короче говоря, абсолютно нормальный чемпионат мира.

О. Вельке говорит о том, что настоящих фанатов можно купить, что нарушает стереотип о преданных болельщиках и формирует эффект обманутого ожидания.

На лексико-стилистическом уровне продуцентом используется стилистический прием классической иронии *echte Fans* (*настоящие болельщики*), заключающийся в использовании высказывания, смысл которого противоположен подразумеваемому.

Стоит отметить, что лексема *einfliegen* в значении «транспортировать, доставлять воздушным путем» используется преимущественно с неодушевленными существительными, связанными с описанием груза, – в контексте с фанатами действие *einfliegen* привносит оттенок пассивности фанатов, что противоречит портрету настоящего болельщика, готового активно поддерживать свою команду.

Средствами иронии в высказываниях также могут выступать модальные слова и частицы, представляющие собой дифференцированный класс слов и играющие в немецком языке важную роль в формировании общего смысла высказывания [Аверина, 2022]. Обладая модальностью, они отражают субъективное отношение продуцента к высказыванию.

Модальная частица *wohl* используется в примере в значении подтверждения информации и укрепляет ее достоверность[1]: купленным фанатам действительно оплатили перелет и входные билеты на матчи[2]. Модальная частица *aber* в значении усиления информации (обязательно стоящая под ударением), вводит противопоставление на морфологическом уровне и употребляется О. Вельке в связке с модальным глаголом *müssen* в его основном значении.

Финальное предложение примера 3 «Kurz gesagt, eine ganz normale WM» представляет собой также стилистический прием иронии: происходит усиление якобы положительной коннотации иронической модальной частицей *ganz* в значении *vollkommen – абсолютно*. В примере 3 сочетание *ganz normale WM* приобретает противоположное значение и, таким образом, указывает на обманутое ожидание и истинное отрицательное отношение модератора к подготовке и проведению Чемпионата мира с многочисленными нарушениями. Отметим, что конструкция представляет собой эллипсис, являясь средством иронии и на синтаксическом уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эффект обманутого ожидания является одним из ключевых механизмов создания иронической модальности в высказываниях. Критика Международной футбольной организации FIFA является частой повесткой для обсуждения в телевизионной передаче «heute show», где на примере международного коррупционного скандала предлагаются к обсуждению различные локальные и глобальные актуальные социально-политические проблемы. Эффект обманутого ожидания в проанализированных примерах базируется на противопоставлении реального и идеального сценариев подготовки и проведения Чемпионатов мира по футболу.

Для формирования эффекта обманутого ожидания продуцентом-модератором О. Вельке были использованы: на лексико-стилистическом уровне – стилистический прием иронии в узком

[1]URL: https://www.dwds.de/wb/wohl

[2]Focus online. URL: https://www.focus.de/sport/fussball/wm-2022/galatasarays-fan-anfuehrer-wurde-fuer-test-eingeflogen-1500-gekaufte-katar-ultras-sorgen-fuer-stimmung-und-irritation_id_180415002.html

смысле, как перифразы с противоположным значением, и экспрессивно-оценочная лексика в качестве эксплицитных средств выражения иронии; на морфологическом уровне – модальные частицы (например, *doch*, *aber*, *ganz*, *wohl*), являющиеся имплицитными средствами иронии.

В проанализированных примерах основной функцией эффекта обманутого ожидания стало создание иронической модальности высказывания для максимального отклика аудитории и привлечения ее внимания к обсуждаемой проблеме.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Якобсон Р. О. Вопросы поэтики. Постскриптум к одноименной книге // Работы по поэтике: переводы. М.: Прогресс, 1987. С. 84–85.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение. 1981.
3. Ленец А. В., Петрова Е. И. Эффект обманутого ожидания с позиции прагмалингвистики (на примере журнальных заголовков) // Научная мысль Кавказа. 2009. № 2 (58). С. 114–118.
4. Донгак С. Б. Обманутое ожидание как стилистическая проблема (к постановке вопроса) // Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестник. 2000. Вып. 3 (11). С. 110–117.
5. Lapp E. Linguistik der Ironie. Tübingen: Narr, 1997.
6. Müller W. Ironie, Lüge, Simulation, Dissimulation und verwandte rhetorische Termini: Zur Terminologie der Literaturwissenschaft // Akten des IX. Germanistischen Symposions der Deutschen Forschungsgemeinschaft. Würzburg, 1986. S. 189–208.
7. Falkenberg G. Lügen. Grundzüge einer Theorie sprachlicher Täuschung. Tübingen, 1982.
8. Канашина С. В. Эффект обманутого ожидания в интернет-мемах как особая коммуникативная стратегия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 10. С. 9–14.
9. Kurilo E. O. Ironie als multimodales Phänomen (anhand der ZDF-Sendung „heute-show“) // Masterarbeit. Moskau: MSLU, 2017.
10. Карпенко Е. И., Курило Е. О. Жест ‘object-adaptor’ как средство конструирования мены коммуникативных ролей в дискурсе (на материале программы „heute-show“ телеканала ZDF) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 10 (783). С. 168–181.
11. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. M.: Высшая школа, 1975.
12. Аверина А. В. Модальные слова немецкого языка в модусно-диктумной структуре предложения // Преподаватель XXI век. 2022. № 1. Ч. 2. С. 304–318.

REFERENCES

1. Jakobson, R. O. (1987). Voprosy pojetiki. Postskriptum k odnoimennoj knige = Questions of Poetics. Postscript to the book of the same name. Raboty po pojetike: perevody (pp. 84–85). Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Arnol’d, I. V. (1981). Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka = The stylistics of the modern English language. Leningrad. (In Russ.)
3. Lenec, A. V., Petrova, E.I. (2009). Effekt obmanutogo ozhidaniya s pozicii pragmalingvistiki (na primere zhurnal'nyh zagolovkov) =The effect of “deceived expectations” from the standpoint of pragmalinguistics (on the example of journal headings). Scientific Thought of Caucasus, 2(58), 114–118. (In Russ.)
4. Dongak, S. B. (2000). Obmanutoe ozhidanie kak stilisticheskaja problema (k postanovke voprosa) = Deceived expectations as a stylistic problem (to the question). Rechevoe obshhenie (Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshhenija). Specializirovannyj vestnik, 3(11), 110–117. (In Russ.)
5. Lapp, E. (1997). Linguistik der Ironie. Tübingen: Narr.
6. Müller, W. (1986). Ironie, Lüge, Simulation, Dissimulation und verwandte rhetorische Termini: Zur Terminologie der Literaturwissenschaft. In: Akten des IX. Germanistischen Symposions der Deutschen Forschungsgemeinschaft (pp. 189–208). Würzburg.
7. Falkenberg, G. (1982). Lügen. Grundzüge einer Theorie sprachlicher Täuschung. Tübingen.
8. Kanashina, S. V. (2017). Stylistic device of defeated expectancy as a specific communicative strategy in internet memes. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 10(187), 9–14. (In Russ.)

9. Kurilo, E. O. (2017). Ironie als multimodales Phänomen (anhand der ZDF-Sendung „heute-show“). Masterarbeit. Moskau: MSLU.
10. Karpenko, E. I., Kurilo, E. O. (2019). Object-adaptor as a turn-signal gesture in the zdf heute-show. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(783), 168–181. (In Russ.)
11. Riesel, E., Schendels, E. (1975). Deutsche Stilistik. Moscow: Vysshaya shkola.
12. Averina, A. V. (2022). German modal words in the modus-dictum structure of the sentence. Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education, 1, 2, 304–318. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глебова Екатерина Олеговна
преподаватель
кафедры грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Glebova Ekaterina Olegovna
Lecturer
at the Department of Grammar and History of the German Language
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	01.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'42:811.112.2

Расширение базы данных сбалансированного лингвистического корпуса значениями тонального словаря (корпусный эксперимент)

А. И. Горожанов[1], **Д. В. Степанова**[2]

[1]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, a.gorozhanov@linguanet.ru*
[2]*Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь, daryastepanova79@gmail.com*

Аннотация. В предлагаемом исследовании ставится цель разработать и апробировать алгоритм расширения сбалансированного динамического лингвистического корпуса объемом более 3 млн токенов коннотативными характеристиками. При этом авторы опираются на оригинальные программные решения, созданные в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования ФГБОУ ВО МГЛУ. В результате получен штатно функционирующий корпус с возможностью дополнения отдельных его фрагментов данными о коннотациях токенов и предложений.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, корпусный менеджер, сбалансированный лингвистический корпус, коннотативные характеристики, тональный словарь, немецкий язык, Франкфуртер альгемайне цайтунг

Для цитирования: Горожанов А. И., Степанова Д. В. Расширение базы данных сбалансированного лингвистического корпуса значениями тонального словаря (корпусный эксперимент) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 29–35.

Original article

Expanding the Database of a Balanced Linguistic Corpus with Values from a Dictionary of Tonality (corpus experiment)

Alexey I. Gorozhanov[1], **Darya V. Stepanova**[2]

[1]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, a.gorozhanov@linguanet.ru*
[2]*Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus, daryastepanova79@gmail.com*

Abstract. The proposed research aims to develop and test an algorithm for expanding a balanced dynamic linguistic corpus of more than 3 million tokens with connotative characteristics. To achieve this, the authors rely on original software solutions created at the laboratory for fundamental and applied issues of virtual education at Moscow State Linguistic University. As a result, a properly functioning corpus was obtained with the ability to supplement its individual fragments with data on the connotations of tokens and sentences.

Keywords: corpus linguistics, corpus manager, balanced linguistic corpus, connotative characteristics, dictionary of tonality, German language, Frankfurter Allgemeine Zeitung

For citation: Gorozhanov, A. I., Stepanova, D. V (2024). Expanding the database of a balanced linguistic corpus with values from a dictionary of tonality (corpus experiment). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 29–35. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование является продолжением в цепочке прикладных работ, объединенных проблемой автоматической генерации сбалансированного лингвистического корпуса с помощью инструментов обработки естественного языка.

Ранее нам удалось найти технические решения, позволяющие сборку и оперирование лингвистическими корпусами с морфологической разметкой [Горожанов, Гусейнова, Степанова, 2024], в том числе и в динамическом режиме [Степанова, 2023], а также добавить числовые данные о коннотациях токенов и предложений в таблицу базы данных лингвистического корпуса малого объема (до 150 тыс. токенов) [Горожанов, 2023]. Тем не менее практика показывает, что работа с более крупными корпусами (свыше 1 млн токенов) в рамках наших исследований требует отдельного подхода, поскольку стандартная база данных *SQL* еще до расширения дополнительными сведениями занимает ок. 70 Мб дискового пространства на 1 млн размеченных единиц, что делает процесс ее обработки на условно «обычной» ЭВМ весьма времязатратным. Здесь мы исходим из характеристик разрабатываемого в ходе исследования программного обеспечения, одним из требований к которому является возможность функционирования на персональных компьютерах средней мощности.

Одним из требований к программному обеспечению, расширяющему базу данных корпуса дополнительными (коннотативными) характеристиками, является также возможность работы с прерыванием процесса и возобновлением его с указанной оператором точки, например, идентификационного номера предложения.

Отметим, что проблема определения тональности текста (в другой популярной формулировке – сентимент-анализа) является весьма актуальной, о чем свидетельствует значительное количество публикаций в высокорейтинговых журналах (например, [Черничкин, Кривенко, 2023; Комарова, 2023; Глушак, 2023]). Также имеют место исследования, практическим результатом которых является разработка прототипов промышленных систем для проведения автоматического сентимент-анализа [Чернышевич, 2018].

Достижение цели работы планируется в ходе последовательного решения следующих задач:

- экстраполировать процедуру разметки авторского сбалансированного лингвистического корпуса на базу данных объемом более 1 млн токенов;
- провести автоматическую разметку корпуса текстов газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг» (FAZ) коннотативными характеристиками;
- проверить целостность полученной базы данных;
- провести серию пробных запросов к полученной базе данных.

В работе применяются методы экстраполяции и объектно ориентированного программирования, а также корпусный эксперимент.

Лингвистическим материалом исследования являются тексты онлайн-версии немецкоязычной газеты *FAZ*, собранные в корпус за период конца 2023 – начала 2024 годов. Объем корпус составил 200856 предложений или 3653195 токенов. В качестве технических инструментов применяются язык программирования *Python* 3.10, библиотека *PyQt5*, базы данных типа *SQL*, а также словарь *SentiWS*, привлекаемый в качестве экспериментального источника тональных данных для немецкого языка.

ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

При работе с малым корпусом процедура разметки коннотативных характеристик протекала по следующему алгоритму:

1) чтение исходной базы данных;
2) чтение тонального словаря (трансформирован в формат *CSV*);
3) из таблицы токенов выбираются существительные, прилагательные и глаголы, которым присваивается числовое значение от -1 до 1 либо -1, 0 или 1, в зависимости от характера тонального словаря;
4) из таблицы предложений выбираются все предложения;
5) с помощью данных таблицы токенов для каждого предложения производится расчет пяти показателей:
   а) коннотативной плотности (ρ_{con}) – общего количества положительно и отрицательно коннотированных токенов;
   б) суммы положительно коннотированных токенов;
   в) суммы отрицательно коннотированных токенов;
   г) суммы значений всех коннотированных токенов;
   д) коннотативной амплитуды (A_{con}) – суммы значений по модулю всех коннотированных токенов [Горожанов, 2023, с. 3890];
6) полученные числовые значения записываются в таблицу предложений, в дополнительные пять ячеек.

Эксперимент с малой базой данных показал, что модификация таблицы токенов происходит

относительно быстро, в то время как работа с таблицей предложений занимает значительное время. В этой связи нами было предусмотрена возможность заполнения этой таблицы частями, по диапазонам идентификационных номеров предложений (от 1 до N, где N – количество предложений в корпусе).

Далее в несколько фаз было произведено заполнение базы данных сбалансированного лингвистического корпуса текстов газеты *FAZ* коннотативными характеристиками. В первой фазе была заполнена таблица токенов, в последующих (пяти) фазах – таблица предложений, что в общей сложности заняло ок. 60 часов чистого времени работы программного обеспечения. В среднем доразметка одного предложения заняла 1 сек. Объем базы данных корпуса увеличился с 258 Мб до 301 Мб.

После заполнения база данных была проверена на предмет целостности путем загрузки в авторский корпусный менеджер [Горожанов, Гусейнова, Степанова, 2024, с. 202]. Загрузка произошла штатно, без выдачи ошибок (см. рис. 1).

Для решения четвертой задачи исследования необходимо было провести ряд поисковых запросов к базе данных с участием расширенных ячеек. Подчеркнем, что наша цель здесь проверить скорее техническую сторону созданного программного решения, поскольку смысловая компонента тесно связана с качеством исходного тонального словаря, которое в рамках нашего исследования не подвергалось проверке.

В качестве первого запроса узнаем общую тональную характеристику корпуса. Для этого воспользуемся функцией ручного запроса корпусного менеджера:

SELECT COUNT (*) FROM tokens WHERE tokenoption01 > 0.0

Результат:
Токенов: 128711 (3,52 %).

Таким образом, 3,25 % всех токенов базы данных получили положительную коннотативную характеристику.

Для получения количества отрицательно окрашенных токенов применим следующий запрос:

SELECT COUNT (*) FROM tokens WHERE tokenoption01 < 0.0

Результат:
Токенов: 73200 (2,0 %)

Полученные данные позволяют заключить, что (согласно данным разметки) корпус имеет преимущественно положительную коннотацию.

Перейдем к таблице предложений. Построим запросы к сумме значений всех коннотированных токенов, в котором проверим положительные, отрицательные и нулевые значения:

SELECT COUNT (*) FROM sents WHERE sentoption04 > 0.0

Результат:
Предложений: 69422
Предложений всего: 200856

SELECT COUNT (*) FROM sents WHERE sentoption04 < 0.0

Результат:
Предложений: 49898
Предложений всего: 200856

SELECT COUNT (*) FROM sents WHERE sentoption04 = 0.0

Результат:
Предложений: 81536
Предложений всего: 200856

Здесь фиксируем превалирование положительных значений над отрицательными. Сложив результаты, получим 69422 + 49898 + 81536 = 200856,

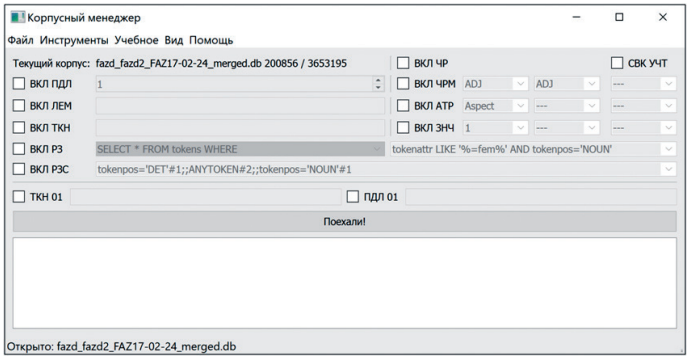

Рис. 1. Интерфейс корпусного менеджера после загрузки расширенной базы данных fazd_fazd2_FAZ17-02-24_merged.db

что дополнительно подтверждает правильность процедуры разметки.

Самым «отрицательным» предложением оказался образец № 88789:

> *Verboten* sein sollen demnach fortan: Videos, die *falsche* Informationen zur Prävention von *Krankheiten* verbreiten, Videos, die *unwirksame* Therapien für *Krankheiten* bewerben sowie Videos, die gar die Existenz von *Krankheiten leugnen*. – В будущем следует запретить: видео, распространяющие ложную информацию о профилактике заболеваний, видео, рекламирующие неэффективные методы лечения болезней, и видео, которые даже отрицают существование болезней[1].

Предложение имеет семь отрицательно коннотированных токенов (выделены полужирным) с суммой значений -3,315.

Самым «положительным» стало предложение № 24556 с шестью положительными токенами (выделены полужирным) и с суммой значений 1,9108:

> Der vorgeschlagene Pakt *mag* nicht *perfekt* sein, aber wenn 27 Staaten über ein so *sensibles* Thema *verhandeln*, kann es kein *perfektes* Ergebnis geben, daher *unterstütze* ich ihn im Großen und Ganzen. – Предлагаемый пакт, возможно, не идеален, но когда 27 государств ведут переговоры по такому деликатному вопросу, идеального результата быть не может, поэтому я, в общем и целом, его поддерживаю.

Обратим внимание на то, что отрицание *nicht* не получило никакой коннотации, а глагол *mögen* употребляется не в прямом значении, а в значении предположения, что может сказываться на валидности интерпретации этого и других образцов. Однако, как было отмечено выше, проблема качества исходного тонального словаря в настоящем исследовании нами не рассматривается и может быть подвергнута изучению в отдельной научной работе.

В ходе эксперимента по вводу запросов к таблице предложений выяснилось, что работа со знаками «больше» и «меньше» имеет свою специфику, что обусловлено особенностями языка SQL. Например, при запросе:

SELECT COUNT (*) FROM sents WHERE sentoption04 < -2.0

– мы получим результат 49847 предложений, что не соответствует действительности, так как таких предложений в корпусе только 51 единица. Для корректного результата необходимо изменить синтаксис запроса на следующий:

SELECT COUNT (*) FROM sents WHERE sentoption04 BETWEEN -2.0 AND -4.0

Предпримем далее попытку осуществить более предметный поиск, в рамках которого возможно было бы оценить контекст определенных лексических единиц. Например, возьмем наименования стран: *Deutschland* (*Германия*), *Frankreich* (*Франция*), *Türkei* (*Турция*).

Простой поиск по лемме показывает, что эти существительные упоминаются в корпусе в 3937, 636 и 242 предложениях соответственно. Оценим коннотации этих предложений, для чего в очередной раз воспользуемся функцией ручного запроса. Найдем все предложения с отрицательной суммарной коннотацией, в которых встречается существительное *Deutschland*. Поскольку поиск производится по таблице предложений, а не по таблице токенов, и при этом поиск осуществляется одной строкой, то наименование страны необходимо будет искать как последовательность символов в ячейке, содержащей текст предложения, исключив первый символ:

SELECT COUNT (*) FROM sents WHERE sentoption04 < 0.0 AND senttext LIKE '%eutschland%'

Результат:
Предложений: 1109
Предложений всего: 200856

Проведем аналогичные запросы для положительных и нулевых значений:

SELECT COUNT (*) FROM sents WHERE sentoption04 > 0.0 AND senttext LIKE '%eutschland%'

Результат:
Предложений: 1705
Предложений всего: 200856

SELECT COUNT (*) FROM sents WHERE sentoption04 = 0.0 AND senttext LIKE '%eutschland%'

Результат:
Предложений: 1390
Предложений всего: 200856

Результат говорит о том, что положительные и нейтральные значения превалируют.

Объединим эти данные с показателями для Франции и Турции и представим в табличной форме (табл. 1).

[1]Зд. и далее перевод наш. – *А. Г., Д. С.*

Таблица 1

КОННОТАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПО СТРАНАМ

Страна	+	–	0	Вывод
Deutschland	1705	1109	1390	+
Frankreich	225	201	226	0/+
Türkei	82	77	89	+

Подчеркнем, что таблица отражает некоторые данные о контекстах только существительных, обозначающих страны, а не о том, как в целом представлена страна в текстах корпуса. Для понимания последнего было бы необходимо работать менее формально и учесть целую группу лемм, образующих семантическое поле, связанное с Германией, Францией или Турцией, и охватывающих несколько частей речи.

Полученные данные говорят о том, что, исходя из маркировок в используемом тональном словаре, топоним *Deutschland* лидирует по положительным контекстам употребления относительно отрицательных. *Türkei* также преимущественно упоминается в положительных контекстах, а *Frankreich* имеет скорее нейтрально-положительное окружение.

Приведем несколько примеров. Образец № 187937 (Deutschland) имеет суммарную коннотацию 1,2644 (4 «положительных» токена, выделены полужирным):

> Deutschland ist ein toller Standort, ein *guter* Standort, aber es ist jetzt *wichtig*, dass wir die *richtigen* Dinge tun, damit er wettbewerbsfähig bleibt. – Германия – крутое место, хорошее место, но сейчас важно, чтобы мы делали правильные вещи, чтобы она оставалась конкурентоспособной.

Образец № 165619 187937 (Deutschland) имеет суммарную коннотацию -1,8059 (4 «отрицательных» токена, выделены полужирным):

> Einerseits trifft die Charakterisierung unzweifelhaft die Welt eines Politikers, der in der Wiedervereinigung, in Europa, in *Krisen* aller Art, aber auch im Alltag seines politischen Wirkens die demokratische und wirtschaftliche Ordnung bewahren wollte, die Deutschland nicht, wie mancher „Konservative" meint, *schwach* und *dekadent* zu machen *droht*, sondern so lebenswert hat werden lassen wie nie zuvor. – С одной стороны, характеристика, несомненно, отражает мир политика, который после падения Берлинской стены, в Европе, в кризисах всех видов и также в повседневной политической жизни хотел сохранить демократический и экономический порядок, который не угрожает сделать Германию, как полагают многие «консерваторы», слабой и упадочной, но комфортной для жизни, как никогда раньше.

Примечательно, что существительное *Wiedervereinigung* (обычно переводится как «падение Берлинской стены» или «объединение Германии», выделено подчеркиванием) имеет в тональном словаре положительную коннотацию равную 0,004.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, цель нашего исследования достигнута. Во-первых, процедура разметки авторского сбалансированного лингвистического корпуса была экстраполирована на базу данных объемом 3653195 токенов, в ходе выполнения этой задачи при разметке таблицы предложений была предусмотрена работа с заданным диапазоном, чтобы оператор имел возможность прервать и затем возобновить процесс из любой точки; во-вторых, была проведена автоматическая разметка корпуса текстов газеты FAZ коннотативными характеристиками, при этом был использован тональный словарь немецких существительных, прилагательных и глаголов с числовыми значениями от -1 до 1; в-третьих, была проверена целостность полученной базы данных; и в-четвертых, была проведена серия пробных запросов к полученной базе данных, результаты которых показали состоятельность предложенного программного решения.

Кроме того, наличие функции ручного запроса позволило избежать доработки корпусного менеджера для работы с базой данных, расширенной коннотативными характеристиками, что доказывает универсальность корпусного менеджера как системы управления базами данных с вариативными компонентами.

Перспективой исследования могут стать такие направления, как добавление в тональных словарь других частей речи (например, частиц) и в целом – создание собственных тональных словарей, а также совершенствование программного обеспечения для генерации сбалансированных лингвистических корпусов и осуществления поисковых запросов к ним.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Степанова Д. В. Обработка естественного языка и художественный текст: база для корпусного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. №1. С. 195–210. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210.
2. Степанова Д. В. Программный комплекс для генерации динамического корпуса текстов СМИ // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2023. № 6 (127). С. 123–130. EDN FMBTKO.
3. Горожанов А. И. Расширение стандартного сбалансированного лингвистического корпуса, построенного по правилам spaCy, коннотативными характеристиками // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 11. С. 3888–3893. DOI 10.30853/phil20230594. EDN FVUIUL.
4. Черничкин Д. А., Кривенко А. И. Медиаобраз России в казахстанских телеграм-каналах // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 4. С. 565–586. DOI 10.21638/spbu23.2023.404. EDN POURDG.
5. Комарова Е. В. Проблема цифрового этикета в русских и английских медиатекстах: на материале миграционного дискурса // Медиалингвистика. 2023. Т. 10. № 2. С. 253–264. DOI 10.21638/spbu22.2023.207. EDN MFJOQV.
6. Глушак В. М. Отрицание немецких полярных слов и выражений в автоматизированном анализе тональности текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 10. С. 3287–3292. DOI 10.30853/phil20230510. EDN CWDXEU.
7. Чернышевич М. В. Принципиальная схема решения задачи ACAT и его лингвистическое обеспечение // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2018. № 3 (94). С. 72–80. EDN WXUUJR.

REFERENCES

1. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2024). Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research. RUDN Journal Of Language Studies, Semiotics And Semantics, 15(1), 195–210. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210.
2. Stepanova, D. V. (2023). Software package for generating a dynamic media texts corpus. Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology, 6(127), 123–130. EDN FMBTKO. (In Russ.)
3. Gorozhanov, A. I. (2023). Extension of a standard balanced linguistic corpus built according to spaCy rules by connotative characteristics. Philology. Theory & Practice, 11(16), 3888–3893. DOI 10.30853/phil20230594. EDN FVUIUL. (In Russ.)
4. Chernichkin, D. A., Krivenko, A. I. (2023). Media image of Russia in Kazakh Telegram channels. Political Expertise: Politex, 4(19), 565–586. DOI 10.21638/spbu23.2023.404. EDN POURDG. (In Russ.)
5. Komarova, E. V. (2023). Digital ethics challengers in Russian and English media texts: Migrant Discourse Case Study. Media Linguistics, 2(10), 253–264. DOI 10.21638/spbu22.2023.207. EDN MFJOQV. (In Russ.)
6. Glushak, V. M. (2023). Negation of German polar words and expressions in automated analysis of text tonality. Philology. Theory & Practice, 10(16), 3287–3292. DOI 10.30853/phil20230510. EDN CWDXEU. (In Russ.)
7. Chernyshevich, M. V. (2018). The architecture of sentiment-analysis system and its linguistic resources. Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology, 3(94), 72–80. EDN WXUUJR. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горожанов Алексей Иванович
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

Степанова Дарья Валерьевна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры теории и практики английской речи факультета английского языка
Минского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gorozhanov Alexey Ivanovich
Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Prof. ,
Professor in the Department of German Language Grammar and History
Faculty for German Language
Moscow State Linguistic University

Stepanova Darya Valeryevna
PhD (Philology), Associate Prof.
Associate Professor in the Department of Theory and Practice of English Speech
Faculty for English Language
Minsk State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	01.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.11.2'1

О некоторых источниках пополнения современного немецкого молодежного сленга

О. С. Ефимова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Jefimija3@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые источники пополнения немецкого молодежного сленга, анализируются словообразовательные механизмы, используемые немецкой молодежью в процессе словотворчества. Рассматриваются пути пополнения данной лексики в результате особого, нетривиального применения метафорического и метонимического переноса, иронии, антономазии, стилизации. Лексемы данной социальной группы обладают оценочной функцией, часто – комическим эффектом.

Ключевые слова: молодежь, сленг, словосложение, переосмысление, комический эффект, оценочность

Для цитирования: Ефимова О. С. О некоторых источниках пополнения современного немецкого молодежного сленга // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 36–43.

Original article

On the Question of Some of the Sources Supplementing the Modern German Slang of the Young People

Olga S. Efimova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
jefimija3@yandex.ru

Abstract. In the article are some of the sources supplementing the modern German slang of the young people under consideration. The article analyses productive processes of slang word formation, that are used by the young German people. The creative application of metaphorical and metonymic transfer of names, irony, stylization, antonomasia are addressed. The slang words function as a evaluation, many of them create a comic effect.

Keywords: young people, slang, compounding, re-comprehension, a comic effect, evaluation

For cituation: Efimova, O. S. (2024). On the question of some of the sources supplementing the modern German slang of the young people. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 36–43. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Немецкий молодежный сленг является предметом изучения многих зарубежных и отечественных лингвистов, например, Г. И. Краморенко, Э. Шенфельд (E. Schönfeld), Г. Эманн (H. Ehmann), Г. Хэнне (H. Henne) и др.

Лексику, представленную в молодежном сленге, отличают особые черты, нехарактерные для нейтральных общеупотребительных лексем. Это является одной из причин интереса, проявляемого к ней лингвистами.

Объектом исследования данной статьи являются конкретные лексемы, возникшие в современном молодежном немецком сленге, предметом исследования – анализ процессов словотворчества, наблюдаемых в социальной группе *молодежь*.

При работе над лексическим материалом применялись методы компонентного анализа, сопоставления, а также описательный метод.

В статье использовался лексический материал, представленный в немецко-русском словаре сленга К. В. Шевяковой и М. А. Чигашевой[1].

СЛЕНГ И ЖАРГОН

Понятие «сленг» тесно связано с понятием «жаргон», нет единой дефиниции жаргона в среде лингвистов, но они выделяют следующие общие признаки, свойственные жаргонизмам: «Жаргонизмы являются неотъемлемой частью языка, занимают важное место в культуре речи, их можно считать лексико-стилистическими образованиями. Такие слова свойственны разговорному языку людей, связанных определенной общностью интересов» [Зоркина, 2020, с. 18].

Существует большое количество определений жаргона, в представленной статье мы опираемся на определение этого явления, которое дается в словаре Азимова, Щукина. Оно представляется ясным, отражающим основные характеристики жаргона: «Жаргон – социальная разновидность речи, характеризующаяся по сравнению с общенародным языком специфической лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств. Основная функция жаргона состоит в выражении принадлежности к относительно автономной социальной группе посредством употребления специфических слов, форм и оборотов. Лексика жаргона строится на базе литературного языка путем переосмысления, метафоризации, звукового усечения, а также активного использования иноязычных слов и морфем»[2]. В статье мы рассматриваем сленг как молодежный жаргон.

На необходимость социальной дифференциации лексического состава языка указывал еще И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. Он обращал внимание на существование лексических единиц с узким значением, которые употребляются только в рамках определенной социальной группы. Исходя из этого, ученый делал вывод, что есть два пути анализа лексического состава языка: «Всякое племенное языковое целое разнообразится в различных направлениях. Прибегая к образному, неточному выражению, можно бы сказать, что здесь имеет место распадение по вертикальным и горизонтальным наслоениям. С одной стороны, с чисто племенной, территориально-этнографической точки зрения, получается деление на говоры в строгом смысле этого слова, на говоры, отличающиеся между собою прежде всего произношением, т. е. фонетическими особенностями. С другой – в языковом разнообразии отражаются различия специальностей, сословий, уровней образования и т. п.; подобного рода своеобразие сказывается и в употреблении слов со своеобразным значением и в своеобразном языковом мировоззрении» [цит. по: Трахтенберг, 1908, с. 3].

ХАРАКТЕРИСТИКА МОЛОДЕЖИ С ПОЗИЦИИ СОЦИОЛОГИИ

Прежде чем перейти к определению молодежного сленга и его функциям в языке, необходимо иметь ясное представление о социальной группе *молодежь*.

«Несомненно, что молодежь как социально-демографическая группа является частью общества и неотделима от него. Более того, характер возрастных и социально-психологических особенностей, специфических интересов и потребностей молодежи социально обусловлен, и они могут быть конкретно интерпретированы лишь в более широком общественном контексте. Вместе с тем среди основополагающих аспектов социологического определения молодежи исследователи устойчиво выделяют возрастные границы, социально-психологические особенности, специфику социального статуса, ролевые функции, социокультурное поведение, процесс социализации как единство социальной адаптации молодежи и индивидуализации. <…> При ресурсном подходе молодежью чаще всего считается возрастная когорта от 18 до 30 лет» [Загребин, 2014, с. 2].

Социальная группа «молодежь» обладает специфическими социально-культурными чертами. Причиной этого заключается в особой двойной функции, которую осуществляет молодежный социум.

[1]Шевякова К. В., Чигашева М. А. Немецко-русский и русско-немецкий словарь сленга. М.: Живой язык, 2015.

[2]Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. С. 69.

«…в современной ситуации молодежные группы выполняют двойную функцию. С одной стороны, они частично защищают от будущих взрослых ролей, структурируя пространство своей деятельности свободным от вмешательства взрослых. С другой – эти же группы частично ориентированы на принятие взрослых норм и правил. Таким образом, функция молодежной субкультуры – ослабление процесса регулирования перехода от детства к взрослой жизни. <…> Пока, с одной точки зрения, молодежная субкультура готовит молодых людей к будущей взрослой жизни, с другой – происходит аннулирование многих привычных родительских стандартов, что проявляется у молодых людей в безответственности, поиске удовольствия и желании хорошо проводить время» [Курышева, 2014, с. 72].

Непоследовательность, расплывчатость социальных ориентиров является одной из основных причин появления сленга, молодежного жаргона, используемого в данной социальной среде. Стремление самоутвердиться, «отгородиться» от старшего поколения порождает желание создать свой особый лексикон, который будет понятен только в этой среде. Это обеспечивает некую видимую «исключительность», помогает внешнему утверждению себя в окружающем мире.

Выделяя базовые, существенные свойства сленга как специфической лексики, которую использует определенная социальная группа, лингвисты называют следующие моменты: сленг понятен только в рамках определенного сообщества, это некое средство отграничения данного сообщества от окружающих. В частности, С. И. Левикова подчеркивает: «Основной характеристикой сленга выступает то, что он не только понятен лишь для тех групп или социальных слоев, которые его используют, но и не предназначен для того, чтобы быть понятным для всех»[1].

Немецкий лингвист H. Henne, характеризуя функции сленга (он употребляет термин «Jugendsprache»), обращает внимание на то, что сленговые лексемы не несут кодовой, тайной информации, они лишь по-иному называют предметы и явления окружающей среды.

> Die Jugendsprache ist eher eine spezifische, für Jugendliche typische Verwendungsweise der Sprache, die von der „Erwachsenensprache“ schon deshalb nicht abzugrenzen ist, weil sie nur Redeweisen aber keine Kodes sind. In Wirklichkeit ist die Jugendsprache eine schöpferische, spielerische, experimentell antikonventionelle Abwandlung der Standartsprache. Die „Jugendsprache“ ist jugendliche Sprechweise, die als spielerisches Sekundergefüge betrachtet werden kann [цит. по: Naer, 2015, с. 116]. – Молодежный сленг – это скорее специфическая, присущая молодежи форма использования языка. Молодежь таким образом хочет «установить границы» со взрослым миром. В действительности он представляет собой некое креативное, нарушающее определенные принятые в языке правила, “отклонение” от языковой нормы. Сленг можно рассматривать как вторичный шутливый языковой продукт[2].

Молодежный сленг неустойчив, лишь немногие лексические единицы из этой сферы попадают в общенациональный язык, остальные фиксируются только специальными словарями, быстро устаревают и на их место приходят новые лексемы. Это отражает смену поколений, «Молодежный сленг имеет ряд особенностей и отличий от других имеющихся сленгов. <…> К их числу прежде всего можно отнести быструю изменчивость молодежного сленга, объясняющуюся тем, что постоянный “приход” в молодежь подрастающих детей и “уход” из нее во взрослую жизнь приобретающих статус взрослых молодых людей сопровождается обновляемостью молодежного сленга»[3].

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ НЕМЕЦКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА

Далее нам хотелось бы рассмотреть отдельные конкретные источники пополнения немецкого молодежного сленга, благодаря которым в нем появляются новые слова или нейтральные слова получают новые значения.

Словосложение является одним из главных способов пополнения лексического состава немецкого языка, это утверждение относится и к молодежному сленгу. Можно утверждать, что число лексем (прежде всего существительных) возникло в результате словосложения. При этом, как правило, происходит переосмысление одного из компонентов в результате метафорического или метонимического переноса, иногда появляются лексемы, в которых наблюдается семантический сдвиг (полное переосмысление) значения.

Следует также отметить, что рассматриваемые лексемы имеют оценочную функцию, нередко обладают комической окраской. Например, у следующих существительных в результате метафорического переноса переосмыслен один компонент: *Blümchen**killer*** (*вегетарианец*) – вторая лексема имеет сему «прекращать существование», она

[1]Левикова С. И. Предисловие // Большой словарь молодежного сленга. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. С. 4–5.

[2]Перевод наш. – *О. Е.*

[3]Левикова С. И. Предисловие // Большой словарь молодежного сленга. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. С. 16.

комически «обыгрывается» в данном существительном; первые компоненты в следующих двух лексемах подчеркивают степень выраженности признака (в первом случае – сильную) ***Bulimie***-*Lernen* (*судорожное заучивание для экзамена, после которого всё быстро забывается*), а в существительном ***Holz***-*PC* (*медленный интернет*) наоборот – слабую. Это достигается за счет соединения в одном слове лексем из абсолютно разных тематических групп, денотаты которых в реальной жизни абсолютно несовместимы; то же самое можно сказать о лексеме ***Patchwork***gesicht (*лицо, которое перенесло несколько пластических операций*). У некоторых существительных со вторым переосмысленным компонентом можно наблюдать называние не только на основе определенного внешнего сходства, но и сходства выполняемой деятельности, какого либо поведенческого признака:

Garten*salami* – огурец;
Boden*kosmetikerin* – уборщица;
Party*parasit* – гость на вечеринке, который пришел без приглашения;
Funk*ziegel* – смартфон;
Acker*designer* – фермер;
Hals-*Tapete* – галстук;
Nikotin*schmarotzer* – пассивный курильщик;
Kleider*fusseln* – бельевая прищепка;
Parkbank*philosoph* – бездомный.

Иногда сходство очень опосредованно:

Dach*hase* – кошка;
Änderungs*fleischerei* – институт красоты;
Drehstuhl*pilot* – клерк, работающий без желания (*последнее существительное имеет негативную коннотацию*).

Можно также наблюдать лексемы с одним переосмысленным компонентом вследствие метонимического переноса, первый компонент может указывать на последствия действия ***Ohrfeigen***baum: *am* ***Ohrfeigen***baum *rütteln* – провоцировать кого-либо, на связь состояния с определенным местом *Mund****wüste*** – 1. *жажда* или состоянием места (безмолвие) 2. *молчун*, ассоциации, на которых базируется номинация, самые разные, например, по месту: *Hefe****geschwür*** (*пивной живот*); по принадлежности к определенному классу: *Schul****porsche*** (*школьный автобус*) – на основе связи «существо и базовое средство питания» *Affen****wurst*** (*банан*), в слове ***Büffel***bude (*школа*) можно наблюдать метонимическое переосмысление первого и метафорический перенос у второго составляющего. Существительные со вторым переосмысленным компонентом могут обозначать людей, оценивая их с определенной точки зрения (социальной, эстетической, нравственной):

Chef*bettmatratze* – секретарша;
Gesichts*niederlage* – урод;
Gesichts*selfmeter* – некрасивый человек;
Erzeuger*fraktion* – родители;
Hartz-iv-Dynastie – семья, где несколько поколений живут на социальное пособие.

Нейтральное словосочетание *laufende Kosten* (*текущие расходы*) переосмыслено полностью, оно обозначает *дети*, дети всегда связаны с затратами, и это нашло отражение в переосмыслении «сухого» словосочетания, другое словосочетание *laufender Meter* также имеет основное значение *погонный метр*, но в результате переосмысления получает новое значение *коротышка*; интересно, что в русском языке также существует похожая конструкция (на основе меры длины *метр с кепкой*), но она является продуктом словотворчества в разговорном слое языка.

Многие сложные существительные идиоматичны, т. е. их значение нельзя механически вывести из значений их отдельных составляющих:

Abwrackprämie – премия;
Bezirksbegatter – бабник;
Betrugsveranstaltung – урок;
Waschbärfresse – девушка с сильно накрашенными глазами;
Alpenpizza – коровья лепешка;
Schrumpelrose – старушка;
Advokatenzögling – умный парень, интеллектуал;
Alfstrumpfhose – волосатые ноги (связь с сериалом ALF (Alien Life Form) об инопланетянине Альфе);
Bodeferrari – медленный, как улитка;
Disco-Brause – водка и напиток Red Bull;
Drahtfresse – тот, кто носит брекеты;
Edelratte – маленькая собачка светских львиц;
Entenparka – гусиная кожа;
Fleischmütze – лысина;
Froschbenzin – мятный ликер;
Freizeitphilosophentreff – биржа труда;
Gehirnkrücke – гаджет.

Приведенные выше лексемы обладают также комическим эффектом, который возникает в результате соединения в одном сложном слове компонентов, обозначающих явления и предметы, совершенно несовместимые в реальной жизни. Такая интерпретация действительности, оригинальный взгляд на мир лежит в основе эстетической категории комического, реальным воплощением этой

категории является остроумие, умение с юмором смотреть на окружающую действительность. «Комизм субъективен. Он возникает на основе обнаружения противоречивости явления. В остроумии заложено умение находить близость между тем, что кажется на первый взгляд различным и трудно сопоставимым» [Девкин, 1998, с. 5].

Метафорический и метонимический перенос значений слов из нейтрального сегмента языка является одним из важных источников пополнения молодежного сленга. Эти механизмы создания новых значений универсальны, они присутствуют в разных лексических пластах. Молодежь активно прибегает к переосмыслению на базе метафорического или метонимического переноса:

Amerikaner – кафе быстрого питания;
Werkzeugkasten – человек с большим количеством пирсинга;
Dachdecker – психолог;
Blindenschrift – прыщавое лицо;
Bombe – симпатичная девушка;
Briefkasten – декольте;
Deoroller – лысый;
Entlassung – каникулы;
Esszimmer – рот;
Plusquamperfekt – старомодный человек;
Folterkammer – классная комната;
litzableiter – брекеты;
Fresspause – диета;
Fantafarm – клиника для лечения алкоголиков.

В качестве объектов, которые являются источником для метафорического или метонимического переосмысления, выступают конкретные вещи окружающего мира, их свойства, отношение к ним говорящего; социальные институты, действия отдельных людей, явления социума, в который включены молодые люди. Это свидетельствует о том, что метафоризация и метонимизация остаются базовыми источниками пополнения не только нейтральной, но и социально окрашенной лексики, что подчеркивает их универсальность и непреходящее значение в процессе словотворчества.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ *ИРОНИИ* И *СТИЛИЗАЦИИ* В НЕМЕЦКОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ

Комический эффект имеют определенные лексемы, которые используются иронически, т. е. употребляются в смысле, противоположном буквальному. Но этой функцией ирония в молодежном сленге не ограничивается, лексемы, употребляемые в противоположном значении, могут выражать насмешливое, неуважительное отношение к предмету разговора или к собеседнику. «Ирония в чистом виде предполагает обязательный смысловой сдвиг: наличие буквального значения и подразумеваемого, ирония может также сближаться с другими видами комического, а также с явлениями лжи и насмешки» [Земчихина, 2018, с. 156].

В немецком молодежном сленге в результате иронического переосмысления возможен переход одной части речи в другую, можно также наблюдать эвфемизацию значения употребляемой лексемы, это описывается в работе И. Б. Бойковой и Н. К. Ковальчук, они приводят следующие примеры: *der Genius – гений* в нейтральном языке превращается в несклоняемое прилагательное *genius* (*недалекий*), существительное *der Saft* (*сок*) выполняет функцию эвфемизма, так как имеет значение «алкоголь». Таким образом предложение *Wir haben wieder ordentlich Saft getrunken* уже точно обозначает *Мы опять хорошо выпили* [Бойкова, Ковальчук, 2020, с. 193]. В качестве примеров иронического переосмысления можно привести следующие лексемы из нейтрального пласта языка или созданные в молодежной среде, для последних характерно переосмысление одного из составляющих:

Hegel – идиот;
kreativ – неправильный;
Kampfadergeschwader – сборище стариков;
Nagelstudio – бордель;
Ossiporschee – автомобиль «Трабант»;
Gillette – лысина;
Dramaqueen – склочница;
Galileo-Professor – тот;
кто сыплет цитатами из вечерних программ;
Gammelfleisch-Oase – палатка дёнер;
Hartz-iv-Smoking – костюм для бега трусцой;
Homofürst – гомосексуалист;
Ich-Einheit – эгоист;
Jalousie de la Fress! – Заткнись!
Knödelfee – толстуха;
Porzellanthron – унитаз;
Opfer – идиот;
Russensaft – водка;
schenken lassen – воровать;
Seniorenkonfekt – таблетка;
Tüte – сигарета с марихуаной;
Mieze – проститутка;
Schulporschee –школьный автобус;
politisches Zwangskollegium – полиция;
sozialistisch umlagern – своровать.

В современном молодежном немецком жаргоне встречаются также лексемы, возникшие в результате стилизации.

Стилизация как стилистический прием стремится придать художественному произведению такие внешние языковые характеристики и так построить языковой материал, что художественное произведение приобретает речевые особенности, присущие определенной социальной среде, эпохе, жанру, литературному направлению. Если речь идет о стилизации в молодежном сленге, то подразумевается социально-речевая стилизация. Этот вид стилизации использует прежде всего фонетические, лексико-фразеологические, синтаксические особенности речи воспроизводимой социальной среды. Н. М. Наер подчеркивает, что основной целью стилизации в молодежной среде является желание дать оценку других людей или охарактеризовать определенную ситуацию (прив. по: [Наер, 2015, с. 127]).

Лексемы подобного рода могут возникать с опорой на звуковое сходство с иностранными лексемами или конструироваться из иностранных лексем, но иметь значение, которым их «наделяет» молодежный социум:

Don Geilo – самец, мачо;
Don Promillo – алкоголик;
Chateau Migraine – дешевое вино, бормотуха;
Pizza Salmonella – пицца, которая может вызвать сильное расстройство желудка;
McDreamy – красавчик;
Pickelpinocchio – прыщавый человек;
Pyrokleptomanie – «случайное» желание взять чужую зажигалку;
Super Haario – очень волосатый человек;
Red-Nose-Time – насморк;
Snaggi – перекус;
Slow Meier – хорошо успевающий ученик, имеющий проблемы вне школы;
Supporter – родители;
Chillylesson – урок, на котором можно расслабиться.

Некоторые лексемы напоминают по звучанию термины, так как в их составе есть иноязычные элементы, присущие терминологии, или иноязычные слова латинского и греческого происхождения, но к терминам они не относятся:

Autistenmütze – наушники;
Bewegungsastheniker – 1. неспортивный человек; 2. рохля
bildungsresistent – тупой;
promilliert – навеселе;
Bionese – человек, следящий за здоровым питанием;
dönieren – есть денер-кебаб;
fitnieren – заниматься фитнесом;
Hallofon – мобильный телефон;
Fadität – скука;
Xylakant – дуралей;
Grasianer – тот, кто курит марихуану;
Suppenkoma – чувство переедания;
Homofürst – гомосексуалист;
Universaldilettant – неумеха;
Evolutionsbremse – недалекий человек;
Intelligenzallergiker – идиот;
Synapsenfasching – замешательство;
Synapsenschocker – учитель, который хочет дать письменную работу;
Augen*tinnitus* haben – быть в окружении дураков (*Tinnitus* в медицине обозначает звон в ушах);
emotional flexibel – со странностями.

Яркое, творческое использование имеющихся в языке традиционных словообразовательных средств, их «компоновка» с абсолютно несовместимыми с точки зрения логики основами или создание композитов из совершенно «далеких друг от друга» лексем наглядно демонстрирует свежий взгляд на мир молодых людей, их умение образно описывать повседневные вещи и явления.

КОНТАМИНАЦИЯ В НЕМЕЦКОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ

В молодежном сленге также встречаются лексемы, возникшие в результате контаминации или наложения основ, имеющих одинаковые или сходные по звучанию части, это является главным признаком контаминации, часто сходство звучания дополняется определенными общими смысловыми элементами.

Контаминацию молодежь использует для создания ярких, запоминающихся наименований, например:

Laptot – человек, который много времени проводит за компьютером;
Chiletten – удобная обувь, тапочки;
chillaxen – отдыхать;
Porfnlakes – Виагра;
Alcoholidays – отпуск с алкоголем;
Alkowohl – шампанское или вино;
Bankster – сотрудник банка и спекулянт в одном лице;
Ballochse – футболист;
Doodle – сочетание Duden и Google;
Empfängnisvergütung – плата за сексуальные услуги;
Postituierte – почтовая служащая;
Promillologe – полицейский;
Zornröschen – стерва;
Pisseria – туалет;
Failgeburt – оскорбление.

Очень точно описывает основное отличие контаминации или паронимической деривации от традиционной деривации В. Д. Девкин: «Принципиальное отличие паронимической деривации от обычной в том, что вместо включения и освоения производящего корня происходит его выталкивание и замена другим. Если по словообразовательным моделям обычно возникают целые серии слов, здесь создаются, как правило, единичные дериваты, характер семантического изменения которых не обнаруживает какой бы то ни было одинаковой модификации значения и в каждом отдельном случае меняется неповторимо своеобразно» [Девкин, 1980, с. 23].

АББРЕВИАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК СОЗДАНИЯ НОВЫХ СЛОВ

Молодежный сленг, как и нейтральный слой языка, может пополняться аббревиатурами.

Аббревиация (образование аббревиатур) представляет собой особый способ создания лексем, более коротких по сравнению с исходными структурами, к которым относятся словосочетания или длинные сложные слова. Различают два вида аббревиации: образование сложносокращенных слов, состоящих из названий одной или двух начальных букв или звуков, и усечение производящего слова, т. е. стяжение.

К аббревиатурам первого типа относятся, например, следующие лексемы:

ABF – allerbeste Freundin;
BFF – Best Friend Forever;
Edeka (*название сети супермаркетов в Германии*) – Ende der Karriere;
PP – persönliches Pech;
end – einfach nur dumm;
anal – alles nur aus Liebe;
afk – away from Keybord (*не за компьютером*);
k. A. – без понятия;
k. P. – нет плана;
Lohas – Lifestyle of health and Sustainability – люди, обращающие внимание на безопасность продуктов для окружающей среды.

Интересна интерпретация следующих устойчивых узуальных сокращений:

GmBh – Geh mir Brot holen;
BMW – 1. Bayerischer Mistwagen, 2. Brot mit Wurst;
ZdF – Zieh den Finger! – Поторапливайся!

Следует отметить, что аббревиации подвергаются не только немецкие, но и английские лексемы.

Лексемы, образованные в результате стяжения, единичны, к ним относятся: *fjedn – auf jeden Fall*, *fkeinen – auf keinen Fall*. Последняя лексема не относится к «настоящим» лексемам подобного рода, так как вторая часть полностью сохранена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод, что в молодежном сленге используются традиционные механизмы словотворчества. В результате воздействия экстралингвистических факторов (глобализация, экспансия английского языка, отношения со сверстниками, с близкими и т. д.) в молодежной среде возникают новые лексемы, понятные только в этой социальной группе. При этом они называют по-новому традиционные вещи и явления, используя лишь новую, яркую, необычную форму. Такое словотворчество выражает стремление молодых людей по-своему описать и дать оценку предметам и явлениям окружающего мира. Создавая новые слова, молодые люди либо необычно используют нейтральные лексемы, наделяя их новым смыслом, или создают собственные яркие, оценочные слова. В качестве основных словообразовательных механизмов выступают метафорический, метонимический перенос; контаминация, менее активно применяются ирония, стилизация, аббревиация.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зоркина К. В. Лингвопрагматические характеристики молодежного сленга (на материале немецкого языка): дис. … канд. филол. наук, Волгоград, 2020.
2. Трахтенберг В. Ф. Блатная музыка (жаргон тюрьмы). СПб., 1908.
3. Загребин В. В. Подходы к определению категории «молодежь» // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2014. № 2. С. 26–30. URL: http://e-concept.ru/2014/14030.htm
4. Курышева О. В. Психологическая характеристика молодежи как возрастной группы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. 2014. № 1. С. 67–75.
5. Naer N. M. Stilistik der deutschen Sprache. М.: МПГУ, 2015.
6. Девкин В. Д. Занимательная лексикология. М.: Гуманитарный издательский центр Владос, 1998.
7. Земчихина Л. С. Ирония: к проблеме определения // Наука и школа. 2018. № 6. С. 155–157.

8. Бойкова И. Б., Ковальчук Н. К. Тенденции формирования молодежного сленга в современном немецком языке. URL: www.gramota.net/materials/2/2020/9/35.html.
9. Девкин В. Д. Возникновение слов и фразеологизмов на базе частичного звукового подобия // Вопросы лексикологии немецкого и французского языков: сборник трудов МГПИ им. В. И. Ленина. 1980. С. 21–33.

REFERENCES

1. Zorkina K. V. (2020) Lingvopragmaticheskie kharakteristiki molodezhnogo slenga = Lingvopragmatical features of the slang in German: PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
2. Trakhtenberg, V. F. (1908). Blatnaya muzyka (zhargon tyurmy) = Prison jargon. St. Petersburg: Printing house of Rozen. (in Russ.)
3. Zagrebin, V. V. (2014). Podkhody k opredeleniyu kategorii “molodyozh” = Approaches to the definition “young people”. Concept, 1, 26–30. http://e-concept.ru/2014/14030.htm. (In Russ.)
4. Kurysheva, O. V. (2014). Psikhologicheskaya kharakteristika molodyozhi kak vozrastnoy gruppy = Psychological characteristics of youth as an age proup. Bulletin of Volgograd State University, 7, 67–75. (In Russ.)
5. Naer, N. M. (2015). Stilistika nemetskogo yazyka = Stylistics of German. Moscow: MPGU. (In Russ.)
6. Devkin, V. D. (1998). Zanimatelnaya leksikologiya = Entertaining lexicology. Moscow: Humanitarian publishing center Vlados. (In Russ.)
7. Zemchikhina, L. S. (2018). Irony: the problem of defining. Science and school, 6, 155–157. (In Russ.)
8. Boykova, I. B., Kovalchuk, N. K. (2020). Tendencies in Youth Slang Formation in the Modern German Language. www.gramota.net/materials/2/2020/9/35.html.
9. Devkin, V. D. (1980). The occurence of the words and phraseologisms based on the partial sound similarity. Bulletin of Moscow State Pedagogical University, 2, 21–23. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ефимова Ольга Станиславовна
кандидат филологических наук
доцент кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Efimova Olga Stanislavovna
PhD (Philology)
Associate Professor of the Department of Grammar and History of the German Language
Faculty of German, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	05.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.11-112

Просодические особенности немецкой социальной рекламы 2006–2023 годов

Д. А. Зимарин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
live25@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются просодические особенности немецкой социальной рекламы, такие как темп, паузы и громкость речи. С помощью количественного анализа были выявлены наиболее частотные характеристики речи дикторов, а также показаны изменения просодических характеристик в выбранном временном периоде. Необходимость исследования обусловлена постоянно меняющимися условиями жизни в связи с происходящими в мире событиями.

Ключевые слова: темп, громкость, просодия, реклама, пауза, речь

Для цитирования: Зимарин Д. А. Просодические особенности немецкой социальной рекламы 2006–2023 годов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 44–50.

Original article

Prosodic Features of German Social Advertising in 2006–2023

Dmitry A. Zimarin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
live25@yandex.ru

Abstract. The article discusses prosodic features of German social advertising, such as tempo, pauses and volume of speech. Using quantitative analysis, the most frequent characteristics of the speakers' speech were identified, as well as changes in prosodic characteristics in the selected time period were shown. The need for research is due to the constantly changing living conditions in connection with the events taking place in the world.

Keywords: tempo, volume, prosody, advertising, pause, speech

For citation: Zimarin, D. A. (2024). Prosodic features of German social advertising in 2006–2023. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 44–50. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Реклама является одним из самых эффективных способов воздействия на человека. Путем периодического повторения одной и той же информации через определенные промежутки времени маркетологи добиваются поразительных успехов. Большая часть рекламируемых продуктов находит своего покупателя, так как планомерное воздействие на потенциального клиента убеждает его в необходимости покупки товара или услуги.

Однако реклама существует не только для увеличения количества продаж, но и для формирования определенного мышления. Например, социальная реклама создана для информирования граждан и формирования правильного социального поведения.

В данной статье рассматриваются просодические особенности немецкой социальной рекламы с целью выявления наиболее частотных и оптимальных параметров речи воздействующих на целевую аудиторию. Полученные результаты могут быть использованы для оптимизации речевого воздействия на слушателя, а также для теоретических и практических фонетических курсов.

Социальная реклама как способ поведенческой саморегуляции общества, ввиду собственной эффективности, с течением времени получила широкое распространение в мире и в первую очередь – в странах Европы.

В настоящий момент она активно используется государственными органами и общественными организациями для привлечения внимания населения к существующим проблемам или для формирования поведенческих установок, задавая вектор позитивного развития общества.

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Несмотря на то, что реклама зародилась еще во времена Древней Греции и Рима, наибольшее свое развитие она получила в период промышленной революции. С появлением автоматических печатных станков процесс распространения рекламных буклетов и плакатов увеличился в разы, а с развитием телевидения и Интернета возрос и объем предоставляемых рекламных услуг.

По мере разрастания рекламной сферы появилась необходимость регулирования ее деятельности. Были созданы контролирующие органы, которые определяли границы и способы создания рекламы. Например, в Германии был создан «Центральный союз немецкой рекламы», в обязанности которого входит координация работы рекламных объединений. В России также существует орган, осуществляющий меры по предупреждению и пресечению нарушений законодательства о рекламе, – это федеральная антимонопольная служба.

Само понятие рекламы закреплено в законодательных актах и словарях, однако в трактовках есть небольшие различия. Например, в российском законодательстве под рекламой понимается неперсонифицированная информация, распространяемая любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, и направленная на продвижение определенного объекта рекламирования[1].

В немецком законе о рекламе дается следующее определение: «Реклама – это распространяемая каким-либо образом информация, адресованная неустановленным лицам с целью привлечения внимания к отдельному товару или услуге»[2].

В толковом словаре Duden реклама дефинируется как «осуществляемое с помощью навязчивых средств продвижение чего-либо (особенно товара, услуги) с целью привлечения как можно большего числа людей в качестве потенциальных клиентов»[3] .

В приведенных определениях использование рекламы направлено на продвижение товаров и услуг, однако существует и другой вид рекламы, направленный на популяризацию определенных действий, идей или образа жизни – это социальная реклама.

Создание контролирующих органов было необходимо также для разделения двух понятий: пропаганда и социальная реклама. Под пропагандой понимается популяризация и распространение политических, философских, религиозных, научных, художественных или иных идей в обществе посредством устной речи, средств массовой информации, визуальных или иных средств воздействия на общественное сознание[4]. А социальная реклама – это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства [Оришев, 2016].

---

[1]Приказ Федеральной антимонопольной службы от 14 ноября 2023 года № 821/23 «Об утверждении руководства по соблюдению обязательных требований “Понятие рекламы”» // Информационно правовой портал гарант.ру. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407904467/#review.

[2]Bundesgesetz vom 13.03.2006 N 38-FZ „Über die Werbung“: Allgemeine Bestimmungen, Artikel. URL: https://tostpost.com/de/das-gesetz/16764-bundesgesetz-vom-13-03-2006-n-38-fz-ber-die-werbung-allgemeine-bestimm.html.

[3]Dudenkorpus. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Reklame.

[4]Ивин А. А. Пропаганда // Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/991/ПРОПАГАНДА.

Термин «пропаганда» активно использовался во время Второй мировой войны, а также используется в любое военное время и воспринимается негативно. Социальная реклама имеет более позитивную коннотацию. Данный вид деятельности часто носит более информативный и рекомендательный характер.

Основными заказчиками социальной рекламы в ФРГ и других странах являются: министерство окружающей среды, охраны природы, строительства, министерство продовольствия и сельского хозяйства; министерство семьи, пожилых людей, женщин и молодежи. Германия прикладывает много усилий для развития полноценного общества, в лице подростков и современной молодежи, пытаясь задать правильный путь жизни [Гордеева, 2009].

Социальная реклама в Германии распространяется в основном в следующих сферах:

1. Общество.
2. Семья (борьба с насилием в семье).
3. Здравоохранение.
4. Экология.
5. Социальные проблемы (заработная плата; гласность; повышение налогов; голод и бедность).
6. Благотворительность (донорство; гуманитарная помощь бездомным).
7. Государственная безопасность (популяризация военной службы) [Власова, 2020; Корепанов, 2018].

Социальная реклама в основном взаимодействует с органами государственной власти и не допускает упоминания о конкретных марках (моделях, артикулах) товаров, товарных знаках, знаках обслуживания и об иных средствах их индивидуализации, о физических лицах и юридических лицах.

ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

По мнению ряда исследователей, социальная реклама служит для выполнения двух целей: выстраивание позитивной (необходимой для государства) модели общественного поведения граждан, основывающейся на общечеловеческих ценностях, и привлечение внимания к какой-либо важной проблеме.

Значение социальной рекламы возрастает в период социально-экономических кризисов, так как происходит пересмотр норм поведения в обществе, проявляются проблемы с усвоением общественно значимых ценностей, в первую очередь, в молодежной среде [Толмачева, 2014].

Вместе с тем социальная реклама обладает рядом важных функций:

- воспитательная – формирование ценностей и стандартов мышления (в том числе идей гуманизма, культурных ценностей, позитивного потребительского поведения);
- образовательная: внедрение новых знаний, помогающих сделать жизнь человека лучше;
- формирование общественного мнения;
- укрепление социально значимых институтов гражданского общества;
- формирование в социуме новых типов общественных отношений;
- информирование, например, о существующих социальных услугах;
- создание положительного образа государственных служб [Николайшвили, 2008].

Таким образом, можно утверждать, что социальная реклама нацелена на поддержание прогрессивного развития общества, сохранение его стабильности, а также на укрепление позитивных, с точки зрения социума, усилий, деятельности отдельных социальных групп и благополучия отдельных индивидов. Выстраивание позитивной поведенческой модели достигается путем воздействия на ценностную сферу личности, а также использования (формирования) идентичности.

Основные способы передачи социальной рекламы заключаются в распространении *модульной рекламы* (памятки, листовки, брошюры, книги, плакаты, фотографии), *аудиосообщений* (радиорепортаж) и *видеоматериалов* (документальные фильмы, клипы).

Данные виды передачи информации обеспечивают максимальную эффективность воздействия социальной рекламы, которая достигается соблюдением некоторых требований к рекламному сообщению. Одним из этих требований является грамотное использование речи. Так, например, высокий темп речи способствует снижению внимания слушателя / зрителя и негативно влияет на восприятие рекламного материала.

Социальная реклама должна удерживать внимание реципиента, чему может способствовать средняя скорость вещания, оптимальный объем, разнообразие сюжетов, а также оптимальное чередование речевого и музыкального сопровождения, позволяющие избежать монотонности. Эффективность воздействия также повышается в том случае, когда рекламное сообщение передается авторитетным лицом или профессиональным диктором.

С фонетической точки зрения речь диктора имеет следующие критерии:

- громкость – сила голоса;
- тон – частотный диапазон голоса (высота);
- тембр: акустическими показателями тембра можно считать обертоны – уникальные призвуки основного спектра звучания голоса;

- подвижность – умение легко и быстро менять силу, тональность и прочие параметры голоса;
- темп – скорость произнесения элементов речи: звуков, слогов, слов.

Обязательным для профессиональных дикторов является:

- отсутствие дефектов речи;
- развитая артикуляция (работа отдельных произносительных органов не должна допускать нечеткость или «проглатывание» букв при образовании звуков речи);
- чистота звучания голоса (например, отсутствие сиплости, гнусавости голоса или посторонних шумов – звуков сглатывания слюны, щелчков, присвистов и т. д.);
- произношение должно соответствовать нормам литературного языка [Пчелина, 2016].

Успешное сочетание всех речевых параметров позволит максимально эффективно донести необходимую информацию до слушателя.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Для исследования просодических особенной немецкой социальной рекламы было проанализировано 50 рекламных роликов с 2006 по 2023 годы.

В исследовании рассматривались следующие просодические характеристики:

- громкость: 40–50 дБ – низкая, 50–60 дБ – средняя, 60–70 дБ – высокая;
- темп: медленный – менее 3-х слогов в сек, средний – 3–5 слогов в сек, быстрый – более 6 слогов в секунду;
- длительность пауз между паузальными группами: минимальная длительность – менее 1 сек, средняя длительность – от 1 до 3 сек, максимальная длительность – 3 и более сек;
- соотношение звучащей речи и пауз: процентное соотношение.

Для того чтобы проследить изменения и сравнить просодические параметры речи на разных временных отрезках, все рекламные ролики были разделены на три периода по пять лет каждый: (2006–2011) – 16 видеороликов, (2012–2017) – 17 видеороликов, (2018–2023) – 17 видеороликов.

Полученные результаты свидетельствуют об изменении некоторых просодических параметров (см. табл. 1). В видеороликах прослеживается снижение средней громкости речи (58 дБ в 2006–2011 годах и 48 дБ 2018–2023 годах). Увеличение общей продолжительности видеороликов повлияло на увеличение средней и максимальной длительности пауз. В 2006–2011 годах средняя длительность одного рекламного ролика составляла 51 сек, а максимальная – 63 сек. При этом средняя и максимальная длительность пауз равнялась 29 и 48 секундам соответственно. В 2018–2023 годах эти показатели увеличились. Максимальная продолжительность одного рекламного ролика в среднем возросла до 151 сек, а общая длительность средних и максимальных пауз составила 36 и 90 сек. Также произошло изменение соотношения звучащей и незвучащей речи. В 2006–2011 годах звучащая речь составляла 43 % от общей продолжительности ролика. В 2012–2017 годах объем звучащей речи сократился до 33 %, а в 2018–2023 годах возрос практически вдвое, до 65 %. Это связано с определенными событиями, происходившими в мире, например, в 2019 году началась пандемия заболевания, которому было присвоено название COVID–19. Пандемия продлилась несколько лет, в течение которых власти должны были информировать население о нововведениях в области поведения на улице,

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА РЕКЛАМНЫХ ВИДЕОРОЛИКОВ

	2006–2011 годы	2012–2017 годы	2018–2023 годы
Минимальная продолжительность видеоролика (сек)	29	32	37
Средняя продолжительность видеоролика (сек)	51	62	84
Максимальная продолжительность видеоролика (сек)	63	113	151
Минимальная громкость (дБ)	50	41	39
Средняя громкость (дБ)	57	49	48
Максимальная громкость (дБ)	65	61	62
Минимальная длительность пауз (сек)	13	16	10
Средняя длительность пауз (сек)	29	33	36
Максимальная длительность пауз (сек)	48	54	90
Минимальный темп (слог/сек)	4,5	4,4	4,4
Средний темп (слог/сек)	4,9	5,3	5,4
Максимальный темп (слог/сек)	6	6,2	6,2
Соотношение звучащей речи и пауз (%)	43/57	33/67	65/35

Таблица 2

РЕЗУЛЬТАТЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА РЕКЛАМНЫХ ВИДЕОРОЛИКОВ

	2006–2023 годы
Минимальная продолжительность (сек)	33
Средняя продолжительность (сек)	66
Максимальная продолжительность (сек)	109
Минимальная громкость (дБ)	43
Средняя громкость (дБ)	51
Максимальная громкость (дБ)	63
Минимальная длина пауз (сек)	13
Средняя длина пауз (сек)	33
Максимальная длина пауз (сек)	64
Минимальный темп (слог/сек)	4
Средний темп (слог/сек)	5,2
Максимальный темп (слог/ сек)	6,1
Соотношение звучащей речи / пауз (%)	47/53

в транспорте, об особенностях личной гигиены в период заболевания, правилах нахождения на карантине и т. д. Данные события вызвали необходимость увеличения времени и количества произносимой информации. Необходимо учитывать, что внимание слушателя или зрителя может длиться лишь в рамках определенного промежутка времени, а количество важной информации постепенно возрастает, в итоге повысилась и скорость подачи информации. В 2006–2011 годах средний темп речи социальной рекламы составлял 4,9 слогов в секунду, а в 2018–2023 годах он увеличился до 5,4 слогов в секунду. При этом максимальные и минимальные значения темпа остались на прежнем уровне.

Для выявления общих просодических особенностей немецкой социальной рекламы был проведен сопоставительный анализ видеороликов с 2006 по 2023 годы. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Результаты проведенного исследования показывают, что чаще всего продолжительность видеоролика составляет около 66 сек. Интенсивность голоса не превышает 51 дБ. Такую речь можно охарактеризовать как негромкую спокойную. Данные показатели громкости не формируют ощущения паники и не отпугивают слушателей или зрителей от представляемой информации. Громкость речи может варьироваться в зависимости от сопровождающего ее видео- или аудиоматериала и достигать пикового значения в 63 дБ. Например, диктор может комментировать какую-нибудь ситуацию на улице в рекламе дорожной безопасности, или может присутствовать фоновая музыка. В зависимости от объема сообщения темп может варьироваться от четырех до шести слогов в секунду, но в среднем его показатель составляет 5,2 слога в секунду. Данная скорость речи позволяет комфортно понимать и обрабатывать получаемые сведения.

Звучащая речь составляет чуть меньше половины временного объема видеороликов – 47 %. Это обусловлено тем, что в рекламе присутствует также визуальная информация, которую зритель должен сам увидеть или прочитать без комментариев диктора. В некоторых рекламных роликах звучащая речь минимизирована, так как они не несут какую-то необходимую информацию, а скорее направлены на демонстрацию определенных действий, как, например, автомобильная авария и ее последствия в результате неиспользования автомобильных ремней безопасности или реклама, описывающая службу в Бундесвере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно выделить следующие закономерности в изменении просодических характеристик немецкой социальной рекламы с 2006 по 2023 год.

1. Уменьшение интенсивности голоса на 15 %. Стремление к более спокойному и тихому голосу может давать слушателю ощущение безопасности и спокойствия, а также доверия к предлагаемому материалу.

2. Общее увеличение информации повлекло увеличение длительности видеоролика на 64 %, что в свою очередь стало причиной увеличения темпа речи на 25 %.

3. Наличие звучащей речи увеличилось на 51%.

Данные изменения связаны с постоянно меняющейся обстановкой в стране и мире, а также с необходимостью своевременно информировать граждан о тех или иных изменениях и формировании новых поведенческих моделей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Оришев А. Б. Реклама: определение понятия, экономическая роль и ее особенности в России // Бизнес и дизайн ревю. 2016. Вып. 4 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-opredelenie-ponyatiya-ekonomicheskaya-rol-i-ee-osobennosti-v-rossii.
2. Гордеева Е. В. Социальная реклама как одна из форм развития современной общественной жизни за рубежом // Молодой ученый. 2009. Вып. 6 (6). С. 162–164.
3. Власова Е. И. Лингвокультурологические особенности текстов немецкой военной социальной рекламы для детей и подростков // Заметки ученого. 2020. № 9. С. 124–127.
4. Корепанов Б. О. Реклама вооруженных сил ФРГ как вид социальной рекламы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 18 (816). С. 189–198.
5. Толмачева С. В. Роль социальной рекламы как фактора формирования правовой культуры личности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Вып. 3 (25). С. 1–3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnoy-reklamy-kak-faktora-formirovaniya-pravovoy-kultury-lichnosti.
6. Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: теория и практика: учебное пособие. 2-е изд. М.: Аспект-Пресс, 2008.
7. Пчелина Т. М. К вопросу о соотношении понятий «Качество голоса» и «Тембр голоса» в современных лингвистических исследованиях // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2016. Вып 5. С. 1–4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-ponyatiy-kachestvo-golosa-i-tembr-golosa-v-sovremennyh-lingvisticheskih-issledovaniyah.

REFERENCES

1. Orishev, A. B. (2016). Reklama: opredelenie ponyatiya, ekonomicheskaya rol' i ee osobennosti v Rossii = Advertising: definition, economic role and its peculiarities in Russia. Business and design review, 4(4). https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-opredelenie-ponyatiya-ekonomicheskaya-rol-i-ee-osobennosti-v-rossii. (In Russ.)
2. Gordeeva, E. V. (2009). Social'naya reklama kak odna iz form razvitiya sovremennoj obshchestvennoj zhizni za rubezhom = Social advertising as one of the forms of development of modern social life abroad. Young scientist, 6(6), 162–164. (In Russ.)
3. Vlasova, E. I. (2020). Lingvokul'turologicheskie osobennosti tekstov nemeckoj voennoj social'noj reklamy dlya detej i podrostkov = Linguoculturological features of texts of German military social advertising for children and adolescents. Notes of a scientist, 9, 124–127. (In Russ.)
4. Korepanov, B. O. (2018). Bundeswehr advertising discourse as a type of social advertising. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 18(816), 189–198. (In Russ.)
5. Tolmacheva, S. V. (2014). Rol' social'noj reklamy kak faktora formirovaniya pravovoj kul'tury lichnosti = Part taken by social advertising in raising legal literacy in individuals, 3(25), 1–3. https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnoy-reklamy-kak-faktora-formirovaniya-pravovoy-kultury-lichnosti. (In Russ.)
6. Nikolajshvili, G. G. (2008). Social'naya reklama: teoriya i praktika = Social advertising: theory and practice. Textbook. 2nd ed. Moscow: Aspekt-Press. (In Russ.)
7. Pchelina, T. M. (2016). K voprosu o sootnoshenii ponyatij «Kachestvo golosa» i «Tembr golosa» v sovremennyh lingvisticheskih issledovaniyah = The problem of correlation of the notions «voice quality» and «timbre» in modern linguistic researches. Vestnik KGU, 5, 1–4. https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-ponyatiy-kachestvo-golosa-i-tembr-golosa-v-sovremennyh-lingvisticheskih-issledovaniyah (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зимарин Дмитрий Александрович
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры фонетики немецкого языка, факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zimarin Dmitry Alexandrovich
PhD (Philology), Associate Prof.
Associate of the Department of Phonetics of the German Language
Faculty of German
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	15.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'25

Преобразования предикативных структур при переводе в паре «русский – английский» (на материале научно-популярных текстов)

К. В. Иваненко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
aino-312@yandex.ru

Аннотация. Перевод в паре «русский – английский» сопровождается закономерными преобразованиями, происходящими в том числе на синтаксическом уровне, где межъязыковые различия отражаются, среди прочего, в частоте использования разных типов предикативных структур. В рамках исследования, проводимого с опорой на частотно-типологическую модель перевода, изучается возможная связь между частотой употребления конструкций, выражающих предикативность с разной степенью имплицитности, и восприятием текста читателем.

Ключевые слова: перевод, предикативные структуры, полупредикативные структуры, частотно-типологическая модель перевода, научно-популярный подстиль

Для цитирования: Иваненко К. В. Преобразования предикативных структур при переводе в паре «русский – английский» (на материале научно-популярных текстов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 51–58.

Original article

Transformations of Predicative Structures in English-Russian Translation

Ksenia V. Ivanenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
aino-312@yandex.ru

Abstract. Translation between English and Russian entails numerous regular transformations, especially at the syntactic level, where interlingual differences can lead to disparities in the frequency of various predicate structures. This paper is based on the frequency-typology model of translation, and it is aiming to explore the potential correlation between the frequency of these structures and the reader's perception of the text.

Keywords: translation, predicative structures, semi-predicative constructions, frequency-typology model of translation, popular science texts

For citation: Ivanenko, K. V. (2024). Transformations of predicative structures in English-Russian translation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 51–58. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении многих лет среди русскоязычных читателей сохраняется устойчивый интерес к переводной литературе: согласно статистике, представленной Российской книжной палатой, каждый год в нашей стране издается около ста тысяч книг, и, как правило, не менее пятнадцати процентов среди них составляют работы, переведенные с других языков. Однако качество таких переводов далеко не всегда оценивается целевой аудиторией как удовлетворительное. Одним из наиболее часто критикуемых аспектов можно назвать «общую неестественность звучания» переводов – комплексную проблему, причины которой для самих читателей, как правило, остаются неясными. Объяснить это явление хотя бы частично обещает одна из новейших моделей перевода, а именно, частотно-типологическая модель, или ЧТМ, предложенная Д. В. Псурцевым.

Настоящая работа ставит своей целью выявление возможной взаимосвязи между синтаксическими переводческими преобразованиями, сопряженными с изменением типов используемых в тексте предикативных структур, с одной стороны, и восприятием текста русскоязычными читателями как переводного либо оригинального – с другой. Материалом исследования послужат фрагменты из оригинальных научно-популярных произведений, созданных русскоязычными и англоязычными авторами, а также несколько отрывков из научно-популярных текстов, переведенных на русский язык с английского и опубликованных российскими издательствами.

ЧАСТОТНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА

Частотно-типологическая модель перевода (*далее* ЧТМ) была представлена Д. В. Псурцевым в 2019 году [Псурцев, 2019]. Как отмечает сам ее автор, модель выросла из ряда более ранних концепций и прежде всего опирается на разработанную Я. И. Рецкером теорию закономерных соответствий (*далее* ТЗС) [Рецкер, 1950; Рецкер, 1974]; сформулированную М. Д. Литвиновой гипотезу (либо теорию) языковых спектров (*далее* ТЯС) [Литвинова, 2002]; и, наконец, описанный И. А. Кашкиным принцип различения общеязыкового и авторского [Кашкин, 1968].

Идея закономерных соответствий в переводе была сформулирована Я. И. Рецкером в 1950 году [Рецкер, 1950]. На тот момент ТЗС описывала соответствия, обнаруживаемые на лексическом уровне [Псурцев 2019, с. 47–48], т. е. такие слова и словосочетания в двух языках, которые, не являясь однозначными внеконтекстуальными эквивалентами, все же оказываются устойчивыми (или «закономерными»). Вопрос о существовании подобного рода соответствий на синтаксическом уровне представляется несколько более спорным, нежели вопрос об их выделении среди лексических единиц, но Д. В. Псурцев настаивает, что закономерные соответствия могут существовать и на уровне синтаксиса, аргументируя свою позицию рядом практических наблюдений. Так, по его словам, во-первых, хотя на поверхностном уровне принятые несколькими переводчиками синтаксические решения и могут казаться принципиально разными, иногда за их внешними различиями всё-таки удается обнаружить глубинное, неочевидное структурно-грамматическое сходство. Во-вторых, главным условием, при котором синтаксические структуры из разных языков могли бы называться закономерными соответствиями, является регулярное использование подавляющим числом переводчиков одних и тех же «основополагающих, категориальных вариантов синтаксического решения» на ПЯ для передачи одних и тех же структур ИЯ [Псурцев, 2019, с. 48]. Опираясь на вышеизложенные соображения, Д. В. Псурцев предлагает уточнить традиционно используемую в рамках ТЗС терминологию, заменяя термин «закономерные соответствия» понятием «закономерных преобразований» [там же, с. 48–49].

Вторым из трех составных элементов ЧТМ стала теория-гипотеза языковых спектров, которая была описана М. Д. Литвиновой (формулировка «теория-гипотеза» была предложена Д. В. Псурцевым [там же]). ТЯС гласит, что каждый язык в целом, каждый функциональный стиль, в частности, и идиостиль каждого конкретного автора обладает собственным «спектром», или, иначе говоря, характеризуется своей неповторимой совокупностью средних частот употребления разнообразных языковых единиц, конструкций и категорий [Литвинова, 2002; Литвинова, 2010]. Интерес переводоведов к этой идее объясняется тем, что многие практикующие переводчики при выборе той или иной формулировки не учитывают (либо не осознают) расхождений в частотности употребления языковых единиц, представленных и в ИЯ, и в ПЯ, но имеющих разную статистическую распространенность. Недостаточное внимание к подобным различиям в системах ИЯ и ПЯ развивает в переводчике чрезмерную склонность к употреблению конструкций, аналогичных тем, что были использованы в исходном тексте, и систематическому отказу от замены их конструкциями, близкими к ним по значению, но иными по форме, даже

и более частотными в системе ПЯ. Описанная тенденция ведет к излишнему буквализму – явлению, которое сама М. Д. Литвинова рассматривает как «нарушение русских частотных норм» [Литвинова, 2002, с. 76].

Последним из столпов ЧТМ стал принцип различения общеязыкового и авторского, изложенный литературоведом И. А. Кашкиным в статье «Ложный принцип и неприемлемые результаты» [Кашкин, 1968]. И. А. Кашкин разделяет проблему воспроизведения в переводе форм, присущих исходному языку в целом, и проблему сохранения своеобразия конкретного текста и индивидуальности его автора, настаивая, что вторая из обозначенных задач является для переводчика художественной литературы обязательной, тогда как первая тенденция часто оказывается не просто необязательной, но и безусловно вредной [там же, с. 384]. Д. В. Псурцев соглашается с подобным подходом и дополняет его собственной формулировкой того же принципа, в соответствии с которой «общеязыковое оригинала следует передавать в ТП функциональными аналогами, органичными для системы ПЯ», тогда как «в случае с авторским следует действовать по возможности <…> консервативно, стараться передать его как можно формально точнее» в той мере, в которой такая передача в принципе представляется возможной [Псурцев, 2019, с. 52–53].

ПРЕДИКАТИВНОСТЬ И КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДИКАТИВНЫХ СТРУКТУР

По мнению М. Н. Гудухиной, синтаксическая категория предикативности – понятие, долгое время не имевшее и до сих пор не имеющее единого, общепринятого определения [Гудухина, 2020]. Часто ее характеризуют как ключевой конституирующий грамматический признак предложения, «соотносительный с объективной модальностью» и относящий содержание предложения к действительности[1]. Предикативность может быть выражена несколькими способами, причем каждый из них будет характеризоваться большей или меньшей степенью выраженности этого признака [там же]. В этой связи исследователями уже был предложен целый ряд классификаций предикативных структур [Волков, 2005; Чуглов, 2013]. Между подходами разных авторов имеются расхождения, и часто весьма существенные, однако большинство из них так или иначе противопоставляют «полнопредикативные» или «полные предикативные» конструкции, способные выполнять в тексте одновременно предикативную и номинативную функции [Волков, 2005], конструкциям, несущим лишь «неполную», «вторичную» или «редуцированную» предикативность, способным описывать ситуацию «со значительной экономией языковых средств» [Чернышова, 2021, с. 177], но при этом выражающим лишь некоторую часть функционального значения предложения, имеющего в своем составе полноценную грамматическую основу.

Цели и задачи настоящей работы основываются на переводчески релевантной классификации предикативных конструкций, которая была бы в равной степени применима к русскоязычным и англоязычным произведениям, принадлежащим к анализируемому в рамках нашего исследования научно-популярному подстилю. В этой связи при всем многообразии существующих подходов к проблеме мы, вслед за М. Н. Гудухиной [Гудухина, Карданова-Бирюкова, 2020], а также авторами учебного пособия «Грамматические аспекты перевода» [Сулейманова и др., 2012, с. 146–148], будем выделять в изучаемых текстах разные типы предикативных структур.

Полные предикативные (простые предложения) и полипредикативные (сложносочиненные и сложноподчиненные предложения) структуры, выражающие предикативность с наибольшей долей эксплицитности и требующие наличия в предложении полноценной грамматической основы, как правило, представленной в виде «подлежащее + сказуемое, выраженное личной формой глагола», например: *Одна конструкция означает, что нечто происходит… // The woman perished the frogs…*

Вторично-предикативные структуры, выражающие предикативность с большей долей имплицитности, что способствует синтаксической компрессии сообщения и повышает его информационную насыщенность [Чернышова, 2021]. Среди вторично-предикативных структур можно выделить следующие подкатегории, различаемые по способу выражения предикативности и степени эксплицитности ее выраженности.

Полупредикативные структуры – синтаксические конструкции, в состав которых входят неличные формы глагола, т. е., прежде всего, причастные и деепричастные обороты в русском языке и причастные и инфинитивные обороты в английском: *We could expect ‘experts’ to base their opinions on actual facts… // …желая узнать, насколько распространенными являются подобные «звоночки»… // мы часто представляем себе припоминание как воспоминание о прошлом, вызванное неким сенсорным ощущением.*

Структуры со свернутой предикативностью, к которым в русском языке относят главным образом отглагольные существительные, а в английском – также сложные определительные сочетания

[1] Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.

вида N + V-ed / V-ing / Adj: *fast-mapping studies // ... дети, безусловно, способны увидеть разницу между изменением местоположения и изменением состояния или принадлежности*.

Структуры со скрытой предикативностью, в русском не выделяемые, а в английском представленные прилагательными в сравнительной степени, которые выражают количественные либо качественные изменения характеризуемого объекта (например: *They hope for a happier tomorrow*), и моделями наподобие *to guide someone through*, *to talk someone out* и т. п., где дополнительное действие выражается лишь неявным, имплицитным способом, но характер его понятен из контекста и при переводе на русский язык с большой вероятностью будет восстановлен с использованием структур, выражающих предикативность с большей долей эксплицитности [Сулейманова и др., 2012].

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА

В целях проверки предположения, что частотность употребления в тексте полупредикативных конструкций может влиять на восприятие его как аутентичного либо переводного, была проведена серия экспериментов. Материалом для них стали фрагменты научно-популярных произведений нескольких русскоязычных и англоязычных авторов, а также несколько отрывков из изначально англоязычных научно-популярных работ, переведенных на русский язык и опубликованных российскими издательствами.

Основная задача первого этапа исследования состояла в подсчете числа употребленных в текстах предикативных конструкций разных типов, выделяемых в обоих языках, и сопоставлении частотности употребления таких конструкций в изначально русскоязычных, изначально англоязычных и переводных отрывках.

Анализ показал, что частотность употребления разных типов предикативных конструкций для всех изучаемых категорий текстов заметно различается. Особо показательной при этом стала статистика частотности употребления полупредикативных структур (в частности, причастных оборотов), выделяемых как в русском, так и в английском языке. Подробные результаты анализа приведены в таблице 1.

Исходя из полученных данных был сделан вывод, что нетипично низкая для русскоязычных научно-популярных текстов частота использования полупредикативных структур в переводах может быть по меньшей мере одной из причин, по которым такие тексты зачастую воспринимаются читателями как очевидно переводные.

Для проверки этого предположения был проведен опрос, к участию в котором были привлечены 26 носителей русского языка в возрасте от 18 до 35 лет. К эксперименту были привлечены не только студенты – будущие переводчики и преподаватели иностранных языков, для которых научно-исследовательская деятельность является одним из традиционных компонентов профессиональной подготовки [Беляева, Мещерякова, Синеокова, 2021], и действующие лингвисты и переводчики, но и люди, не имеющие профессиональной подготовки по языковедческим специальностям. Участникам эксперимента было предложено прочитать 25 русскоязычных фрагментов из разных научно-популярных произведений (длина каждого отрывка составляла около 60–80 слов) и сообщить, считают ли они прочитанные фрагменты изначально написанными на русском языке русскоязычными авторами либо переведенными с английского. Отрывки для эксперимента были подобраны таким образом, чтобы часть из них вообще не содержала полупредикативных конструкций, а часть, напротив, включала в себя не менее двух таких структур. Результаты опроса приведены в таблице 2.

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО ПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ РАЗНЫХ ТИПОВ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

	Английские тексты	Переводы	Русские тексты
Объем (слов)	1737	1442	1640
Объем (зн.)	10 119	9936	11 964
Предложений	65	73	107
Полных предикативных конструкций	170	174	171
Полупредикативных конструкций	19	15	25
(Среди них причастных оборотов)	14	13	24
Конструкций со свернутой предикативностью	7	20	24

Таблица 2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА № 1

Количество полупредикативных конструкций в отрывке →	0		1		≥2	
Количество отрывков	9		4		12	
Среди них русских	3	33 %	3	75 %	4	33 %
переводных	6	67 %	1	25 %	8	33 %
Распределение голосов						
«русский текст»	0	0 %	1	25 %	4	33 %
«переводной текст»	5	56 %	0	0 %	5	42 %
Голоса распределились поровну	4	44 %	3	75 %	3	25 %

Отметим, что фрагменты, в которых число полупредикативных структур составляло не менее двух, большинством участников к категории переводных причислены не были, тогда как отрывки, полностью лишенные причастных и деепричастных оборотов, напротив, во многих случаях оказывались отнесены к переводным. Фрагменты, в которых была использована только одна полупредикативная конструкция, в большинстве своем вызвали у участников опроса затруднения и в итоге так и не были причислены ни к переводным, ни к оригинальным.

Для проверки и уточнения полученных в ходе второго этапа исследования результатов был проведен дополнительный опрос, к которому были привлечены 22 человека, принадлежащие к той же возрастной группе, что и участники первого эксперимента, и имеющие аналогичную профессиональную подготовку. В данном случае участникам также было предложено ознакомиться с несколькими отрывками из научно-популярных текстов на русском языке (общее число отрывков – 20, средняя длина отрывка – 60–70 слов) и определить, были ли предложенные тексты оригинальными либо переведенными на русский. Как и при проведении первого эксперимента, часть отрывков изначально были написаны на русском носителями русского языка, часть же была взята из переводов англоязычных произведений, опубликованных российскими издательствами. Основное отличие состояло в том, что в ходе второго опроса каждому из участников при ответе на каждый вопрос случайным образом представлялась для ознакомления и дальнейшей оценки одна из двух версий каждого отрывка, либо содержавшая не менее двух причастных и / или деепричастных оборотов, либо заранее отредактированная таким образом, чтобы все полупредикативные конструкции оказались заменены на придаточные предложения. Примеры таких текстов приведены в таблице 3.

Нам также нужно уметь различать типы взаимоотношений, встречающиеся между людьми, то, как каждый из них работает и поддерживается. Нам также нужно уметь различать типы взаимоотношений, которые встречаются между людьми, то, как каждый из них работает и поддерживается.

Второй опрос позволил оценить не только зависимость между числом представленных в каждом отдельном отрывке полупредикативных структур либо придаточных предложений и восприятием его читателями как изначально русского или

Таблица 3

ПРИМЕРЫ ДВУХ ВАРИАНТОВ ОДНОГО ОТРЫВКА ДЛЯ ОПРОСА № 2

Вариант с полупредикативными конструкциями (причастными и / или деепричастными оборотами)	**Вариант с придаточными предложениями**
Премило произнеся: «К чертям собачьим!» во время чаепития с людьми из высшего сословия, Элиза Дулиттл не только опозорила своих вымышленных спутников, но и шокировала публику, пришедшую посмотреть эту пьесу на сцене в 1914 году	Когда Элиза Дулиттл премило произнесла: «К чертям собачьим!» во время чаепития с людьми из высшего сословия, она не только опозорила своих вымышленных спутников, но и шокировала публику, которая пришла посмотреть эту пьесу на сцене в 1914 году
Нам также нужно уметь различать типы взаимоотношений, встречающиеся между людьми, то, как каждый из них работает и поддерживается	Нам также нужно уметь различать типы взаимоотношений, которые встречаются между людьми, то, как каждый из них работает и поддерживается

Таблица 4

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА № 2

	Отрывки с полупредикативными структурами	Отрывки с придаточными предложениями
Больше голосов за «русский», чем для аналогичного отрывка во второй версии опроса	14 из 20 (70 %)	6 из 20 (30 %)
Больше голосов за «переводной», чем для аналогичного отрывка во второй версии опроса	6 из 20 (30 %)	14 из 20 (70 %)
Более 50% голосов за «русский»	11 из 20 (55 %)	7 из 20 (35 %)
Более 50% голосов за «переводной»	9 из 20 (45 %)	13 из 20 (65 %)

переводного, но и предполагаемую разницу в восприятии одного и того же отрывка, определяемую тем, какой из двух возможных конструкций (полупредикативной или полной предикативной) отдал предпочтение его автор или переводчик. Результаты опроса № 2 приведены в таблице 4.

На основании полученных данных можно сделать следующие выводы. Тенденция, обнаруженная благодаря первому эксперименту, наблюдается и здесь: так, мы можем видеть, что среди отрывков, имевших в своем составе не менее двух полупредикативных конструкций, изначально русскими были сочтены 55 %, тогда как 65 % отрывков, в которых полупредикативные конструкции полностью отсутствовали, были отнесены участниками к категории «переводных». Еще более показательным представляется тот факт, что при замене всех присутствовавших в каждом отдельном отрывке полупредикативных конструкций придаточными предложениями с полноценной грамматической основой (или наоборот) мнение опрошенных о его изначальной языковой принадлежности менялось в предсказанном нашей гипотезой направлении для 14 отрывков из 20, т. е. в 70 % случаев.

На основании данных проведенных экспериментов можно предварительно заключить, что, как и гласила наша первоначальная гипотеза, восприятие текста читателем как оригинального либо переводного по меньшей мере отчасти определяется тем, насколько типичной или, наоборот, нетипичной для данного языка и данного функционального стиля является частота употребления в данном произведении различных лексических единиц и синтаксических структур. Не в последнюю очередь это касается разных типов и подтипов предикативных структур, частотность употребления которых являлась одним из основных предметов нашего интереса в рамках настоящего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Псурцев Д. В. Частотно-типологическая модель перевода // Мосты. № 2 (62). М.: Р. Валент, 2019. С. 46–60.
2. Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Вопросы теории и методики учебного перевода: сборник статей / под ред. К. А. Ганшиной и И. В. Карпова. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1950. С. 156–183.
3. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974.
4. Литвинова М. Д. Методика преподавания художественного перевода в филологических вузах. Критерий оценки переводов // Проблемы обучения переводу в языковом вузе: тезисы докладов Первой международной научно-практической конференции. Москва. 16–17 апреля 2002 г. С. 75–76.
5. Кашкин И. А. Ложный принцип и неприемлемые результаты // Для читателя-современника. М.: Советский писатель, 1968. С. 377–410.
6. Литвинова М. Д. Спектр языка – лингвостатистический критерий оценки переводов художественных произведений // Столпотворение. 2010. № 13. С. 131–146.
7. Гудухина М. Н. Специфика репрезентации категории предикативности в научном дискурсе (на примере статей англоязычных и русскоязычных журналов базы данных Скопус) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 6. С. 226–230. https: //doi.org/10/30853/filnauki.2020.6.42.
8. Волков В. С. К типологии «полупредикативных» конструкций // Вестник КамчатГТУ. 2005. № 4. С. 219–225.
9. Чуглов В. И. Причастный, деепричастный и другие обороты в составе предложения // Русский язык в школе. 2013. № 10. С. 52–56.

10. Чернышова А. И. Коммуникативный потенциал абсолютной причастной конструкции в английской полипредикативной структуре и ее перевод на русский язык // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы XIV международной научной конференции / под ред. М. Я. Блох. М. ; Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2021. С. 177–180.
11. Гудухина М. Н., Карданова-Бирюкова К. С. Особенности передачи полупредикативных структур при переводе английского научного текста на русский язык (на основе анализа статей, входящих в наукометрическую базу Scopus) // Вестник СВФУ. 2020. № 3 (77). С. 51–59.
12. Сулейманова О. А. [и др.]. Грамматические аспекты перевода: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, К. С. Карданова, Н. В. Лягушкина, В. И. Яременко. 2-е изд., испр. М.: Академия, 2012.
13. Беляева Е. И., Мещерякова А. А., Синеокова Т. Н. Участие студентов-переводчиков начального этапа обучения в научно-исследовательской работе // Вестник НГЛУ. 2021. № 4 (56). С. 9–21.

REFERENCES

1. Psurtsev, D. V. (2019). Chastotno-tipologicheskaya model' perevoda = Frequency-Typology Model of Translation. Mosty, 2(62), 46–60. (In Russ.)
2. Retsker, Y. I. (1950). O zakonomernykh sootvetstviyakh pri perevode na rodnoi yazyk = On Regular Correspondences in Translation into Native Language. In Ganshina, K. A., Karpov, I. V. (eds.), Voprosy teorii i metodiki uchebnogo perevoda (pp. 156–183). Moscow: Akademii pedagogicheskih nauk RSFSR. (In Russ.)
3. Retsker, Y. I. (1974). Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika = Translation Theory and Practice. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. (In Russ.)
4. Litvinova, M. D. (2002). Metodika prepodavaniya khudozhestvennogo perevoda v filologicheskikh vuzakh. Kriterii otsenki perevodov = Methodology of teaching fiction translation in philological higher education institutions. Criteria for evaluating translations (pp. 75–76): abstracts of I International Scientific and Practical Conference. (In Russ.)
5. Kashkin, I. A. (1968). Lozhnyi printsip i nepriemlemye rezul'taty = False Principle and Unacceptable Results. In Dlja chitatelja-sovremennika (pp. 377–410). Moscow: Sovetskij pisatel'. (In Russ.)
6. Litvinova, M. D. (2010). Spektr yazyka – lingvostatisticheskii kriterii otsenki perevodov khudozhestvennykh proizvedenii = The Language Spectrum: A Linguostatistic Criterion for Evaluating Fiction Translation. Stolpotvorenie, 13, 131–146. (In Russ.)
7. Guduhina, M. N. (2020). Spetsifika reprezentatsii kategorii predikativnosti v nauchnom diskurse (na primere statei angloyazychnykh i russkoyazychnykh zhurnalov bazy dannykh Skopus) = Specificity of representation of the category of predicativity in scientific discourse (on the example of articles of English and Russian language journals of the Scopus database). Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 6(13), 131–146. (In Russ.)
8. Volkov, V. S. (2005). K tipologii "polupredikativnykh" konstruktsii = On the Typology of "Semi-predicative" Constructions. Bulletin of Kamchatka State Technical University, 4, 219–225. (In Russ.)
9. Chuglov, V. I. (2013). Prichastnyi, deeprichastnyi i drugie oboroty v sostave predlozheniya = Participial Construction, Adverbial Participial Phrase and other Clauses. Russian Language at School, 10, 52–56. (In Russ.)
10. Chernyshova, A. I. (2021). Kommunikativnyi potentsial absolyutnoi prichastnoi konstruktsii v angliiskoi polipredikativnoi strukture i ee perevod na russkii yazyk = Communicative potential of the absolute participle in the English polypredicative structure and its translation into Russian. In Bloch, Marc Ya. (ed.). Yazyk: kategorii, funktsii, rechevoe deistvie (pp. 177–180). Kolomna: State Social and Humanitarian University. (In Russ.)
11. Guduhina, M. N., Kardanova-Birjukova, K. S. (2020). Transformations of Semi-Predicative Structures within the Scope of translation of English Scientific Texts into Russian (analysis of Scopus-indexed Papers). Vestnik of North-Eastern Federal University, 3(77), 51–59. (In Russ.)
12. Sulejmanova, O. A. et al. (2012). Grammaticheskie aspekty perevoda: uchebnoe posobie dlya studentov uchrezhdenii vysshego professional'nogo obrazovaniya = Grammatical Aspects of Translation: Textbook for Students of Higher Professional Education. N. N. Beklemesheva, K. S. Kardanova, N. V. Ljagushkina, V. I. Jarjomenko. Moscow: Academia. (In Russ.)
13. Belyaeva, E. I., Meshcheryakova, A. A., Sineokova, T. N. (2021). Uchastie studentov-perevodchikov nachal'nogo etapa obucheniya v nauchno-issledovatel'skoi rabote = Trainee Interpreters' Participation in Research Work at the Initial Stage of Their University Training. Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin (LUNN Bulletin), 4(56), 9–21. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иваненко Ксения Валерьевна
преподаватель кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanenko Ksenia Valerievna
Lecturer at the Department of Translation Studies and Translation and Interpreting (the English Language) Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	15.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.112.2

Типологическое измерение категории залога в современном немецком языке

Ю. М. Казанцева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
julia.kasanzeva@gmail.com

Аннотация: В статье с позиций контенсивной типологии рассматривается функционирование залоговых форм современного немецкого языка как одно из проявлений особенностей номинативного строя языка, выявляются модели текстообразующей роли пассивного залога: выделительная функция, обеспечение тождества референции, импликация, резюмирование, перечисление с оттенком противопоставления, глобальные модели построения целого текста на основе гипертемы и гиперремы.

Ключевые слова: контенсивная типология, номинативный строй, категория залога, коммуникативное членение, текстообразующая функция

Для цитирования: Казанцева Ю. М. Типологическое измерение категории залога в современном немецком языке // Вестник Московского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 59–66.

Original article

Typological Dimension of Verbal Voices in Modern German

Julia M. Kasanzeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
julia.kasanzeva@gmail.com

Abstract. Grounded in the theory of contensive typology, the article researches into functions of voice forms in modern German, treating them as a representation of the language's nominative properties; models of text-building functions of the passive voice are specified: foregrounding (intensification), identity of reference, implication, summarizing, enumeration loaded with contrast, strategic patterns of constructing a whole text on the basis of hyper-theme and hyper-rheme.

Keywords: contensive typology, nominative structure, the category of voice, communicative division, text-building function

For citation: Kazantseva, J. M. (2024). Typological dimension of verbal voices in modern German. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 59–66. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние грамматической теории показывает плодотворность применения комплексных исследовательских парадигм, объединяющих не только различные дисциплинарные области, но также и синтагматику, и парадигматику грамматических явлений применительно к синхронии и диахронии. В настоящей статье предпринимается попытка привлечь к анализу функционирования залоговых форм немецкого глагола данные типологических исследований в русле теорий отечественных языковедов М. М. Гухман и Л. С. Ермолаевой, представленных в целом ряде значительных публикаций 1970–1980-х годов: коллективная трехтомная монография «Историко-типологические исследования германских языков» (1977); «Очерки по сопоставительной грамматике германских языков» (1987).

Следует отметить, что лингвистическая типология не ограничивается классификацией языков, но имеет особую актуальность для изучения системно-структурных и функциональных свойств языка как сложного многоуровневого образования [Солнцев, 1985]. Об этом свидетельствует появление в настоящее время после длительного перерыва исследований типологической направленности, в частности, монографии Л. Д. Исаковой «Многообразие языков в их вариативности» (2022).

Основная цель типологических исследований состоит в выявлении в различных языках безотносительно к их родству общих структурных категорий, а также общих тенденций развития, что составляет предмет так называемой формальной (структурной, морфологической) типологии. Контенсивная типология обращается к семантическим аспектам функционирования языков, в частности, к выражению в языках различного строя субъектно-объектных отношений, в связи с чем проблемы категории залога приобретают особое значение.

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Л. С. Ермолаева намечает в своих работах такой важный принцип описания строя языка как необходимость сочетания данных формальной и контенсивной (содержательно ориентированной) типологии [Ермолаева, 1978, с. 119].

Традиционные структурные подходы к интерпретации залоговости включают в себя в качестве основного положения описание соотношения семантической и синтаксической структур предложения в активном или пассивном предложениях, так называемых диатез, в зависимости от лексико-грамматического значения глагола-сказуемого (переходность, непереходность и др.). В фокусе внимания в индоевропейских языках при этом находится оппозиция «действительный / страдательный залог». Типология залоговых диатез основана на названных характеристиках глагола-сказуемого и имеет выход в синтаксическую типологию порядка слов. При этом актив и пассив часто рассматриваются в морфологическом плане как отношение базовой активной формы к производной – пассивной форме предложения [Проблемы теории грамматического залога, 1978]. В этом плане можно заметить известное сближение проблематики синтаксической и контенсивной типологий, поскольку основные концепции в русле контенсивной типологии также обращаются к выражению семантических отношений в структуре предложения, а именно к способам выражения субъектно-объектных отношений в языках различного строя. Совершенно оправдано в этой связи, что в центре внимания также оказываются средства выражения залоговых значений – актив и пассив, понятие переходности – непереходности глагола, другие лексико-грамматические характеристики глагольных лексем, как например, возвратных глаголов, глаголов чувственного восприятия (Mich friert), классификация объектов (прямой, косвенные).

На различении падежного оформления агенса и пациенса в разноструктурных языках основана классификация контенсивных типов языков. Так, в языках эргативного строя подлежащее при переходном глаголе-сказуемом стоит в особом эргативном падеже, при непереходном глаголе – в именительном падеже. В языках номинативного строя подлежащее независимо от типа глагола оформляется именительным падежом, в связи с чем в качестве основного признака языков номинативного строя традиционно рассматривается именительный падеж подлежащего независимо от семантики глагола-сказуемого, а также его залоговых форм.

Л. С. Ермолаева подчеркивает в этой связи, что номинативный строй как один из способов выражения субъектно-объектных отношений отличается не только наличием номинатива – подлежащего, занимающего начальную позицию в предложении. По мнению Л. С. Ермолаевой, функция первого места в предложении связана прежде всего с тем, что это – место «данного», т. е. темы высказывания [Ермолаева, 1991, с. 24]. Как отмечает в этой связи Л. Дэжё, типология диатез связана с типологическими правилами актуального членения предложения и такими основными средствами его выражения, как порядок слов и акцентуация предложения [Дэжё, 1978, с. 24]. Следовательно, если применить к анализу приведенные положения Л. С. Ермолаевой и Л. Дэжё, коммуникативный статус семантических

актантов «агенс» / «пациенс» в активном и пассивном предложениях различен:

Активное предложение: агенс – тема – подлежащее / пациенс – рема – прямое дополнение; пассивное предложение: пациенс – тема – подлежащее / агенс – рема – предложное дополнение.

Исходя из вышеизложенного, представляется оправданным рассматривать развитие и функционирование залоговых форм в контексте становления номинативного строя и связанных с этим процессов, затрагивающих уровни морфологии и синтаксиса, в частности, развитие коммуникативной структуры предложения и средств передачи данного и нового на синтаксическом и морфологическом уровнях. Как отмечает Л. С. Ермолаева, ведущая роль в происходящих типологических сдвигах принадлежит семантическим процессам, относящимся к области грамматической семантики, а именно: к системной значимости словоформ и их роли в выражении значений модальности, темпоральности, персональности, целеустановки высказывания [Ермолаева, 1987, с. 118]. В этой связи целесообразно обратиться вначале к семантике залоговых противопоставлений.

М. М. Гухман описывает многоаспектную смысловую структуру оппозиции «действительный / страдательный залог» в синтаксических терминах и выделяет две пары противопоставленных содержательных признаков или сем:

1) противопоставление центробежного процесса процессу центростремительному:

   Ich habe den Brief noch gestern fertig geschrieben и Der Brief ist von mir noch gestern fertig geschrieben worden;

2) противопоставление по типу связи между грамматическим субъектом (подлежащим) и процессом в широком значении слова: при центростремительном процессе позицию грамматического субъекта (подлежащего) занимает пассивный или шире инактивный носитель признака (пациенс), аффицированный процессом; при центробежном процессе грамматический субъект (подлежащее) выступает как источник процесса (агенс).

На семантическом уровне М. М. Гухман выделяет следующую оппозицию:

3) противопоставление по типу соотношения между грамматическим субъектом и грамматическим объектом, с одной стороны, и смысловым субъектом и объектом – с другой [Гухман, 1977, с. 131]. М. М. Гухман отмечает в этой связи, что перечисленные признаки в развернутом виде представлены только в трехчленном пассиве, в то время как более распространенной синтаксической структурой даже в древних германских языках является двучленная без указания на производителя действия [там же].

Как известно, синтаксические сочетания причастия II переходных глаголов с глаголами *быть* (*sein*) и *становиться* (*werden*) широко представлены уже в памятниках древневерхненемецкого периода. В. Г. Адмони, исследуя синонимику средств выражения действия и состояния в средневерхненемецком, отмечает, в частности, что пассивная конструкция значительно расширила круг своего применения: она, с одной стороны, выступает как синоним безличной конструкции с *man* при переходном глаголе, где несущественным или неизвестным является производитель действия, а с другой – как синоним конструкций с непереходным глаголом [Адмони, 1963, с. 85]. Следовательно, уже в средневерхненемецком периоде в основном сложились современные нормы употребления страдательного залога. При этом семантика пассивного залога (центростремительность) как бы стирается, если учитывать сравнительно большую частотность двучленной и одночленной пассивной конструкций и тот факт, что в пассивном предложении допускается употребление непереходных глаголов, обозначающих действия человека, следовательно, на первый план выходит не пациенс-подлежащее, а само действие.

В этом же русле следует, на наш взгляд, рассматривать теории о различном представлении в поверхностной структуре предложения семантической структуры ситуации в зависимости от замысла автора и коммуникативной цели высказывания. В частности, О. И. Москальская выделяет четыре возможных способа представления ситуации [Москальская, 2004, с. 124–125]:

1) с позиции агенса (активное предложение):

   Die Kommission begutachtete den Bauentwurf. Die Kompanie marschierte weiter. Wir haben über diesen Vorfall heftig gestritten).

2) с позиции пациенса (пассивное предложение):

   Der Bauentwurf wurde (von der Kommission) begutachtet).

3) с позиции инактивного субъекта (пассивное предложение:

   Dem Schüler wird (vom Lehrer) geholfen.

4) с позиции самого действия (пассивные предложения):

Es wurde heftig gestritten. Wird denn hier nicht geheizt? Es wurde weiter marschiert.

В поисках ответа на вопрос, что определяет выбор активной или же пассивной формы предложения, К. Урбан предпринял экспериментальное исследование, результатом которого является вывод о зависимости выбора от таких прагматических переменных, как «целенаправленный интерес» (das zielgerichtete Interesse) или «целенаправленное внимание» (gezielte Aufmerksamkeit) говорящего [Urban, 1980]. Следовательно, можно утверждать, что залоги немецкого языка являются одним из средств формирования структуры высказывания.

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЗАЛОГОВЫХ СТРУКТУР

Как отмечает Л. С. Ермолаева, каждый контенсивный тип языка характеризуется определенной семантической доминантой, последовательная смена одной семантической доминанты другой позволяет проследить нарастание в процессе развития языка категорий с дейктической, референциальной и «коммуникативной» семантикой [Ермолаева, 1995, с. 48].

В качестве семантической доминанты языков номинативного строя Л. С. Ермолаева называет повышенную ориентацию языковой системы на выражение коммуникативного членения предложения, в связи с чем представляется оправданным рассмотреть в данном контексте не только становление категории определенности / неопределенности существительного, но и функционирование залоговых форм как одного из средств варьирования структуры предложения, включая его актуальное членение.

Как известно, формы пассивного залога получают достаточно широкое распространение уже в древневерхненемецком периоде, в то время как категория определенности / неопределенности существительного окончательно оформляется в средневерхненемецком. В этой связи представляется интересным проследить роль пассивных конструкций в коммуникативном оформлении древневерхненемецкого текста:

1) *Chindh* uuirdit uns chiboran, *sunu* uuirdit uns chigheban… (*Der althochdeutsche Isidor*)[1] = Uns ist ein Kind geboren, ein Sohn ist uns geschenkt (*Jesaja*).

2) Thô sie thar uuarun, vvurđun *taga* gifulte, thaz siu bari… (*Der althochdeutsche Tatian*) = Als sie dort waren, kam für Maria die Zeit ihrer Niederkunft (*Lukas*).

В приведенных пассивных предложениях обозначения пациенса (*Chindh*, *sunu*, *taga*) при отсутствии артикля имеют различную контекстную интерпретацию, что можно проследить при сравнении древнего и современного текстов. В первом отрывке существительное предполагает употребление неопределенного, во втором – определенного артикля, т. е. естественно предположить, что само употребление пассива не дает четкого представления о коммуникативной структуре предложения, однако нельзя не обратить внимания и на различия в порядке слов применительно к первому примеру: древневерхненемецкое предложение (*Chindh uuirdit uns chiboran*…) содержит эмфатическое выделение пациенса в отличие от нейтрального порядка слов в современном варианте (*Uns ist **ein** Kind geboren*).

Примером выделительной функции пассива может служить далее его употребление и в следующем фрагменте текста:

3) In thriten tage brûtloufti gitano uuarun in thero steti thiu hiêz Canan Galileê: thar uuas heilantes muoter. *Gihalot uuas* ouh thara ther heilant inti sine iungiron zi thero brûtloufti. (Der althochdeutsche Tatian) = Am dritten Tag fand in Kana in Galilää eine Hochzeit statt und die Mutter Jesu war dabei. Auch Jesus und seine Jünger waren zur Hochzeit eingeladen (*Johannes*).

Примечательно, что пассивная форма открывает предложение своего рода «перевернутой рамкой», что позволяет переместить на позицию ремы данное (пациенс) – именование Спасителя и его учеников.

Примером использования пассивной структуры предложения для выдвижения в позицию ремы агенса может служит нижеприведенный отрывок:

4) Thaz giscrib iz êristen uuard gitan in Syriu fon đemo grauen Cyrine… (Der althochdeutsche Tatian). = Dies[2] geschah zum ersten Mal: damals war Quirinius Statthalter von Syrien (*Lukas*).

Обращает на себя внимание, что в современном немецком тексте именование агенса вынесено в отдельное предложение в однозначно рематическую

[1] Древневерхненемецкий текст приводится по: Н. С. Чемоданов «Хрестоматия по истории немецкого языка» (1978). Для пояснения приводятся соответствующие места из: «Die Bibel Einheitsübersetzung» (2007), не являющиеся дословным переводом, но дающие представление о восприятии коммуникативной структуры высказывания носителем языка.

[2] Giscrib (Volkszählung).

позицию. Таким образом, уже в ранних памятниках можно наблюдать примеры использования залоговых форм для придания пациенсу и агенсу различного коммуникативного статуса в зависимости от целей высказывания.

Обращаясь к современному функционированию залоговых форм, можно выделить ряд типичных способов использования пассива и актива в текстах научного и научно-публицистического дискурсов.

В качестве весьма распространенного можно указать на совместное употребление активной и пассивной структур предложения, что создает тождество референции и позволяет поддерживать в фокусе одно и то же обозначаемое при различии его семантического и коммуникативного статусов:

1) Vornehmlich werden Süßwasserfische feilgehalten.
2) Sie stammen aus zahlreichen, meist künstlich angelegten Teichen (*Walter Zöllner. Reise in die Gotik*).

В первом предложении *Süßwasserfische* – пациенс, с коммуникативной точки зрения является ремой, во втором – *Sie* – агенс, тема предложения.

Возможно далее совмещение ролей агенса и пациенса в одном члене предложения – подлежащем, в этом случае подлежащее в коммуникативном плане является темой высказывания, при различии имплицируемого семантического статуса: для первого элементарном предложении – агенс, для второго – пациенс:

1) Bald steht die Stadt in Flammen und wird vom Kriegsvolk geplündert (*Walter Zöllner. Reise in die Gotik*).
2) Sie (Präfixbildung) erscheint nicht als eigene Bildungsweise, sondern wird bei BEHAGEL und PAUL unter den Zusammensetzungen behandelt (*M. D. Stepanowa, W. Fleischer. Grundzüge der deutschen Wortbildung*).

Следующий весьма распространенный способ сочетания залоговых форм в тексте можно было бы назвать импликацией, когда сказуемое первого предложения имплицирует употребление пассивной формы близкого по смыслу сказуемого во втором (*verarbeiten – erzeugen*; *durch Kanäle verknüpfen – bauen*):

1) Kupfer, das man zunächst mit Galmei *zu Messing verarbeitete*, bezogen die Händler von Köln oder direkt von Sachsen. *Erzeugt wurden* Luxusartikel, nicht billige Gebrauchsgegenstände (*Ernst Werner. Zwischen Canossa und Worms*).
2) Die Hanse wollte Nord- und Ostsee *durch Kanäle verknüpfen*, aber nur einer wurde wirklich *gebaut* (*Walter Zöllner. Reise in die Gotik*).

Данный способ используется также при введении цитат. В частности, можно привести в качестве иллюстрации следующий фрагмент, основанный на паре глаголов *begründen – betrachten*:

3) Sütterlin *begründet* die Legitimität der synchronen Beschreibung der Wortbildung, notfalls unter Vernachlässigung historischer Zusammenhänge: „*Betrachtet wird*… alles zunächst vom heutigen Standpunkt und an der Hand des heutigen Sprachgefühls“ (*M. D. Stepanowa, W. Fleischer. Grundzüge der deutschen Wortbildung*).

Резюмирование, сжатое перечисление отдельных положений в научном стиле также благоприятствует использованию пассивных предложений:

Entsprechend dem didaktiktischen Charakter des Werkes werden u. a. Hinweise gegeben zum Gebrauch des Bindestrichs bei Zusammensetzungen… und mehrgliedrige Zusammensetzungen werden treffend mit kritischem Akzent charakterisiert… (*M. D. Stepanowa, W. Fleischer. Grundzüge der deutschen Wortbildung*).

Одной из форм рассмотренного способа можно считать перечисление с оттенком противопоставления (*Silbergruben*, *Eisen*, *Kupfer*):

1) Die *Silber*gruben lagen am Rammelsberge bei Goslar, in den Alpen, in Böhmen… und in Sachsen bei Freiberg.
2) *Eisen* wurde besonders im Sieger- und Sauerland, in der Oberpfalz… *Kupfer* im Mansfeldischen abgebaut (*Walter Zöllner. Reise in die Gotik*).

Следует обратить внимание, что во втором предложении оба существительных, являясь в коммуникативном плане ремой, занимают в предложении начальную позицию, свойственную тематической информации, что позволяет говорить о функции эмфатического выделения пациенса через употребление пассивного залога.

Исходя из анализа исследованного материала, целесообразно рассмотреть далее роль пассивных форм в создании коммуникативной структуры целого текста. Так, представляется целесообразным применить к описанию коммуникативной организации текста понятие моделей тема-рематических цепочек, расширив это понятие до принципа структурирования информации. В нашем случае можно выделить две модели, одну на базе производных

тем, вытекающих из общей темы (гипертемы), и другую модель, не описанную в настоящее время в литературе, а именно – модель тема-рематической цепочки с гиперремой. Оба названные вида тема-рематической организации текста основаны на понятии импликации, когда все частные производные темы и ремы вытекают из гипертемы и гиперремы на основании подразумеваемого отношения части к целому (ср. [Москальская, 1981, с. 23]).

В качестве иллюстрации первого вида тема-рематической организации текста с гипертемой приведем следующий фрагмент текста из труда М. Д. Степановой и В. Фляйшера «Grundzüge der deutschen Wortbildung»: *Grimms Konzeption lässt sich wie folgt skizzieren*.

> Es wird analytisch-historisch vorgegangen. <…> Hier werden lange Materialübersichten gegeben, geordnet nach der Form, nach vokalischen und konsonantischen Ableitungselementen, innerhalb deren dann Substantive, Adjektive und Verben zusammengestellt sind. <…> Als Deutsch wird ein Großteil der germanischen Sprachen erfasst <…>; ihre ganze historische Überlieferung wird herangezogen… (*M. D. Stepanowa, W. Fleischer. Grundzüge der deutschen Wortbildung*).

Коммуникативную структуру данного фрагмента можно схематически отобразить следующим образом:

Гипертема (***Konzeption***) → производные темы: *analytisch-historisch vorgegangen*; *Materialübersichten gegeben*; *ein Großteil der germanischen Sprachen erfasst*; *ihre ganze historische Überlieferung wird herangezogen*.

Данная модель реализуется на основе употребления пассивных предложений. Модель с гиперремой основана на сочетании активных и пассивных предложений:

> Die Städte und auch manche Fürsten *gingen* nach Kräften gegen den Kleinadel und seine Raubnester *vor*. Die Burgen wurden *zerstört* und *abgebrochen*, die Ritter mit dem Schwert *gerichtet*. Ihre Spießgesellen *aufgeknüpft* oder ertränkt (*Walter Zöllner. Reise in die Gotik*).

Коммуникативная структура фрагмента может быть представлена следующим образом:

Гиперрема (***vorgehen***) → производные ремы (*zerstört und abgebrochen*; *mit dem Schwert gerichtet*; *aufgeknüpft oder ertränkt*).

Очевидно, что в предложенном анализе речь идет не о прямом переносе, а об аналогии, позволяющей представить структуру текста в целом с позиций его коммуникативной организации. Как представляется, пассивные формы позволяют фокусировать изложение на объекте рассмотрения, что может объяснить их использование в научном стиле. Относительно более частотное употребление двучленного пассива в научном тексте приводит ряд исследователей к распространенному утверждению, согласно которому пассив дает возможность не указывать на действующее лицо и тем самым обращать внимание на объект действия или на само действие и придавать тексту объективность, а также создавать возможность более экономного изложения с точки зрения используемых языковых единиц. В дополнение к этому обстоятельству указывается, что в научном тексте широко распространено употребление глагольно-именных словосочетаний с именным компонентом и широкозначным глаголом (*in Frage kommen*, *Anwendung finden* и др.) [Исакова, 2022, с. 78], ведущее к устранению агенса из научного текста.

Как представляется, это утверждение оправдано только с формальной точки зрения. Неупоминание агенса не означает его удаление из контекста изложения, более того, весь текст «привязан» к имплицитному агенсу, что можно, на наш взгляд, подтвердить через сопоставление с русским языком. При переводе приведенного ранее начального фрагмента текста – *Grimms Konzeption lässt sich wie folgt skizzieren. Es wird analytisch-historisch vorgegangen* – второе предложение целесообразно передать как *Гримм использует аналитико-исторический метод*, а не *используется аналитико-исторический метод*.

В качестве подтверждения можно проанализировать аналогичный контекст:

> Nicht zufällig hat Luther das Neue Testament zuerst übersetzt <…> Im Gegensatz zum Alten Testament wurde das Neue Testament nicht vorwiegend als eyn buch der gesetz und gepot verstanden, sondern als eyn buch der gotlichen vorheyssungen… (*Erwin Arndt, Gisela Brandt. Luther und die deutsche Sprache*).
>
> В отличие от Ветхого Завета, Лютер понимал Новый Завет преимущественно не как книгу законов и заповедей, а как книгу Божественных обетований[1].

Очевидно, что, несмотря на дистантное расположение предложений в тексте, употребление имени Лютера в русском переводе является обязательным: именно Лютер давал такое толкование книгам Нового Завета.

[1]Перевод наш. – *Ю. К.*

Следовательно, вряд ли оправдано рассматривать в качестве основной причины опущения агенса его несущественность, или неизвестность. Скорее всего речь идет о том, что агенс в большинстве случаев имплицитно представлен в структуре высказывания и отсутствие его именования дает возможность выдвигать в позицию темы, на первое место в предложении, пациенс. Таким образом, номинативный строй языка позволяет употреблять в номинативе не только активное, но и пассивное подлежащее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Л. С. Ермолаева в работе «Место и роль типологического метода в сравнительно-исторических исследованиях» отмечает, что построение предложения связано с контенсивным типом языка и что в индоевропейских языках типичным является такое положение вещей, когда подлежащее-номинатив оказывается данным, темой предложения, независимо от того, выражает ли оно субъект или объект действия [Ермолаева, 1991, с. 24].

На основании сказанного представляется возможным охарактеризовать категорию залога как дискурсивную синтактико-морфологическую категорию, предоставляющую говорящему возможность варьирования коммуникативной структуры высказывания, т. е. залоги дают возможность избирать в качестве отправной точки коммуникативного членения информации один из компонентов коммуникативной ситуации и выдвигать в позицию темы либо пациенс, либо агенс, либо само действие.

Таким образом, залоговые формы в современном немецком языке наряду с категорией определенности / неопределенности существительного являются компонентами сложного, по существу, текстового маркера темы-ремы высказывания, включающего в себя порядок слов, употребление залоговых структур, употребление артикля, интонацию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Солнцев В. М. Лингвистическая типология и общая теория типологии // Лингвистическая типология. М.: Наука, 1985. С. 3–5.
2. Ермолаева Л. С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М.: Высшая школа, 1987.
3. Проблемы теории грамматического залога: сб. статей / АН СССР. Ин-т языкознания. Ленингр. отд. ; отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1978.
4. Ермолаева Л. С. Место и роль типологического метода в сравнительно-исторических исследованиях // Типология языков и межуровневые связи: сб. науч. тр. МГПИИЯ. 1991. Вып. 382. С. 20–30.
5. Дэжё Л. Диатезы в системе грамматической типологии // Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978. С. 22–27.
6. Гухман М. М. Типология развития залоговых оппозиций // Историко-типологическая морфология германских языков. М.: Наука, 1977. С. 86–145.
7. Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963.
8. Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка = Grammatik der deutschen Gegenwartssprache: учебник для студентов вузов М.: Академия, 2004.
9. Urban K. Zur Abhängigkeit der Passivverwendung von einigen pragmatischen Variablen // Sprache und Verstehen: Kongressberichte der 10. Jahrestagung der Gesellschaft für Angewandte Linguistik. Tübingen, 1980. S. 62–65.
10. Ермолаева Л. С. «Картина мира», условия речевой коммуникации и контенсивные типы языка // Этническое и языковое самосознание: материалы конф. Москва, 1315 декабря 1995 / отв. ред. В. П. Нерознак М.: ФИАН-фонд, 1995. С. 48–49.
11. Москальская О. И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981.
12. Исакова Л. Д. Многообразие языков в их вариативности. М.: Проспект, 2022.

REFERENCES

1. Solntsev, V. M. (1985). Lingvisticheskaj tipologija i obschaja teorija tipologiji = Linguistic typology and general theory of typology. Lingvisticheskaja tipologija (pp. 3–5). Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Jermolajeva, L. S. (1987). Ocherki po sopostavitelnoj grammatike germanskih jazikov = Essays in the comparative grammar of Germanic languages. Moscow: Visschaja schkola. (In Russ.)
3. Khrakovsky, B. S. (Ed.) (1978). Problemi teoriji grammaticheskogo zaloga = Problems of the theory of grammatical voice. Leningrad: Nauka. (In Russ.)

4. Jermolajeva, L. S. (1991). Mesto i rol' tipologicheskogo metoda v sravnitelno-istoricheskih issledovanijah = Status and role of the typological method in comparative-historical studies. Tipologija jazikov i mezhurovnevije svjazi. MGPIIJa, 382, 29–30. (In Russ.)
5. Dehzjo, L. (1978). Diatezi v sisteme grammaticheskoj tipologija = Diathesis in the system of grammatical typology. Problemi teoriji grammaticheskogo zaloga (pp. 22–27). Leningrad: Nauka. (In Russ.)
6. Guhmann, M. M. (1977). Tipologija rasvitija zalogovih oppozitsij = Typology of voice oppositions development. Istoriko-tipologicheskaja morfologija germanskih jazikov (pp. 85–145). Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Admoni, W. G. (1963). Istoricheskij sintaksis nemetskogo jazika = Historical syntax of the German language. Moscow: Visschaja schkola. (In Russ.)
8. Moskalskaja, O. I. (2004). Teoreticheskaja grammatika sovremennogo nemeckogo jazyka = Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moscow: Academia. (In Russ.)
9. Urban, K. (1980). Zur Abhängigkeit der Passivverwendung von einigen pragmatischen Variablen. Sprache und Verstehen: Kongressberichte der 10. Jahrestagung der Gesellschaft für Angewandte Linguistik (S. 62–65). Tübingen.
10. Jermolajeva, L. S. (1995). 'Kartina mira', uslovija rechevoj kommunikatsiji I kontensivnyji tipy jazikov. Etnicheskoje i jazikovoje soznanije (pp. 48–49). (In Russ.)
11. Moskalskaja, O. I. (1981). Grammatika teksta. Moscow: Visschaja schkola. (In Russ.)
12. Isakova, L. D. (2022). Mnogoobrasije jazikov v ih variativnosti. Moscow: Prospekt. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Казанцева Юлия Михайловна
кандидат филологических наук, профессор
заведующая кафедрой грамматики и истории немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kasanzeva Julia Mikhailovna
PHD (Philology), Professor,
Head of the Department of Grammar and History of German
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	15.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'33

Проблематика классификации приемов речевого воздействия (на основе новостных видеоматериалов англоязычных СМИ)

М. В. Кононова

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Орел, Россия
kononova-mari-1996@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает классификации и приемы речевого воздействия. В работе анализируются примеры речевого воздействия в видеосюжетах западных СМИ с целью установления того, насколько полно рассмотренные классификации отражают приемы, необходимые для оказания речевого воздействия на аудиторию. Для достижения данной цели мы использовали методы дискурсивного и контекстуального анализа. В результате было установлено, что для наиболее точной передачи речевого воздействия необходимо скорректировать имеющиеся типологии приемов.

Ключевые слова: речевое воздействие и его классификации, манипулирование, приемы речевого воздействия, средства речевого воздействия, субъект воздействия, объект воздействия

Для цитирования: Кононова М. В. Проблематика классификации приемов речевого воздействия (на основе новостных видеоматериалов англоязычных СМИ) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 67–73.

Original article

The Problem of Typifying Persuasion Techniques (based on English-language media news reports)

Maria V. Kononova

Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russia
kononova-mari-1996@mail.ru

Abstract. The article addresses persuasion means and techniques in English-language media news reports to establish how comprehensively the existing typologies present the persuasion techniques to create the intended pragmatic effect. To achieve this goal, we used the methods of discursive and contextual analysis. As a result, it has been noticed that the addressed typologies of persuasion means and techniques require certain alteration in order to be fully capable of conveying a persuasive effect.

Keywords: persuasion and its typologies, manipulation, persuasion techniques, persuasion means, subject of persuasion, object of persuasion

For citation: Kononova, M. V. (2024). The problem of typifying persuasion techniques (based on English-language media news reports). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 67–73. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Любая деятельность характеризуется наличием цели и мотивации. Речевая деятельность не является исключением. В соответствии с поставленной коммуникативной задачей по достижению необходимого эффекта коммуникатор отбирает и применяет приемы и средства, которые считает подходящими для этой задачи [Быкова, 2000, с. 42]. «Язык и представляет собой набор таких средств … речь служит для передачи информации, но конечной ее целью – в широком смысле – является, чаще всего, регуляция поведения другого человека, управление его деятельностью» [там же]. При отборе приемов речевого воздействия коммуникатор прибегает к приемам, нашедшим отражение в типологиях разных авторов. Разнообразие классификаций предопределило *актуальность* проводимого нами исследования, которая обусловлена различием в выделении существующих приемов речевого воздействия и отсутствием единообразия в их построении.

Цель исследования – охарактеризовать, насколько рассмотренные классификации приемов отражают процесс речевого воздействия наиболее полным образом. Для реализации цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать понятия «речевое воздействие» и «языковая манипуляция»;
- исследовать понятие «приемы речевого воздействия»;
- рассмотреть классификации приемов и средств речевого воздействия;
- определить, насколько проанализированные приемы и средства способствуют оказанию речевого воздействия на аудиторию.

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

И. А. Стернин дает следующее определение понятию «***речевое воздействие***»: «воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [Стернин, 2001, с. 51]. Речевое воздействие часто отождествляют с ***языковой манипуляцией*** [Диманте, 2015]. Граница между данными понятиями условна и, как следствие, в процессе коммуникации разграничение эффективного речевого воздействия и манипулятивного может сопровождаться трудностями [там же]. Так, И. А. Стернин проводит параллель: «***речевое воздействие*** – это воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять вашу точку зрения, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т. д.» [Стернин, 2001, с. 66]. В то время как «***манипулирование*** – это воздействие на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение и т. д. неосознанно или вопреки его собственному мнению…» [там же, с. 67].

Взаимодействие адресанта с целевой аудиторией может осуществляться как непосредственно (в ходе лекций, презентаций и т. д.), так и опосредованным образом (через СМИ) [Диманте, 2015]. Перед адресантом ставится задача сделать текст выступления максимально убедительным. В связи с этим эффективность последующего речевого воздействия зависит, в частности, от использования тех или иных ***речевых приемов*** [там же].

КЛАССИФИКАЦИИ ПРИЕМОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Е. В. Шелестюк в монографии «Речевое воздействие: онтология и методология исследования» придерживается следующей трактовки понятия «приемы речевого воздействия» – «это специфические психологические, речевые и семиотические действия со стороны воздействующего субъекта, единичные либо совокупные, направленные на достижение его целей (то есть на реализацию определенных иллокутивных сил)» [Шелестюк, 2014, с. 66–67]. Принимая во внимание приведенное определение, рассмотрим классификацию приемов речевого воздействия, представленную в вышеуказанной работе. Автор обобщает результаты исследований материалов сборников серии «Речевое общение» и «Речевое воздействие», опубликованных Институтом языкознания АН СССР (изд-во «Наука») в 1976–1990 годах, а также нашедших отражение в исследованиях П. Б. Паршина, В. Н. Панкратова, В. Сергеечевой.

Е. В. Шелестюк выделяет следующие ***приемы манипулятивного*** речевого воздействия:

I. **Дезинформация** – прием речевого воздействия, который «включает как ложные сообщения о реальных объектах и явлениях, так и фабрикацию фактов – вымысел объекта или явления» [там же, с. 67].

II. **Уклон** (‘*bias*, *slanting*’) характеризуется подобранными фактами, позволяющими усилить позицию коммуникатора при помощи выборочного освещения события. Реализации подобной предвзятой подачи информации способствуют следующие механизмы [там же, с. 70–73].

1. При применении механизма *полуправды* адресант предоставляет только выгодную для достижения речевого воздействия информацию [там же, с. 70].

2. *Подтасовка фактов* дает «адресанту возможность подвести реципиентов к управляемому выводу» [там же, с. 71].
3. При *пристрастной селекции аргументов или односторонней аргументации* демонстрируется позиция лишь одной из сторон с присвоением статуса единственно убедительной [там же, с. 72–73].
4. *Маскировка и дробление информации* [там же].
5. ***Изъятие информации*** из контекста и ее произвольная трактовка предполагает оперирование данными одного контекстуального пространства в иной трактовке [там же].
6. *Искажение истинных масштабов событий* и *явлений* [там же].

III. **Апелляция к устоявшимся стереотипам и архетипам**. Обращение к стереотипам и социально / генетически обусловленным структурным элементам действительности способствует генерации необходимых коммуникатору ассоциативных установок [там же, с. 74].

IV. **Стереотипизация** и **дестереотипизация**. Первый прием подразумевает типизацию событий, способствуя «формированию и закреплению стереотипов, созданию мифологем и идеологем (идеологических стереотипов)» [там же, с. 75]. Обратным приемом служит дестереотипизация [там же, с. 74].

V. **Размывание** и **подмена понятий**. Первый прием характеризуется изменением семантического ядра концепта, после чего он может использоваться в ином контекстуальном пространстве [там же, с. 76]. Подмена понятий подразумевает намеренное именование «одного концепта именем другого либо называние денотата именем, которое выражает иной, не соответствующий данному денотату, концепт» [там же].

VI. **Манипуляции с модусами мнения** и **знания**.

VII. **Маскировка несостоятельного тезиса** или **аргументов**. Помимо использования приемов манипулятивного характера, речевое воздействие может достигаться за счет общепсихологических приемов [там же, с. 79–84]:

1) опора на позитивную и негативную установку реципиента в отношении личности коммуникатора;
2) использование позитивных и негативных склонностей, психического состояния, свойств личностей коммуникантов;
3) возбуждение тех или иных эмоций в отношении информации;
4) манипулирование скоростью и частотой подачи информации;
5) персонализация и ритуализация событий;
6) придание информации оттенков сенсационности и срочности [Кара-Мурза, 2002].

Л. Г. Навасартян предлагает иную классификацию приемов речевого воздействия [Навасартян, 2017]. Так, автор выделяет ***речевые приемы искажения информации***.

1) *Навешивание ярлыков* подразумевает употребление эпитетов, метафор и других языковых средств, имеющих негативную коннотацию, для создания необъективной характеристики события или человека.
2) *Категория* «свой – чужой».
3) *Эвфемизация* ставит задачу замены понятия с негативной коннотацией на коннотативно-нейтральное или положительное с целью создания положительного образа негативного / противоречивого события;
4) *Использование средств художественной выразительности*.

Вторая часть классификации приемов РВ у Л. Г. Навасартян посвящена ***речевым приемам селекции информации*** [там же, 2017, с. 85–131].

1. *Использование неавторизованной информации*. Предоставление сведений «со слов осведомленного человека, имя которого не сообщается» с подчеркиванием его «высокопоставленного статуса» создает иллюзию достоверности информации.
2. *Обращение к очевидцам событий* предполагает коммуникацию адресанта с участниками или очевидцами событий, которые освещают ситуацию в необходимом первому ключе.
3. *Апелляция к авторитетному мнению* указывает на степень достоверности излагаемых сведений.
4. *Обращение к цифрам* предполагает игру на стереотипе о том, что статистические данные отражают реальную картину события.
5. С помощью *отсылок к историческим фактам* и проведения параллелей адресант способен усилить собственную линию аргументации.

Третья часть классификации посвящена ***речевым приемам умолчания информации***.

1. *Частичное освещение события* указывает на представление только одной стороны вопроса либо на пропуск значимого блока данных.
2. *Блокирование информации* используется для того, чтобы закрыть доступ потенциально опасным для спокойствия граждан сообщениям, или тем, что могут вызвать массовое недовольство.

АНАЛИЗ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ

Для того чтобы определить, насколько полно представленные выше классификации приемов речевого воздействия описывают процесс

осуществления речевого воздействия, нами были проанализированы следующие зарубежные новостные видеоматериалы – *BBC News*, *Fox News*, а также *CBS News*.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ НА ОСНОВЕ КЛАССИФИКАЦИИ ПРИЕМОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ Е. В. ШЕЛЕСТЮК

В ходе анализа было обнаружено, что почти во всех случаях присутствуют такие приемы речевого воздействия, как:

а) возбуждение тех или иных эмоций в отношении информации;
б) дезинформация;
в) подтасовка фактов;
г) прием пристрастной селекции аргументов или односторонней аргументации.

Так, информация западных СМИ о том, что «**Russia rockets** damaged part of Zaporizhzhia nuclear plant» (*BBC News. 07.08.2022*), может трактоваться как речевое воздействие. Данное утверждение звучит как апробированные сведения, однако авторы материала не предоставляют доказательной базы.

Полагаем, что трудности выделения используемых приемов речевого воздействия в большинстве проанализированных случаев могут быть обусловлены нечетким разграничением приемов в рассмотренных классификациях. На практике часто представлялось проблематичным определить, чем приведенные приемы речевого воздействия отличаются друг от друга, поскольку все они «работают на дезинформирование» реципиента. В связи с этим было затруднительно установить, посредством какого приема реализуется речевое воздействие в конкретном примере. У автора первой из рассмотренных нами классификаций границы между тремя последними указанными приемами (б), (в), (г) размыты, в связи с чем определить, какой из них является наиболее часто применимым в указанных видео, представляется сложным.

По нашему мнению, с учетом вышеуказанной единой целевой направленности приема дезинформации, подтасовки фактов и приема пристрастной селекции аргументов или односторонней аргументации будет уместным предложить рассматривать перечисленные приемы в качестве разновидностей или способов осуществления одного более широкого ***приема – дезинформации***.

Приведем примеры из проанализированных новостных видеосюжетов, указывающих на применение приема дезинформации с такими его разновидностями (как мы заключили выше), как подтасовка фактов и прием пристрастной селекции аргументов или односторонней аргументации.

1. Общий контекст подобранных аргументов, что русские войска оккупировали электростанцию и ведут обстрел. Западные СМИ приводят только комментарии президента Украины и его сторонников в различных вариациях, в то время как альтернативная позиция представлена только графическим способом, как правило, тезисно прописана внизу:

> ...*the reality is* that for days we've been hearing from Ukrainian officials and also US officials saying that *the Russians have essentially turned this nuclear site into a military base* (*BBC News. 07.08.2022*).

Таким образом, СМИ подводят аудиторию к выводу о том, что деятельность русских угрожает безопасности Европы.

2. Подача информации о том, что украинские солдаты – великодушные герои:

> ...our soldiers are saying to their friends... to enjoy the peace that you can have now because we're dying here at the war to return that peace to you, to preserve this faith in life (*BBC News. 14.08.2022*).

3) Общий контекст о том, что Россия является беспринципной «военной машиной»:

> ...utter *disregard for the principles that underpin peace and security* around the world; *the Kremlin's war machine in Ukraine* (*CBS News. 20.08.2022*).

В процессе анализа видеоматериалов под сомнение было поставлено приведенное Е. В. Шелестюк разграничение двух других приемов РВ. Автор отмечает, что приемы *маскировки несостоятельного тезиса или аргументов, а также маскировки и дробления информации* представляют собой два несвязанных между собой явления. Более того, последний прием рассматривается как механизм *уклона*. В связи с этим возникли трудности с причислением того или иного примера к одному из этих двух приемов, а также с разграничением приема и его механизма. Другими словами, представляется проблематичным определить критерий, по которому автор выделил самостоятельный *прием маскировки и дробления информации* в категорию механизмов реализации другого приема. На наш взгляд, представляется логичным рассматривать данные приемы на уровне гиперо-гипонимических отношений: *маскировка несостоятельного тезиса или аргументов как более узкая разновидность приема маскировки и дробления информации*.

Хотелось бы обратить внимание также на выделенный *прием речевого воздействия* «уклон», которому автор дает англоязычный эквивалент *bias*. Как известно, слово *bias* имеет значение «предвзятой подачи информации», но не указывает на уклончивость от предоставления информации, что подтверждает словарная статья Cambridge Dictionary[1]. Таким образом, отсутствует разграничение предвзятой подачи информации, которая, по нашему мнению, имеет непосредственное отношение к дезинформированию реципиента, и уклона. Чтобы решить данную проблему, можно использовать понятие «bias» в оригинальном значении и выделить приемы, имеющие отношение к пристрастной подаче информации, либо оставить понятие «уклона» без привязывания к «bias», при этом учесть те приемы, которые относятся только к данной категории. Полагаем, что приведенные аргументы подтверждают обоснованность нашего предложения о необходимости реструктурирования рассматриваемой классификации Е. В. Шелестюк.

В приведенной типологии мы столкнулись с проблемой разграничения приемов речевого воздействия с тактиками и механизмами. По нашему мнению, приемы способствуют реализации речевой тактики, что подтверждается определением Г. А. Копниной, которая указывает, что *речевая тактика* – «...такое речевое действие, которое соответствует определенному этапу в реализации той или иной стратегии и направлено на скрытое внедрение в сознание адресата целей и установок, побуждающих его совершить поступок, выгодный манипулятору» [Копнина, 2012, с. 48]. *Приемом* ученый называет «способ построения высказывания или текста, реализующий ту или иную манипулятивную тактику» [там же]. Полагаем целесообразным считать, например, дезинформирование речевой тактикой. В связи с этим то, что Е. В. Шелестюк рассматривает как механизмы, корректнее будет называть приемом речевого воздействия. Таким образом, приемы реализуют тактику, но не механизмы служат осуществлению приемов, как это изначально заложено в оригинальной типологии.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ НА ОСНОВЕ КЛАССИФИКАЦИИ ПРИЕМОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ Л. Г. НАВАСАРТЯН

В ходе работы неясными были мотивы классификации автором «средств художественной выразительности», которые были отнесены в группу речевых приемов искажения информации. На наш взгляд, не следует отождествлять приемы речевого воздействия и средства их реализации. Языковые средства, на основе которых осуществляется применение того или иного приема речевого воздействия, уже подробно описаны в работах других авторов [Гальперин, 1977; Арнольд, 2002]. В связи с этим уточним, что при наличии группы языковых средств в классификации приемов речевого воздействия необходимо провести их подробное разграничение.

Приведем несколько примеров в соответствии с тем или иным приемом речевого воздействия.

1. ***Навешивание ярлыков***:
   ...shelling of *the Russian occupied* Zaporizhzhia nuclear power plant (*BBC News. 07.08.2022*).

2. ***Категория «свой – чужой»***:
   They may try to keep Taiwan from visiting or participating in other places but *they* will not isolate Taiwan by preventing us to travel there (*BBC News. 05.08.2022*).

3. ***Ссылка на неавторизованные источники***:
   you're talking about everything rising in price and *everyone that I've talked to* feels it... (*Fox News. 02.08.2022*).

4. ***Апелляция к авторитетному мнению***:
   the reality is that for days we've been hearing from *Ukrainian officials*... ; *Ukrainian and Western officials* have accused... (BBC News. 07.08.2022).

5. ***Блокирование информации***:
   ...журналист не говорит о том, что США придерживаются принципа «одного Китая», иначе это будет противоречить западной пропаганде по защите суверенитета Тайваня (*BBC News. 05.08.2022*).

6. ***Частичное освещение события***:
   Борис Джонсон приводит только собственные реальные достижения (бескомпромиссную победу на выборах) и провалы, которые выдает за достижения (борьба с пандемией), потому и одностороннее освещение (*BBC News. 07.07.2022*).

В ходе проведения анализа мы столкнулись с нехваткой приемов РВ, в связи с чем считаем необходимым расширить и перегруппировать некоторые пункты. В частности, предлагаем скорректировать такой прием, как *апелляция к авторитетному мнению, расширив его до ссылки на авторитетный источник*. Связано это с тем, что некоторые

[1]Cambridge English Dictionary: Meanings & Definitions. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/bias (дата обращения: 22.11.2022).

из проанализированных примеров недостаточно отметить как только мнение, так как в ряде случаев отсутствует указание на конкретное лицо – выразителя мнения, а в других случаях информация подается не как субъективная, что типично для выражения мнения, а скорее как отсылка к достоверному источнику информации. При этом, ссылаясь на то или иное авторитетное лицо (даже не называя его), автор высказывания пытается представить собственную позицию наиболее весомым и достоверным образом:

> ***Top US Democrat Nancy Pelosi*** (*BBC News. 05.08.2022*). I've agreed with ***Sir Graham Brady, the chairman of our back bench MPs***... (*BBC News. 07.07.2022*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основным итогом исследования является тот факт, что представленные классификации приемов и средств речевого воздействия не позволяют выполнить всеобъемлющий анализ материалов. Приведенные типологии задействуют наиболее общий инструментарий, что зачастую лишает возможности полноценно описать конкретный случай речевого воздействия с опорой на имеющиеся приемы и средства. Последнее обстоятельство потребовало внедрить предложения о реструктурировании классификаций приемов речевого воздействия, а также об их расширении.

Кроме того, в рассмотренных классификациях было установлено, что часто авторы вводят исследователей в заблуждение фактом отождествления приемов с тактиками, механизмами или средствами речевого воздействия. На наш взгляд, основанием для подобного должны служить весомые критерии, однако подобрать такие весьма проблематично, поскольку данные понятия нетождественны друг другу.

Проведенное исследование позволило прийти к выводу, что для осуществления полноценного анализа в области оказания речевого воздействия недостаточно опираться только на одну классификацию. Выявленных случаев, которые затруднительно трактовать однозначно, оказалось достаточно, чтобы внести необходимые корректировки. Исходя из этого, установить, какая из рассмотренных классификаций является работающей, представляется проблематичным. Более того, на наш взгляд, при анализе ситуаций речевого воздействия целесообразно принимать во внимание некоторые паралингвистические явления, например, относящиеся к супрасегментному уровню для акцентуации значений отдельных единиц. Также полагаем важным учитывать некоторые экстралингвистические параметры, как, например, общую риторику СМИ, а также репутацию личности коммуникатора, что может как положительно, так и отрицательно повлиять на доверие аудитории к словам первого.

В качестве решения проблемы выбора той или иной классификации предлагаем рассмотреть такую перспективу дальнейшего исследования, как обращение к синтезу обеих приведенных групп приемов для анализа речевых ситуаций на комплексно новой основе, с учетом приемов обеих классификаций и предложенных нами выше корректировок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Быкова О. Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. 2000. № 1(9). С. 42–52.
2. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. М.: Российская государственная библиотека, 2001.
3. Диманте И. В. Инструментарий профессионального коммуникатора (приемы речевого воздействия) // Коммуникативные исследования. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. 2015. № 4 (6). С. 52–64.
4. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. М.: ФЛИНТА : Наука, 2014.
5. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
6. Навасартян Л. Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией В СМИ (на материале российских газет): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2017.
7. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. 4-е изд., испр. М.: ФЛИНТА, 2012.
8. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 1977.
9. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта : Наука, 2002.

REFERENCES

1. Bykova, O. N. (2000). Opyt klassifikacii priemov rechevogo manipulirovaniya v tekstah SMI = Persuasion techniques classification issues in media texts. Rechevoe obshhenie: Vestnik Rossijskoj ritoricheskoj associacii, 1, 42–53. (In Russ.)

2. Sternin, I. A. (2001). Vvedenie v rechevoe vozdejstvie = Introduction to persuasion. Moscow: Russian State Library. (In Russ.)
3. Dimante, I. V. (2015). Instrumentarij professional'nogo kommunikatora (priemy rechevogo vozdejstviya) = Tools of a professional communicator (persuasion techniques). Kommunikativnye issledovanija. Omsk: Dostoevsky Omsk State University, 4(6), 52–64. (In Russ.)
4. Shelestyuk, E. V. (2014). Rechevoe vozdejstvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya = Persuasion : ontology and research methodology. Moscow: FLINT : Science. (In Russ.)
5. Kara-Murza, S. G. (2002). Manipulyaciya soznaniem = Manipulation of consciousness. Moscow: EKSMO-Press. (In Russ.)
6. Navasartyan, L. G. (2017). Manipulirovanie Lichnost'yu: Organizaciya, sposoby i tekhnologii informacionno-psihologicheskogo vozdejstviya = Language tools and speech techniques of information manipulation in the media (based on the material of Russian newspapers): PhD in Philology. Saratov. (In Russ.)
7. Kopnina, G. A. (2012). Rechevoe manipulirovanie = Persuasion. Textbook. 4th ed., revised. Moscow: FLINTA. (In Russ.)
8. Galperin, I. R. (2012). Stilistika anglijskogo yazyka = Stylistics of the English Language. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
9. Arnold, I. V. (2002). Stilistika. Sovremennyj anglijskij yazyk = Stylistics. Modern English. Moscow: FLINTA: Science. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кононова Мария Валерьевна
аспирант института иностранных языков
Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kononova Maria Valerievna
Postgraduate Student of the Foreign Languages Institute
Orel State University named after I. S. Turgenev

Статья поступила в редакцию	15.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.1/.2, 811.21, 81-24

Священная корова: Как происходила номинация вида *Bos taurus* в санскрите?

М. А. Кузнецова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
mak9516@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются принципы номинации животных вида Bos taurus в санскрите. Номинации анализируются с позиций этимологии и ономасиологии; приводятся культурологические данные из первоисточников (Ригведа, Бхагавата-Пурана). Обращается внимание на важность разграничения коров и быков по половому признаку на лексическом уровне, связанную с различием хозяйственных функций и с разными культурно-мифологическими коннотациями, а также пригодностью особи для жертвоприношения.

Ключевые слова: принципы номинации, языковая картина мира, наименования домашних животных, номинации коровы, священная корова, крупный рогатый скот, древнеиндийская мифология

Для цитирования: Кузнецова М. А. Священная корова: как происходила номинация вида *Bos taurus* в санскрите? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2024. Гуманитарные науки. Вып. 7 (888). С. 74–81.

Original article

The Sacred Cow: How Was the Nomination of the *Bos Taurus* Species in Sanskrit?

Maria A. Kuznetsova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
mak9516@mail.ru

Abstract. The article discusses the problem of the principle of nominating animals of the Bos taurus species in Sanskrit. Nominations are analyzed from the perspective of etymology and onomasiology; cultural data from primary sources (Rigveda, Bhagavata Purana) are provided. Attention is drawn to the importance of distinguishing cows and bulls by gender at the lexical level, associated with the difference in economic functions and with different cultural and mythological connotations, as well as the suitability of an individual for sacrifice.

Keywords: principles of nomination, linguistic world picture, domestic animals names, cow nominations, sacred cow, cattle, ancient Indian mythology

For citation: Kuznetsova, M. A. (2024). The Sacred Cow: How Was the Nomination of the *Bos taurus* Species in Sanskrit? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 74–81. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Домашние животные со времен доместикации играют важную роль в любой культуре. С течением времени их образы вошли в фольклор, приобрели символические значения, легли в основу метафор и идиом.

Едва ли можно поспорить с тем, что для индоевропейских культур важнейшим видом домашних животных является крупный рогатый скот (*далее* КРС). Корова дает молоко, из него изготавливается множество продуктов питания – так ее образ связывается с образом кормилицы, матери. Бык олицетворяет силу: он используется как тягловое животное, а также – и это для древних культур, вероятно, было даже важнее – оплодотворяет стадо, является его своеобразным хозяином. Но трудно найти культуру, где виду *Bos taurus* LINNAEUS (таково научное биноминальное название коровы) была бы отдана более важная роль, чем в Индии.

Целью статьи является восстановление фрагмента языковой картины мира древних индийцев, связанного с КРС, а также выявление принципа номинации этих животных. Для этого был произведен этимологический анализ ряда различных номинаций *Bos taurus*, раскрыта внутренняя форма наименований; результаты были соотнесены с фактами древнеиндийской мифологии и литературы.

1. Понятие языковой картины мира восходит еще к В. фон Гумбольдту. Далее Л. Вайсгербер, Э. Сепир, Б. Уорф, в отечественной науке – А. А. Потебня независимо друг от друга пришли к мысли, что образ мира в языке передается посредством как отдельной лексемы, конструкции или грамматической категории, так и всей языковой системы в целом.

Но особый интерес вызывает проявление образа мира в процессе номинации, которая представляет собой «закрепление за языковым знаком понятия» [Языковая номинация (общие вопросы), 1977, с. 101]. И определение признаков, отвечающих тому или иному знаку, напрямую зависит от восприятия предмета.

В рамках ономасиологии процесс номинации представляется механизмом, отражающим мировидение посредством слова, тогда как внутренняя форма слова, наоборот, демонстрирует его глубинную семантику. То есть, номинация и раскрытие внутренней формы соответствуют синтезу и анализу языковых единиц, и попытка анализа внутренней формы лексем позволит нам реконструировать как процесс номинации представителей КРС в санскрите, так и соответствующий фрагмент языковой картины мира древних индийцев.

2. Номинации КРС в языке древних индийцев. Попробуем проанализировать внутреннюю форму некоторых санскритских наименований вида *Bos taurus*, обратившись, где это необходимо, к этимологии (см. табл.1).

Все предложенные лексемы взяты из санскритско-русского словаря В. А. Кочергиной[1]. Для анализа были выбраны 43 общеиндоевропейские и собственно индийские лексемы, простые и сложные, производные и непроизводные, часто употребляемые и встречающиеся лишь в отдельных контекстах.

[1]Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М.: Русский язык, 1987.

Таблица 1

МОТИВАЦИЯ И ЭТИМОЛОГИЯ НАИМЕНОВАНИЙ *BOS TAURUS*

Лексема	Значение	Этимология	Мотивация
adhenu	недойная корова		от *a* (отр. част.) и *dhenu* ‘дойная корова’, ‘молоко’
aghnya / aghnyā	бык / корова		от a (отр. част.) и han ‘убивать’ (*букв.* ‘тот / та, кого нельзя убивать’)
anaḍuh (anaḍuhī)	бык (корова)		от *anas* ‘повозка’ и *vah* ‘тащить’
baladā	бык		от *bala* ‘сила’ и *dā* ‘давать, дарить’
balivarda	бык, вол		от *bala* ‘сила’ и *vardha* ‘увеличивающий’, ‘преумножающий’[2]
damya	молодой бычок, теленок,		от dam ‘приручать, смирять’ (*букв.* ‘тот, кого следует укротить’)

[2]Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary, etymologycally and philologycaly arranged. Oxford: Oxford Universtry press., 1872.

Лексема	Значение	Этимология	Мотивация
dhenā dhenu dhenukā	корова; молочный напиток корова; молочный, молоко, перен. земля племенная корова		от *dhe* ‘сосать’, ‘пить’, ‘кормить грудью’, ‘питать’[1]
dityavah / dityauhi	двухлетний бычок/ корова	возм. от искаженного *dvitīya* ‘второй’ + *vah*[2]	
dughā	дойная корова		от *dugdha* ‘подоенный’, ‘выжатый’; ‘молоко’, ‘млечный сок’[3]
go (gava, gavī)	бык, корова, стадо крупного рогатого скота	от и.-е. *$g^{w}\acute{o}ws$. Варианты этимологии: 1) от звукоподражания *$g^{w}ou$-[4]; 2) от *$g^{u}e$-/*$g^{u}o$- ‘идти’ (стада постоянно перегонялись) [Трубачев, 2008, т. 3, с. 321]; 3) от *geua ‘сгибать’ (изначально обозначало горбатый скот) [Кириченко, 2017]; 4) заимствование, например, из шумерского (GUD ‘бык’, ‘КРС’) или афроазиатского (*g-w ‘бык’)[5]	
gopati	бык		от *go* ‘стадо’ и *pati* ‘хозяин’
homadhenu	корова, дающая молоко для жертвоприношений		от *homa* ‘акт подношения дэвам или богам путем бросания топленого масла в огонь’[6] + *dhenu*
mahīlukā	корова		от *mahilā* ‘женщина’[7]
māheyī	корова		от *mahī* ‘земля’ (*букв.* «земляная»[8])
mahisa	бык, демон, убитый Дургой		первое значение – ‘сильный, мощный’
pṛśni	пестрая корова, молоко, земля		первые значения – ‘пестрый’, ‘пятнистый’
pumgava	бык; герой		от *pum* ‘мужчина’ и *gava* ‘бык’
sadhis	бык, вол, буйвол		от *sah* ‘терпеть’, ‘страдать’, ‘побеждать’[9]
śakvara śākvara	бык, вол бык	возм. искажение от *śarkarā* ‘гравий’, ‘галька’; ‘затвердевание плоти’; ‘черепки’[10]	первое значение – ‘сильный’[11]

[1]Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary, etymologycally and philologycaly arranged. Oxford: Oxford Universtry press, 1872.
[2]Там же.
[3]Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary, etymologycally and philologycaly arranged. Oxford: Oxford Universtry press, 1899.
[4]URL: https://www.etymonline.com/word/*gwou-?ref=etymonline_crossreference
[5]Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2017. Вып. 11.
[6]Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary, etymologycally and philologycaly arranged. Oxford: Oxford Universtry press, 1899.
[7]Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary, etymologycally and philologycaly arranged. Oxford: Oxford Universtry press, 1872.
[8]Там же.
[9]Там же.
[10]Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary, etymologycally and philologycaly arranged. Oxford: Oxford Universtry press, 1899.
[11]Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М.: Русский язык, 1987.

Лексема	Значение	Этимология	Мотивация
starī	неплодовитая корова, телка	Возм. от и.-е. *ster-* 'твердый, жесткий, ригидный'[1] (ср. др.-греч *στεῖρα*, лат. *sterilis*, гот. *staira*)[2]	
dughā śyāma	удойная корова черный бык или вол		от *sudhā* 'нектар, молоко' первое значение – 'черного цвета, черный'
tarṇa, tarṇaka	теленок, детеныш	возм. искажение от taruṇa 'молодой'[3]	
turyavāh / turyauhi	четырехлетний бычок/ корова		от *turīya* (*turya*) 'четвертый' + *vah*[4]
ukṣan	бык		от *ukṣ* 'опрыскивать', 'мочить', 'разбрызгивать' и т. п.[5]
usra / usrā	бык / корова, молоко		первые значения: 'утренний', 'светлый' / 'утренняя заря'. Связано с мифол. образом рассвета как красной коровы[6]
usriya / usriyā	бык / корова; теленок; молоко		первое значение – 'красноватый' (о быке или корове)[7]
vaśā	корова, самка; бесплодная корова, бесплодная женщина	скорее от *vāś* 'реветь', 'выть' (т. е. 'мычащее животное'), чем от *vaś* 'желать'[8]. С др. стороны, м.б. связано с лат. *vacca* < и.-е. **u̯okéha-* / **u̯ākā* / **wak-*[9]. Впрочем, с учетом и.-е. корней **u̯ag* 'кричать' и **u̯agh* 'кричать', 'звучать',[10] противоречия между данными версиями не выявляется	
vāśrā	мычащая корова (особенно с теленком)		от *vāś* 'реветь', 'выть (низко, как корова)', 'звучать', 'призывать'[11]
vehat	яловая корова	возм. от *vi-han* 'отделить', 'отвергнуть', 'препятствовать' и т. д.[12]	
vṛṣa	самец, бык, мужчина		от vṛṣ 'пролить дождь', 'опрыскивать', 'порождать' и т. д. (*букв.* 'дождеватель', 'разбрызгиватель'[13]

[1]Pokornyj J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. B.3. Bern: Francke, 1959–1969.
[2]Там же.
[3]Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary, etymologycally and philologycaly arranged. Oxford: Oxford Universtry press, 1872.
[4]Там же.
[5]Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary, etymologycally and philologycaly arranged. Oxford: Oxford Universtry press, 1872.
[6]URL: Monier-Williams Sanskrit-English Dictionary --उ (inria.fr)
[7]Там же.
[8]Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary, etymologycally and philologycaly arranged. Oxford: Oxford Universtry press, 1899.
[9]Cow // Encyclopedia of Indo-European Culture / Edit. J.P.Mellory, D.Q. Adams. London, Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997.
[10]Pokornyj J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. B.3. Bern: Francke, 1959–1969.
[11]Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary, etymologycally and philologycaly arranged. Oxford: Oxford Universtry press, 1872.
[12]Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary, etymologycally and philologycaly arranged. Oxford: Oxford Universtry press, 1872.
[13]Там же.

Итак, наименования, относящиеся к обоим полам, связаны с общими характеристиками вида (и быков, и коров): цвет – *usra / usrā*, *usriya / usriyā*; возраст – *dityavah / dityauhi*, *turyavāh / turyauhi*; функция в хозяйстве – *anaḍuh / anaḍuhī*, но преобладает мужская форма); отношение к животному в религии (*aghnya / aghnyā*), а также издаваемый звук, форма тела или образ жизни (*go*).

Если лексема именует только самца, то ее внутренняя форма связана с физической или мужской силой: *baladā*, *balivarda*, *mahisa*, *pumgava*, *sadhis*, *śakvara* и *śākvara*, *ukṣan*, *vṛṣa*, *gopati*, *damya* (силу предстоит укрощать).

Совершенно иначе дело обстоит с наименованиями самок. Все они связаны с материнством, молоком (*dhenā*, *dhenu*, *dhenukā*, *dughā* и *sudughā* и их «антиподы» *adhenu* и *vehat*), с женственностью (*mahīlukā*), с землей (*māheyī*). Интересно слово *homadhenu*, обозначающее именно ту корову, чье молоко используется для жертвоприношений.

Встречаются и наименования, мотивированные общими признаками, но развившие сему пола: слово *pṛśni – пестрый*, *пестрая корова* приобрело значения «земля» и «молоко», свойственные номинациям самок; *a śyāma – черный*, напротив, стало обозначать быка. Вероятно, это связано с частотой окрасов среди коров и быков. Лексемы *vāśrā* и *vaśā* произошли, по-видимому, от одного глагола со значением «реветь», «звучать», и оба слова обозначают самок: первое – именно мычащую корову, преимущественно с теленком, а второе – преимущественно бесплодную. Развитие семы «бесплодный» у общеиндоевропейского (вероятно) слова с общевидовым значением вызывает особый интерес.

В основе другой общеиндоевропейской номинации бесплодной коровы *starī* лежит некий лексический перенос (*букв.* 'твердый, жесткий, ригидный').

Итак, процесс номинации КРС тесно связан с полом животных и соответствующими ассоциациями (бык – сила, корова – материнство, кормление).

3. Образ коровы в мифологии и культуре древней Индии. В Индии корова – не просто кормилица. Ее молочность превозносится здесь так, что она приобретает магические черты (миф о Камадхену – корове, дающей всё желаемое [Васильков, 2019]) и даже обожествляется. Мир коров занимает целый ярус в небесном пространстве, наряду с мирами верховных богов – Брахмы и Вишну [Невелева, 1975]. Существует и поверье, что статуи божеств в храмах нерукотворны: их находят пастухи в термитных холмах, над которыми коровы пролили свое молоко [Паттанаик, 2022].

Коровы – символ плодовитости – сопровождают Вишну, одного из трех верховных богов, связанного с мирской радостью. Бык-осеменитель является знаком Шивы [Невелева, 1975], бога-аскета (иногда всё же проливающего свое семя, зарождая новую жизнь). Молоком же делали подношения божествам, а также маслом – «квинтэссенцией» молока (часто масло приносилось в жертву Вишну, а Шиве – некипяченое молоко) [Васильков, 2019, с. 47]. Считалось, что задобренные так божества подают разные материальные блага.

Тесна связь этих животных и с богом Индрой: «Точно бык стадо, так гонит он людей своей силой»[1]. Он предводитель, «бык-повелитель». «Твоя ваджра – бык, и твоя колесница – бык, [твои] буланые [кони] быкоподобны, быкоподобно [твое] оружие. Ты, о бык, повелеваешь быкоподобным опьяняющим питьем. Пей же досыта, о Индра, быкоподобного сому» [цит. по: Огибенин, 1968, с. 96]. В этом гимне санскритское *vṛ́ṣan – бык* созвучно (и родственно) *vṛṣṭi – оплодотворяющий поток, дождь*, что подразумевает способность Индры вызывать оплодотворяющий дождь и проводит параллель между Индрой и быком-осеменителем [там же].

Миф повествует о том, как Индра выполняет просьбу праматери коров Сурабхи и изливает на землю дождь, прекращая страдания быка, причиняемые ему пахарем. Это еще один фактор, делающий Индру божеством, содействующим плодородию [Невелева, 1975].

Связь с КРС видна и в мифе об освобождении коров-туч [Невелева, 1975], похищенных у Индры и спрятанных в скалу Вала. Индра разрушает скалу и освобождает коров[2]. В других эпизодах Индра выводит коров из тьмы[3], дарует их просящим[4]. Всё это порождает разные эпитеты, например, *diváḥ padavír gavyúr – ищущий пути неба, ищущий скот* [Огибенин, 1968, с. 73]. Мотив освобождения коров пересекается и с мотивом создания Вселенной [там же, с. 92].

Начало жизни символизирует и утренняя заря (*usrā*). Заря как начало жизни возникает в том же мифе об освобождении коров, и так утренние зори и коровы отождествляются. Индра освобождает и утреннюю зарю, выгоняя ее, как корову, на волю. Далее развитие семантики продолжается в этом направлении, и слово *usrā* начинает обозначать коров, призываемых на пастбище [Волошина, 2017].

КРС является и образом дхармы – порядка, закона общества. Жизнь общества в индуизме представлена четырьмя югами: в первой корова (бык), олицетворяющая дхарму, стоит на четырех ногах, во второй – на трех, затем на двух и на одной. Корова на четырех ногах – общество, твердо опирающееся на дхарму; корова на трех, на двух и на

[1]Ригведа I.7.8.
[2]Ригведа I.7.3, I.121.4.
[3]Ригведа I.33.10.
[4]Ригведа I.108; I.33.1, I.53.2.

одной ноге – постепенное обесценивание дхармы. Последняя юга представляет «темные времена», затем общество возрождается вновь [Циммер, 2020].

Корова – символ материнства и женственности, часто изображается с теленком [Васильков, 2019]. Сравнивается она и с землей: обе питают живых существ, потому обеих необходимо почитать. В одном из мифов богиня земли оборачивается коровой и убегает от царя Притху, отказываясь делиться своим богатством; затем царь собирает всех живых существ, чтобы подоить ее по закону дхармы[1]. В другом мифе Вишну, обратившись гигантским вепрем, спасает похищенную с поверхности космического океана землю. В результате Вишну получил прозвище Говинда – «защитник земли / коровы» [Циммер, 2020, с. 81].

Однако несмотря на то что в культуре и религии индийцев КРС занимает столь важное место, невзирая на существование лексемы *aghnyā* (*букв*. «тот, кого нельзя убивать»), есть и свидетельства о принесении коров и быков в жертву, об употреблении в пищу их мяса [Chakravarti, 1979; Ambedkar, 1990]: «Корова и бык священны, и потому должны употребляться в пищу» [цит. по: Ambedkar, 1990]; «Аскет, который, будучи приглашенным на жертвенный обед, отказывается от мяса, должен пойти в ад на столько лет, сколько волос было на теле убитого животного» [цит. по: Chakravarti, 1979, с. 52].

Итак, КРС могли быть атрибутами богов, олицетворять природные реалии (тучи, землю и т. д.), общественный порядок. При этом, будучи священными животными и являясь объектом особого почитания, коровы сами приносились в жертву.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследовав семантику, этимологию и внутреннюю форму лексем санскрита, называющих КРС, образ и роль этих животных в древнеиндийской культуре, можно сделать следующие выводы.

1. В большинстве случаев номинация *Bos taurus* была связана с их полом, отражая образ быка как олицетворения мощи, могущества, мужской силы и коровы как олицетворения материнства, плодовитости, начала жизни.

2. Существуют и наименования, построенные по другим принципам. В их основу легли наиболее общие признаки вида (цвет, возраст), а также характеристики, связанные с ролью КРС в жизни человека (функции в хозяйстве, отношение к животному в религии).

3. Представляется интересным, что общеиндоевропейские лексемы – *go* и *vaśa* (несмотря на сужение лексического значения последнего в санскрите) – относятся как раз к такой категории наименований. Происхождение слова *go* связано (по разным версиям) либо с внешним видом животного, либо с издаваемым им звуком, либо с образом его жизни, слова *vaśa* – с громким криком животного (*vaś – реветь*). Представляется, что эти наименования достались индийцам (как и другим индоевропейским народам) от предков, еще не знакомых с коровами близко, для которых более важными были внешние, общие признаки животного. Такое лексическое неразличение животных по полу признаку восходит к началу одомашнивания: для номинации одомашненных животных продолжали использоваться наименования соответствующих диких видов [Blažek, 2013]. Если предположить, что и этимоны лексем *go* и *vaśa* когда-то обозначали диких животных, становится ясным, почему они мотивированы характеристиками не конкретного пола, а вида вообще. Этого нельзя, однако, сказать о еще одной индоевропейской единице – *starī*, обозначающей бесплодную корову.

4. Образ КРС являлся для древних индийцев своеобразной призмой, через которую они смотрели на окружающий мир. Семантические вариации многих номинаций включают метафоры, связанные с природой (корова как земля, как заря; бык как дождь и т. д.), при этом трудно разграничить вариации по сигнификату и по денотату; т. е. метафорические переносы остались как бы незавершенными. Так, usra в текстах может обозначать одновременно и корову, и утреннюю зарю (например, корову-зарю, выпущенную на свободу Индрой); а *go* – одновременно и корову, и землю (например, обратившуюся коровой богиню земли). Еще один пример, подтверждающий, что образ коровы был «инструментом» восприятия мира – концепция четырех юг. В пользу данного тезиса говорит и то, что коровы и быки были атрибутами богов: Шивы, Вишну, Индры, богини земли. Такое многообразие ролей КРС в мифологии говорит о его некой универсальности.

Особое внимание хочется уделить жертвоприношениям коров в древнеиндийской языковой картине мира. Согласно множеству свидетельств, это практиковалось в Древней Индии, а существование лексемы *aghnyā*, по-видимому, связано не с запретом на убийство коров, а с необходимостью различать особей, разрешенных и недопустимых для принесения в жертву. Выше мы сказали, что слово *aghnyā* обозначает исключительно дойную корову, но существует и мужская форма *aghnya*. Видимо, существовала и некая категория быков, запрещенная для жертвоприношений. Есть основания предположить, что если для коровы решающей в данном

[1] Bhāgavata-Purāṇa 18:1–29.

случае функцией является ее молочность (отраженная также во множестве номинаций), то для быка это могла быть способность к осеменению, к доминированию в стаде.

Таким образом, в древнеиндийском языке отразилось всё многообразие возможных категорий КРС и его ролей, метафорических образов и сюжетов, связанных с ним. В основу номинации ложились и возраст, и пол, и роль в животноводстве – молочность, способность к осеменению. Молочные самки и быки-осеменители в сознании древних индийцев были связаны с мифом, религией и ритуалом.

Невероятно образные и яркие номинации санскрита отразили через призму языка глубину многоплановой и сложноустроенной мифологии и культуры Древней Индии. Реконструируемый принцип наименования животных (а именно представителей вида *Bos taurus*) в древнеиндийском языке, уходящий корнями в мифологию и ритуал, с полным основанием можно назвать «культурно-мифологическим».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Языковая номинация (общие вопросы) / под ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. М.: Наука, 1977.
2. Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура: в 4 т. Т. 3. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.
3. Кириченко Ю. С. Из опыта исследования названий домашних животных (о монографии О. Н. Трубачева «Происхождение названий домашних животных в славянских языках») // Карамзинские чтения: сборник материалов научно-практической конференции. 15 декабря 2017 г. / отв. ред. Л. И. Плотникова. Белгород: НИУ БелГУ, 2018. С. 117–121.
4. Васильков Я. В. Индийская священная корова: история и современность // Этнография. 2019. Вып. 4 (6). С. 42–59.
5. Невелева С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон). М.: Наука, 1975.
6. Паттанаик Д. Индийские мифы. От Кришны и Шивы до Вед и Махабхараты. М.: МИФ, 2022.
7. Огибенин Б. Л. Структура мифологических текстов «Ригведы». М.: Наука, 1968.
8. Волошина О.А. Nighaṇṭu как инструмент семантического анализа гимнов Ригведы // Проблемы ближней и дальней реконструкции: материалы IX Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию посвященной 90-летию со дня рождения профессора О. С. Широкова (1927–1997). М.: МЦНМО, 2017.
9. Цимммер Г. Мифы и символы в индийской культуре. М.: Академический проект, 2020.
10. Chakravarti M. Beef-eating in Ancient India // Social Scientist. 1979. Iss. 11(7). P. 51–55.
11 Ambedkar B.R. Did the Hindus Never Eat Beef? // The Untouchables: Who Were They and Why They Became Untouchables? Vol. 7. Bombay: Government of Maharasthra, 1990. P. 86–93.
12. Blažek V. Indo-European Zoonyms in Afroasiatic Perspective // Journal of Language Relationship. 2013. Iss. 9. P. 37–54.

REFERENCES

1. Serebrennikov, B.A. Ufimtseva A.A (Ed.). (1977). Jazykovaja nominatsija (obshchje voprosy) = Language Nomination (General Questions). Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Trubachev, O. N. (2008).Trudy po etimologii: Slovo. Istorija. Kul'tura = Works on Etymology: The Word. Story. Culture: in 4 vols, 3. Moscow: Rukopisnyje pamyatniki Drevney Rusi. (In Russ.)
3. Kirichenko, Ju. S. (2017). From the Experience of Researching the Names of Domestic Animals (about O. N. Trubachev's monograph "The Origin of the Names of Pets in Slavic Languages"): The didgest of articles of the "Karamzin readings" conference, 117–121. (In Russ.)
4. Vasilkov Ya. B. (2019. Indijskaja svjashhennaja korova: istorija i sovremennost' = The Indian sacred cow: history and modernity. Jetnografija, 4(6), 42–59. (In Russ.)
5. Neveleva, S. L. (1975). Mifologija drevneindijskogo eposa (panteon) = Mythology of the Ancient Indian Epic (Pantheon). Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Pattanaik, D. (2022). Indijskije mify. Ot Krishny i Shivy do Ved i Makhabkharaty = Indian Myths. From Krishna and Shiva to the Vedas and Mahabharata. Moscow: MIF. (In Russ.)

7. Ogibenin, B. L. (1968). Struktura mifologicheskikh tekstov «Rigvedy» = The Structure of the Mythological Texts of the Rig Veda. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Voloshina, O. A. (2017). Nighaṇṭu as a Tool for Semantic Analysis of Rigveda Hymns. Problemy blizhnej i dal'nej rekonstruktsii (pp. 192–208): The didgest of articles of the IX International Scientific Conference on Comparative Historical Linguistics dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor Oleg Sergeevich Shirokov (1927–1997). (In Russ.)
9. Cimmmer G. (2020). Mify i simvoly v indijskoj kul'ture = Myths and symbols in Indian culture. M.: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
10. Chakravarti, M. (1979). Beef-eating in Ancient India. Social Scientist, 11(7), 51–55.
11. Ambedkar, B.R. (1990). Did the Hindus Never Eat Beef? In The Untouchables: Who Were They and Why They Became Untouchables? 7, 86–93. Bombay: Government of Maharasthra.
12. Blažek, V. (2013). Indo-European Zoonyms in Afroasiatic Perspective. Journal of Language Relationship, 9, 37–54.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецова Мария Александровна
аспирант
кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания
филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsova Maria Aleksandrovna
Postgraduate Student
General and Comparative Historical Linguistics Department
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	09.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.367

Семантические роли второго актанта трехчленной пассивной конструкции

И. М. Некрасова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия
nekrasova142008@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования: установление семантической роли так называемого «агентивного» дополнения, выраженного неодушевленными существительными. Исследование выполнено на основе корпусных данных, в русле сравнительного анализа на материале русского, английского и немецкого языков. Результат исследования: 1) разграничены семантические роли агенса, элементива, эффектора; 2) сформулированы признаки, сопоставимые с выполнением соответствующей функции; выявлены типичные лексико-семантические группы существительных; 3) подтверждено сходство семантических ролей второго актанта трехчленного пассива в рассматриваемых языках.

Ключевые слова: пассив, агентивное дополнение, ролевая структура, агенс, элементив, эффектор, языковой корпус

Для цитирования: Некрасова И. М. Семантические роли второго актанта трехчленной пассивной конструкции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 82–90.

Original article

The Semantic Roles of the Second Participant in the Long Passive Construction

Irina M. Nekrasova

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia
nekrasova142008@yandex.ru

Abstract. The aim of the investigation is to establish the semantic roles of the by-phrase represented by non-persons. The research is performed on the basis of text-corpus data in Russian, along with the contrastive analysis of long passives in English and German. The result of the research: 1) the semantic roles of an agent, elementive and effector are demarcated; 2) characteristics necessary to perform the corresponding function are formulated, and typical semantic groups of nouns are identified; 3) the similarity of the semantic roles played by the second participant in discussed languages is confirmed.

Keywords: passive, by-phrase, thematic relations, agent, elementive (force of natural cause), effector, text corpus

For citation: Nekrasova, I. M. (2024). The Semantic Roles of the Second Participant in the Long Passive Construction. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 82–90. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Проблема типологии семантических ролей является сравнительно новой в лингвистике; обращение к семасиологическому уровню языка было несвойственно традиционному языкознанию с его стремлением к строгому научному описанию. Анализ компонентов предложения ограничивался рамками формально-грамматической структуры (подлежащее – дополнение) или логического подхода (субъект – объект). Но уже в конце 1960-х годов появляется новая тенденция: «…развитие лингвистической мысли <…> идет в конечном итоге к построению грамматики на семантической основе» [Арутюнова, 1973, с. 118]. Вербоцентрическая концепция Л. Теньера, «падежная грамматика» Ч. Филлмора, концептуальная семантическая теория У. Чейфа способствовали становлению синтаксической семантики, которая рассматривает компоненты предложения как универсальные единицы, обладающие экстралингвистическими и языковыми характеристиками. Предлагается новый подход к предложению как неоднородной, «многослойной» единице, анализ которой должен разграничивать три уровня: формальный, или поверхностный уровень (структурная схема), коммуникативный (высказывание) и семантический – «a part of context and situation which contains concrete lexical items» [Daneš, 1964, с. 229–230]. Модель Филлмора и Чейфа описывает «предметный» (денотативный) аспект предложения, или пропозицию, в центре которой находится предикат (глагольное слово-вершина). Глубинно-семантическая структура складывается из отношений между глаголом и именными группами (аргументами, или партиципантами ситуации), которые интерпретируются в терминах семантических падежей (ролей). Примечательно, что состав ролей (по выражению Арутюновой, «синтаксических амплуа») существенно различается не только в разных концепциях, но и у основателя предикатно-аргументного подхода, Филлмора, в разные периоды времени. Эволюция взглядов в вопросе интерпретации предложения объясняется сложностью его семантической организации, а не произволом исследователя; «полная формализация смысла предложения практически недостижима» [Богданов, 1977, с. 69].

Несмотря на ряд «пробелов» в теории и заслуженную критику, работы пионеров синтаксической семантики дали продуктивный толчок дальнейшим исследованиям (Гак, Кибрик, Богданов и др.). Высказывается идея генетической связи семантики предложения и реального события: «…все типы предложений, по крайней мере в их генезисе, представляли языковые модели конкретных ситуаций, которые по мере развития человеческого мышления могли наполняться довольно абстрактным содержанием» [Серебренников, 1970, с. 57]. Список семантических ролей продолжает пополняться, наиболее обширный набор, уточняющий функции именных групп, предложен в [Богданов, 1977].

Цель данного исследования – анализ семантики второго актанта, так называемого агентивного дополнения (АД) трехчленной пассивной конструкции (ПК). Данный термин вызывает сомнение, так как уже давно замечено, что «субъект действия может быть выражен также неодушевл. существительным с конкретным или отвлеченным значением» [Русская грамматика, 1980, с. 618]. По данным, полученным на материале немецкого языка, лишь в 32 % случаев АД образуется от одушевленных существительных [Саттаров, 1982]. Обращение к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) выявило 17 613 примеров одушевленных имен в роли второго актанта ситуации и 31 582 примеров неодушевленных, т. е. существенное преобладание последних. В этом случае возникает вопрос о том, могут ли неодушевленные существительные выполнять функцию агенса, или речь идет других семантических ролях.

Исходной точкой анализа является определение агенса, закрепленное в БЭС «Языкознание»: «термином агенс (агент, агентив) обозначают одуш. участника ситуации, ее намеренного инициатора, который контролирует ситуацию, непосредственно исполняет соотв. действие и является “источником энергии” этого действия» [Кибрик, 1998, с. 17]. Хотя в дефиниции не назван напрямую признак «личность», она описывает именно человека, «агенс-антропоним» [Копров 2006]; поскольку данная характеристика разночтений не вызывает, существительные типа «мать» или «ребенок» в исследование не включались. В фокусе нашего внимания находятся прежде всего неодушевленные имена, а также одушевленные, не обладающие каким-либо из включенных в дефиницию признаков (например, антропонимичность). Целью исследования является выявление семантической роли указанных существительных в позиции второго актанта ПК; эта цель достигалась путем анализа «набора» необходимых признаков и посредством трансформационного метода. Поскольку в работах Филлмора и Чейфа высказывается мысль об универсальном характере отношений пропозиции и сходстве семантических структур различных языков [Чейф, 1975], наряду с наблюдением о «несравнимости» поверхностных падежных систем [Филлмор, 1981], еще одной задачей является сопоставление результатов, полученных в русском языке (РЯ), с данными на материале английского (АЯ) и немецкого языков (НЯ). В качестве источника языкового материала использовался контент НКРЯ, основной и параллельные корпуса.

ПРЕДИКАТНЫЕ СЛОВА И ПОТЕНЦИОННОСТЬ

В поверхностной структуре предложения в РЯ агентивное дополнение маркируется формой творительного падежа имени, в языках аналитического типа маркерами являются предлоги: *by* в АЯ, *von* или *durch* в НЯ; второй предлог используется обычно с неодушевленным АД, впрочем, нерегулярно:

> Es gibt noch eine andere Quellengruppe, die im Unterschied zu ersterer ***von der Kirche*** nicht anerkannt wird (*Der Bote. 2007. No. 5-6*).

Форма творительного падежа имени в РЯ синкретична, в результате чего возникает омонимия агенса и других семантических ролей:

а) инструменталис:
Господин гауптшарфюрер был заколот ***ножом*** в сердце… (*Э. Казакевич. Звезда*)

б) композитив (материал, вещество):
Пол кабинета был затянут ***сукном*** (*М. Булгаков. Театральный роман*).

в) медиатив (аргумент как средство):
Зал был скрыт ***занавесом*** (*«Дальний Восток». 2019. № 6*).

В АЯ и НЯ инструменталис, композитив и медиатив формально не совпадают с агенсом.

Предваряя описание основных результатов нашего исследования, выскажем пару замечаний, которые повлияли на наш анализ. Во-первых, традиционная грамматика понимает предметность широко; существует необходимость разграничения предметных и событийных аргументов: событийные, или предикатные слова, занимают «ключевое место в иерархии лексических значений» [Кацнельсон, 1972, с. 143]; «их категориальный статус определяется не семантическими, а функционально-синтаксическими причинами», в отличие от непредикатных, которые имеют сему «вещность» как основную [Богданов, 1977, с. 35]. Во-вторых, сегодня агенс интерпретируется как актант, контролирующий ситуацию, действующий целенаправленно; однако в период становления синтаксической семантики Чейф исключал признак целенаправленности, характеризуя агенс как «предмет, у которого есть потенция, сила делать что-то»; этой силой могут быть наделены и неодушевленные участники ситуации, например: *The wind opened the door* [Чейф, 1975, с. 128]. Эта идея была развита в дальнейшем как признак «потенционности»; опираясь на этот признак, В. Копров выделяет агенс-каузатор и три его субкатегории: 1) агенс-причина (явления природы); 2) агенс-инструмент («самодвижущиеся» технические средства); 3) агенс-пациенс (непотенционные субстанции, которые в определенной ситуации могут играть роль агенса-каузатора) [Копров, 2006]. Наша точка зрения по этому вопросу изложена в разделе «Элементив и эффектор».

РАЗНОВИДНОСТИ АГЕНСА

В ходе анализа установлено четыре разряда разнообразных по семантике, преимущественно неодушевленных существительных, большинство из которых соотносится с понятиями «человек», «человеческая деятельность».

1. Собирательные имена существительные, обозначающие группы людей или организации. Совокупность лиц предполагает множество представителей одного класса: «толпа» ← «люди», «академия» ← «члены академии» и т. п. Они характеризуются признаками «антропонимичность», «целенаправленность», «обладание энергией». Семантическая роль агенса подтверждается путем трансформации ПК в исходную АК:

> Сергей был остановлен ***полицией*** за то, что проехал на красный свет светофора (*«Вечерняя Москва», 2002.01.10*). ← ***Полиция*** остановила Сергея…

Такие существительные можно объединить в лексико-семантические группы (ЛСГ).

- ЛСГ-1 – неорганизованные группы (толпа, сборище и т. п.):

  Они были освистаны темной ***толпой*** (*Е. Замятин. Мы*).

  Leibowitz, while taking his own turn at bookleggingwas caught ***by a simpleton mob*** (*W. Miller. A Canticle For Leibowitz*).

  …ich wurde auf einer Reise nach Mekka ***von einer Räuberhorde*** gefangen (*W. Hauff. Die Karawane*).

- ЛСГ-2 – организованные группы (армия, войска, полиция):

  Накануне отступления советских войск из Киева опустевшая Лавра была оцеплена ***войсками НКВД*** (*А. Кузнецов. Бабий Яр*).

  By 871, when Wessex was first attacked by the Danish army, it had already captured York (*Britannica. United Kingdom*).

  Sollten meine Neffen in nächster Zeit ***von der Polizei*** aufgegriffen werden… (*C. Funke. Herr der Diebe*)

- ЛСГ-3 – общество, социальные слои:

  Даже самый экономический материализм и марксизм был понят ***интеллигенцией*** превратно… (*И. Петрункевич. Интеллигенция и «Вехи»*).

  As usual, the High were to be turned out ***by the Middle***, who would then become the High… (*G. Orwell. Nineteen Eighty-Four*)

  Dabei wird der "Fehltritt" der Mannes vor allem ***von der bürgerlichen Gesellschaft*** toleriert… (*A. Grandke. Unsere Familie*).

- ЛСГ-4 – организации, учреждения:

  Этот мой маршрут не был принят ***Академией*** (*Н. Гумилев. Африканский дневник*).

  In future all questions relating to the working of the farm would be settled ***by a special committee*** of pigs… (*G. Orwell. Animal Farm*).

  Gebaut wurde die Brücke ***vom Konzern*** Strojgasmontasch (*Der Spiegel. 23.12.2020*).

- ЛСГ-5 – мифические, вымышленные существа (персонификация):

  Тума, то есть Марс, двадцать тысячелетий тому назад был населен ***Аолами*** – оранжевой расой (*А. Н. Толстой. Аэлита*).

  It was a passage made ***by dwarves***, at the height of their wealth and skill (*J. R. R. Tolkien. The Hobbit*).

  …jedesmal war doch eines der beiden **Schachlch** ***von dem anderen*** besiegt und verlangte Revanche (*S. Zweig. Schachnovelle*).

2. Высший разум, творец, действующий по своим, неподвластным человеку законам:

  Мозг был создан ***эволюцией*** для того, чтобы обеспечить выживание организма (*эл. издание, 2018.11*) ← Эволюция создала мозг…

Данная группа характеризуется признаками: «обладание энергией», «потенционность», «целенаправленность»; идея высших сил выражается следующими тематическими группами:

- ЛСГ-6 – природа, эволюция:

  В материале языка люди создают новые символьные модели действительности, которых не было создано ***природой***… (*В. Турчин. Феномен науки*).

  …the less successful one should be removed from the population ***by natural selection*** (*R. Dawkins. The Extended Phenotype*).

- ЛСГ-7 – божественный разум, Создатель:

  Великий князь Андрей был избран ***Небом*** для наказания вероломных (*Н. Карамзин. История государства Российского*).

  Все было устроено ***Промыслом Всевышнего*** к лучшему… (*М. Воронцов. Кавказские письма к А. П. Ермолову*)

- ЛСГ-8 – объективные, независящие от человека, сущности, такие как «время» (необратимая последовательность, одно из измерений существования), «жизнь» или «смерть» (бытие / конец бытия):

  Нет, надобно много страдать, много быть обмануту ***жизнью***, чтобы дойти до такого грустного результата! (*М. Салтыков-Щедрин. Противоречия*).

  The planet's surface was blurred ***by time***… (*D. Adams. The Hitchhiker's Guide to the Galaxy*).

  Alles, was Niebuhr angerichtet hat, ist ***durch den Tod*** weggewischt (*E. M. Remarque. Der schwarze Obelisk*).

3. Представители фауны, или «агенс-зооним» **ЛСГ-9**, семантические признаки – «одушевленность», «неантропонимичность», «потенционность», «обладание энергией»:

  Купаться было негде, – весь берег реки был истоптан ***скотиной***… (*Л. Толстой. Анна Каренина*) ← Скотина истоптала берег реки.

В данном отношении не является исключением и английский язык, в котором, как известно, животные маркируются местоимением *it*:

  Shall the world, then, be overrun ***by oysters***? (*A. C. Doyle. The Adventure of the Dying Detective*).

В случае с зоонимами может также происходить процесс персонификации (роман-притча «Скотный двор» Дж. Оруэлла).

4. Метонимический перенос на основе смежности, от человека к его физическим / психическим свойствам или действиям; подтверждением метонимии служат примеры сопоставительного перевода из параллельного корпуса. Метонимия на основе отношения «целое → часть»:

  …шаблоны получались ничем не хуже тех, которые были изготовлены ***рукой*** самого Тюбика (*Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей*). – The roughs <…> turned out quite as well as those made by ***Blobs himself*** (*N. Nosov. The Adventures of Dunno and his Friends. Trans. by M. Wettlin*) –

опущение лексемы *рука* и введение возвратного местоимения *himself* в английском переводе.

Метонимия на основе отношения «человек → действие»:

> Dann begann er in der Mitte, wo seine Unterhaltung ***durch Walter*** unterbrochen worden war (*R. Musil. Der Mann ohne Eigenschaften*). – Затем он начал с середины, с того места, где их беседа была прервана ***приходом Вальтера*** (*Р. Музиль. Человек без свойств. Пер. С. Апт*) –

использование предлога *durch* с именем собственным в немецком оригинале.

Первую подгруппу (отношение «целое → часть») образуют имена существительные, обозначающие психофизические характеристики человека – части тела, голос, взгляд, свойства натуры и т. п. В отличие от инструменталиса, *рука* или *нога* считаются «неотчуждаемым инструментом» [Богданов, 1977, с. 68]; точно так же неотделимы от человека его природные характеристики («улыбка Чеширского кота» – нонсенс, тонко подмеченный Л. Кэрролом). Примеры метонимического переноса на основе отношения «целое → часть»:

- ЛСГ-10 – части тела:

  И постепенно такая же участь постигнет всех членов Совета – они будут убиты ***рукой Эдварда Хайда*** (*И. Шолохова. Дневник*).

  The wounds on Snowball's back <…> had been inflicted ***by Napoleon's teeth*** (*G. Orwell. Animal Farm*).

  Die zwei Stufen vor dem Hause des alten Herrn Buck waren abgewetzt ***von den Füßen*** der ganzen Stadt und von den Vorgängern dieser Füße (*H. Mann. Der Untertan*).

- ЛСГ-11 – физиологические свойства человека:

  …all these people sitting in orderly rows upon narrow benches had been enslaved ***by the fascination of his voice*** (*J. Conrad. Lord Jim*).

  При этих словах прокурор хотел было запротестовать, но слова его были заглушены ***смехом публики*** (*А. Беляев. Человек-амфибия*).

  Ich war eben getroffen bis ins Mark hinein ***von dem herrischen Blitz dieses Blickes***… (*S. Zweig. Der Amokläufer*)

- ЛСГ-12 – качества характера:

  …хитроумные планы мистера Шерлока Холмса были разрушены ***мудростью женщины*** (*А. К. Дойл. Скандал в Богемии*).

  We had thought that Snowball's rebellion was caused simply ***by his vanity and ambition*** (*G. Orwell. Animal Farm*).

  Die Lebensumstände werden weitgehend ***vom Fleiß***, ***vom gesunden Streben im Beruf*** beinflusst (*A. Grandke. Unsere Familie*).

Вторую подгруппу (отношение «человек → действие») представляют предикатные слова, обладающие признаком «потенционность»:

> Его появление было вызвано ***действиями волшебницы*** или он явился вопреки ее волхованиям? (*Актуальные вопросы современной науки. 2018. № 2*) ← Его появление вызвала *волшебница* своими действиями..?

- ЛСГ-13 – акт, действие, событие:

  Утром путешественники были разбужены ***беготней и возней***, начавшейся на палубе (*В. Обручев. Плутония*).

  This hope was shattered ***by the discovery*** of atomic structure and quantum mechanics (*S.Hawking. Black Holes and Baby Universes*).

  Noch unheimlicher sind die Experimente, bei denen Menschen ***durch eine ähnliche Manipulation*** dazu gebracht werden… (*Der Spiegel. 2006. № 15*)

- ЛСГ-14 – речь как словесное воздействие:

  …в первое мгновение он, казалось, буквально был раздавлен ***словами семинариста*** (*Ф. Достоевский. Бесы*).

  – so schien er im ersten Augenblick ***durch die Worte des Seminaristen*** buchstäblich niedergeschmettert zu sein (*F. Dostoevskij. Die Dämonen. Trans. by H. Röhl*).

  Wine-besotted Claudius is completely deceived ***by young Fortinbras' suggestion***… (*V. Nabokov. Bend Sinister*).

- ЛСГ–15 – продукт действия человека, дальнейший перенос «действие → результат»:

  Обои возле телефона были испещрены ***рисунками*** – удручающая хроника коммунального подсознания (*С. Довлатов. Наши*).

  It has all been proved ***by documents*** which he left behind him (*G. Orwell. Animal Farm*).

  Eine neue Verfassung, <…> die ***durch Senatsdekret*** zum Staatsgrundgesetz erhoben wurde (*Th. Mann. Buddenbrooks*).

Третья подгруппа метонимического переноса опирается на отношение «человек → место»:

Это не было развлечением начальников – это было выполнение служебной инструкции, «приказ есть приказ». Такие случаи были предусмотрены ***Москвой*** (*В. Шаламов. Зеленый прокурор*). ← ...были предусмотрены начальством.

Обычно в функции этой разновидности агенса употребляются названия государств, стран ЛСГ-16:

Корея с 1910 года была оккупирована ***Японией*** (*В. Авченко. Примечания к книге «Фадеев»*).

But that effort was blocked ***by third world countries***, particularly India and Malaysia (*N. Chomsky. Profit Over People*).

Das Schiff wäre jetzt knapp vor dem Einbruch der Regenzeit ***von Australien*** her ausgekauft (*S. Zweig. Der Amokläufer*).

ЭЛЕМЕНТИВ И ЭФФЕКТОР

Термин «элементив» употребляется как характеристика активного неодушевленного (обычно природного, стихийного) производителя действия [Богданов, 1977]; в других работах используются толкования «force of natural cause» [Academic English Grammar, 2019], «агенс-причина» [Копров, 2006]. Приводимые примеры демонстрируют, что в понятие стихии включают не только природные явления (ураган, лавина и т. п.), но и болезни: «An **epidemic** killed off all of the tomatoes» [там же, с. 287]. Элементив характеризуется признаками «неодушевленность», «потенционность», «обладание энергией», «неконтролируемость», «спонтанность» и может замещать позицию подлежащего-деятеля исходной АК:

Several of our people were struck by ***lightning*** in the cave (*J. Tolkien. The Hobbit*). ← The ***lightning*** struck several of our people...

В РЯ возможна не только трансформация пассив ← актив; трехчленные ПК с актантом-элементивом соотносятся с безличным оборотом ролевого типа:

...вскоре уши и щеки мои ***были обожжены*** холодом (*Ю. Лепский. В поисках Бродского*). ← вскоре уши и щеки мои ***обожгло*** холодом.

О семантике безличных оборотов [Некрасова, 2019]. В нашем анализе представлены следующие тематические группы:

- ЛСГ-17 – стихия, осадки:

Шоссейная дорога до Нескучного была размыта ***дождями*** (*А. Бенуа. Жизнь художника*).

Montag looked at these men whose faces were sunburnt ***by a thousand real and ten thousand imaginary fires*** (*R. Bradbury. Fahrenheit 451*).

Ein Jäger <...> wurde ***von einer Menge stürzender Zapfen*** erschlagen (*A. Stifter. Die Mappe meines Urgroßvaters)*.

- ЛСГ-18 – болезнь, недуг (в том числе социальный):

Они обернулись, и мне показалось, что я попал на карнавал масок ужаса – так были обезображены ***болезнью*** их лица (*«Огонек». 1991. № 4*).

Western leaders feared that <...> others too might be stricken ***by the disease*** that infected Russia in 1917 (*N. Chomsky. Profit Over People*).

Niemand verstand mehr von Masken als Baptista, vielleicht, weil sein Gesicht ***von Pockennarben*** entstellt war (*C. Funke. Tintenblut*).

- ЛСГ-19 – социально-политические конфликты, потрясения:

В церковь <...> потянулись люди, чьи души были искалечены ***войной*** (*Жизнь национальностей. 2003.06.18*).

...the Taliban government was overthrown by ***a foreign invasion*** in 2001 (*I. Wallerstein. Afghanistan*).

Die Völkerwanderung wurde ***durch den Einbruch der Hunnen*** in Europa nach 370 ausgelöst (*H. Müller. Schlaglichter der deutschen Geschichte*).

- ЛСГ-20 – эмоции, чувства, психофизические состояния, которые генетически связаны с инстинктами и проявляются спонтанно:

Ведь и сами мы были парализованы ***страхом*** (*Е. Гинзбург. Крутой маршрут*).

...he harvested his prey only after they'd been thoroughly ripened ***by fear*** (*T. Gerritsen. The Apprentice*).

...kurz nach der "Wende" 1989 war die ganze Welt ***von einer Friedenseuphorie*** befallen (*M. Auer. Geschichten vom Krieg*).

В настоящее время в синтаксической семантике также используется термин «эффектор» для обозначения неодушевленного участника, который не контролирует ситуацию, но непосредственно воздействует на нее и изменяет ее; роль эффектора существенно отличается от роли агенса, «она была явно недооценена в теории

семантических ролей» [Кибрик и др., 2006, с. 23]. В толкование семантики эффектора, как правило, включают понятие «стихия»[1]; на наш взгляд, термины «элементив» и «эффектор» целесообразно разграничить, принимая во внимание различающиеся мотивирующие признаки: «элементив» (*elemental forces*, стихия) – «эффектор» (*effect*, воздействие). В безличные и пассивные конструкции РЯ всё чаще включаются понятия из области техники, военного дела: «убило *током*, задавило *паровозом*, выбросило *взрывом*» [Ходова, 1958, с. 154]. Копров относит технические устройства, оружие и проч. артефакты к разряду «агенс-инструмент», что вызывает ощущение амбивалентности, так же как и его термин «агенс-пациенс» [Копров, 2006]; оба разряда могут быть объединены понятием эффектора. «Несмотря на то, что техническими устройствами сознательно управляет человек, причинение ущерба здоровью или окружающей среде происходит спонтанно, по воле случая, оказывается нежелательным, незапланированным эффектом» [Некрасова, 2019, с. 126]. Основное отличие элементива от эффектора заключается в том, что первый исключает артефакты. Функция эффектора также подтверждается путем трансформации пассив ← актив, либо пассив ← безличный оборот (в РЯ):

> Через несколько мгновений всё это <…> будет уничтожено ***взрывом*** (*Л. Андреев. Рассказ о семи повешенных*). ← Через несколько мгновений всё это уничтожит ***взрыв*** / …всё это уничтожит ***взрывом***.

Эффектор представлен в нашем анализе следующими тематическими группами:

- ЛСГ-21 – транспортные средства:

  > В Екатеринославе городовой <…> споткнулся и был раздавлен ***вагоном*** (*Раннее утро. 05.11.1912*).
  >
  > …much of the work of the pilot had already been accomplished ***by the machine*** (*A. David. Mindell. Our Robots, Ourselves*).
  >
  > Sohn eines blutarmen südslavischen Donauschiffers, dessen winzige Barke eines nachts ***von einem Getreidedampfer*** überrant wurde… (*S. Zweig. Schachnovelle*)

- ЛСГ-22 – оружие, боеприпасы:

  > Во время Курского побоища <…> его танк был подбит ***снарядом***… (*А. Толстой. Русский характер*)
  >
  > I was at the wheel of a luxurious automobile when our last king was killed inside it, ***by a gunshot*** through the window (*V. Nabokov. The Waltz Invention*).
  >
  > Die Brust war ***von Schüssen*** zerrissen (*E. M. Remarque. Zeit zu leben und Zeit zu sterben*).

- ЛСГ-23 – «агенс-каузатор», предмет, получивший признак «потенционность» в условиях определенной ситуации:

  > он тотчас же подумал, как бессмысленна его просьба о том, чтоб они не были убиты ***дубом***, который уже упал теперь (*Л. Толстой. Анна Каренина*).
  >
  > Dorian Gray had been poisoned ***by a book*** (*O. Wilde. The Picture of Dorian Gray*).
  >
  > Kiens Kannibalen wurden ***von den Rosen*** erstickt (*E. Canetti. Die Blendung*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе нашего исследования установлено, что позиция агентивного дополнения в поверхностной структуре ПК может соотноситься с разными семантическими ролями в пропозиции. Функцию второго актанта способны выполнять событийные, или предикатные имена, обладающие признаком «потенционность». Наиболее обширную группу составляют существительные, которые соотносятся с понятием «человеческая деятельность»: совокупности людей (ЛСГ 1–4), случаи метонимического переноса на основе отношений «человек → его свойства / действия» (ЛСГ 10–16); разновидностью агенса могут быть также обозначения животных, мифических существ, высших сил (ЛСГ 5–9). В исследовании разграничены понятия элементива и эффектора: несмотря на то, что их общими признаками являются «неконтролируемость» и «спонтанность», элементив обозначает природные и социальные стихийные явления (ЛСГ 17–2), исключая артефакты, которые можно рассматривать как функцию эффектора (ЛСГ 21–23).

Все тематические группы существительных выявлены на материале русского, английского и немецкого языков, что позволяет сделать вывод об изоморфном характере семантической структуры трехчленного пассива. Типологическим отличием на формально-грамматическом уровне предложения является омонимия, обусловленная синкретичностью формы тв. падежа имени в РЯ.

[1]Печеный А. П. Творительный падеж: материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2012. URL: http://rusgram.ru.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова Н. Д. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 117–124.
2. Daneš D. A Three-Level Approach to Syntax. Travaux linguistiques de Prague 1. Academia Prague, 1964. С. 221–240.
3. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
4. Серебренников Б. А. К проблеме сущности языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 11–93.
5. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. Залог. М.: Наука, 1980. С. 615–618.
6. Саттаров Р. Т. Агентивное дополнение в немецких атрибутивных и предикативных конструкциях с причастием II // Лингвистические исследования. Структура и значение предложения. М.: АН СССР, 1982. С. 212–222.
7. Кибрик А. Е. Агенс // Языкознание: большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
8. Копров В. Ю. Лексико-грамматические разряды существительных и типология агенса // Живое русское слово. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. С. 48–52.
9. Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975.
10. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. С. 369–495.
11. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.
12. Academic English Grammar: For Intermediate and Advanced Learners. Ahmad Sharifzadeh 2019. URL: https://hostnezt.com/
13. Некрасова И. М. Семантика эффектора в безличных оборотах ролевого типа // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2019. № 62. С. 121–134.
14. Кибрик А. Е. [и др.]. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования / А. Е. Кибрик, М. М. Брыкина, А. П. Леонтьев, А. Н. Хитров // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 16–45.
15. Ходова К. И. Творительный падеж в страдательных конструкциях и безличных оборотах // Творительный падеж в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 127–158.

REFERENCES

1. Arutjunova, N. D. (1973). Problemy sintaksisa i semantiki v rabotakh Ch. Fillmore = Problems of syntax and semantics in Ch. Fillmore's works. Voprosy yazykoznaniya, 1, 117–124. (In Russ.)
2. Daneš, D. (1964). A Three-Level Approach to Syntax. Travaux linguistiques de Prague 1 (pp. 221–240). Academia Prague.
3. Bogdanov, V. V. (1977). Semantiko-sintaksicheskaja organizatsija predlosheniya = Semantic-syntactic organization of a sentence. Leningrad: University Edition. (In Russ.)
4. Serebrennikov, B. A. (1970). K probleme sushchnosti yazyka = To the problem of the essence of language. Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka (pp. 11–93). Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Shvedova, N.Yu. (Ed.). (1980). The Voice. Russkaya grammatika. Zalog. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Sattarov, R. T. (1982). Agentivnoe dopolnenie v nemetskikh atributivnykh i predikativnykh konstruktsiyakh s prichastiem II = Agenetic addition in German attributive and predicative constructions with Participle II. Lingvisticheskie issledovaniya. Struktura i znachenie predlozheniya (pp. 212–222). Moscow: AN SSSR. (In Russ.)
7. Kibrik, A. E. (1998). Agens = Agent. In Yartseva, V. N. (Ed.), Yazykoznanie (pp. 438–440): large encyclopaedic dictionary. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya. (In Russ.)
8. Koprov, V. Y. (2006). Leksiko-grammaticheskiye razr'ady sushchestvitel'nykh i tipologiya agensa = Lexical-semantic classes of nouns and the typology of an agent. Zhivoje russkoje slovo (pp. 48–52). St.Petersburg: University Edition. (In Russ.)
9. Chafe, W. (1975). Znachenie i struktura yazyka = Meaning and the Structure of Language. Translated from English. Moscow: Progress (In Russ.)
10. Fillmore, Ch. (1981). Delo o padezhe = Case Grammar. In Novoe v zarubezhnoy lingvistike (vol. X, pp. 369–495). Moscow: Progress. (In Russ.)

11. Katsnel'son, S. D. (1972). Tipologija yazyka i rechevoje myshlenije = Language typology and verbal thinking. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
12. Academic English Grammar: For Intermediate and Advanced Learners. Ahmad Sharifzadeh 2019. https://hostnezt.com/
13. Nekrasova, I. M. (2019). The Semantics of the Effecter in Impersonal Constructions with Marked Thematic Relations. Vestnik of Tomsk State University. Philology, 62, 121–134. (In Russ.)
14. Kibrik, A. E. at al. (2006) Russkiye possessivnye konstruktsii v svete korpusno-statisticheskogo issledovaniya = Russian possessive constructions in the aspect of corpus data research. Voprosy yazykoznaniya, 1, 16–45. (In Russ.)
15. Khodova, K. I. (1958). Tvoritel'nyy padezh v stradatel'nykh konstruktsiyakh i bezlichnykh oborotakh = The instrumental case in passive and impersonal constructions. Tvoritel'nyy padezh v slavyanskikh yazykakh (pp. 127–158). Moscow: AS USSR. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Некрасова Ирина Михайловна
кандидат филологических наук, доцент
и.о. зав. кафедрой романо-германских языков и межкультурной коммуникации
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nekrasova Irina Mikhailovna
PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Department of Romanic and Germanic Languages and Cross-Cultural Communication
Perm State Humanitarian Pedagogical University

Статья поступила в редакцию	09.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.134

Порядок следования прилагательных в именной синтагме (на материале португальского языка)

Г. В. Петрова

Московский государственный институт международных отношений (У) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, galia.petrova@mail.ru

Аннотация. В португальском языке в именной группе с несколькими прилагательными-спецификаторами последние всегда располагаются в постпозиции по отношению к существительному, при этом ближе к ядру находятся прилагательные с более широким значением, а последующие спецификаторы выполняют рестриктивную функцию. В работе на основе примеров из СМИ и ошибок студентов анализируются отклонения от общего правила, а также употребление прилагательных-характеризаторов в экспрессивном стиле.

Ключевые слова: португальский язык, порядок следования прилагательных, именная группа, характеризаторы, спецификаторы, препозиция, постпозиция, нейтральный стиль, экспрессивный стиль

Для цитирования: Петрова Г. В. Порядок следования прилагательных в именной синтагме (на материале португальского языка). Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 91–99.

Original article

The Order of Adjectives in the Nominal Syntagm (based on the Portuguese language)

Galina V. Petrova

Moscow State Institute of International Relations (U) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Moscow, Russia, galia.petrova@mail.ru

Abstract. In Portuguese, in a noun phrase with several specifier adjectives, the latter are always placed in postposition relative to the noun, with adjectives with a broader meaning closer to the nucleus, and subsequent specifiers performing a restrictive function. Based on the analysis of examples from the media and students' mistakes, the work analyzes deviations from the general rule, as well as the use of characterizing adjectives in an expressive style.

Keywords: Portuguese language, order of adjectives, noun group, characterizers, specifiers, preposition, postposition, neutral style, expressive style

For citation: Petrova, G. V. (2024). The order of adjectives in the nominal syntagm (based on the Portuguese language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 91–99. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Задачей настоящей работы является сопоставление порядка расположения прилагательных в русском (РЯ) и португальском языках (ПЯ). Анализ производится на основе примеров и текстов из португальских и бразильских СМИ, являясь также результатом анализа ошибок студентов старших курсов при письменном переводе общественно-политических текстов. Вопрос очередности прилагательных в именной синтагме (SN) в ПЯ исследовался, в частности, в работах Е. М. Вольф, А. да Силвы, Л. де Сантус Родригес, К. Прим, Т. Л. Морейра, Ciberdúvidas. Некоторые положения работы также отражены в учебнике Г. В. Петровой, Е. Г. Гавриловой, И. И. Толмачёвой (2022).

СПЕЦИФИКАТОРЫ И ХАРАКТЕРИЗАТОРЫ

Для целей настоящей работы мы принимаем традиционную классификацию, существующую в русской грамматике, которая делит эту категорию на качественные и относительные. Местоименные прилагательные (детерминанты) в данной работе не рассматриваются.

Качественные прилагательные обозначают признаки предметов и событий, заложенные в самих вещах [Вольф, 1978]. Они выполняют характеризующую функцию, выделяя определенную черту объекта или выражая оценку, поэтому в португалоязычной традиции adjetivos qualificadores также называются дескриптивными [Moreira, 2015], или характеризаторами [Silva, 2008]. При этом отмечается, что они обозначают временный признак (qualidades acidentais), например: *um grupo sunita iraquiano* ***insurgente*** (***мятежная*** *иракская суннитская группировка*).

Относительные прилагательные называют признак через отношение к предмету или к другому признаку [Грамматика современного русского литературного языка, 1970]. Они носят специфицирующий характер и поэтому называются спецификаторами [Rodrigues, 2012], сужая семантику определяемого существительного, или, иными словами, выполняя рестриктивную функцию [Вольф, 1978; Афанасьева, Соловьева, 2019]. Их также называют классификаторами [Silva, 2008]; отмечается также, что они обозначают постоянный признак [там же], например: *um grupo* ***sunita iraquiano*** (***иракская суннитская*** *группировка*).

В ПЯ нейтральным порядком слов в именной группе является *существительное – прилагательное* (*N + adj*), т. е. прилагательные в ПЯ обычно располагаются справа от существительного [Rodrigues, 2012]. Такая позиция является немаркированной и более информативной, так как прилагательное находится в конечной, более сильной позиции [Silva, 2008].

В ПЯ характеризаторы могут занимать позицию как перед существительным, так и после него, в зависимости от различных факторов, анализируемых ниже, в то время как спецификаторы находятся только в постпозиции по отношению к существительному [там же].

ИМЕННАЯ ГРУППА С НЕСКОЛЬКИМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

Если в ПЯ в именной синтагме используется несколько прилагательных, при переводе неизбежно возникают вопросы: почему они располагаются в определенной очередности и в каком порядке их переводить на РЯ?

Как предполагает Дж. Чинкве, порядок расположения прилагательных относительно существительного фиксирован и является универсалией практически для всех языков [Гращенков, Курьянова, 2018]. При автоматическом переводе прилагательные также расставляются в нужном порядке, из чего следует, что существует разработанный жесткий алгоритм их следования.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ОЧЕРЕДНОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АНГЛИЙСКОМ И ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Португалоязычные лингвисты, как правило, сопоставляют очередность прилагательных в ПЯ с порядком прилагательных в английском языке [Rodrigues, 2012; Moreira, 2015; Silva, 2008]. В английском языке прилагательное располагается перед существительным, т. е. слева от него (*adj + N*). Аналогичным является и порядок слов в именной группе в РЯ.

Как можно видеть, порядок прилагательных в ПЯ является зеркальным по сравнению с английским и РЯ. При переводе с одного языка на другой рекомендуется переводить детерминанты в обратном порядке, однако существуют определенные расхождения.

Исследователи отмечают, что в английском языке соблюдается следующий порядок: 1) артикль или другой детерминант (*a*, *the*, *his*); 2) оценка, мнение (*good*, *bad*, *terrible*, *nice*); 3) размер (*large*, *little*, *tiny*); 4) возраст (*new*, *young*, *old*); 5) форма (*square*, *round*); 6) цвет (*red*, *yellow*, *green*); 7) происхождение (*French*, *lunar*, *American*, *eastern*, *Greek*); 8) материал (*wooden*, *metal*, *cotton*, *paper*); 9) предназначение (*sleeping*) [Rodrigues, 2012].

Сравнивая переводы английских примеров на РЯ, в последнем мы видим аналогичный порядок прилагательных:

father's small red sleeping bag – папин маленький красный спальный мешок (*детерминант, размер, цвет, предназначение*);
a huge round metal bowl – огромная круглая металлическая чаша (*артикль, размер, форма, материал*).

В ПЯ, если прилагательные находятся в постпозиции по отношению к существительному, их порядок определяется следующим образом: «существительное – относительное прилагательное – цвет – форма – иные физические свойства – ментальные или физические особенности – оценка» [Marques, 2020]. В постпозиции относительные прилагательные всегда предшествуют качественным [Prim, 2012].

К. Маркес отмечает, что пример «It is my adorable big old square black English leather business suitcase», где встречается восемь определений и один детерминант, в английском языке считается нормативным. Эта английская синтагма имеет следующий португальский эквивалент:

Esta é a minha adorável velha mala de negócios preta quadrada de couro inglês [Marques, 2020]. – Это мой любимый старый черный квадратный деловой кейс из английской кожи.

Из перевода примера мы видим, что в ПЯ такое количество определений является ненормативным и говорящий старается избежать нагромождения прилагательных [Silva, 2008]. Адъективная конструкция заменяется предложной *de* + *N*, т. е. *leather suitcase* (*кожаный кейс*) переводится как *mala de couro* (*кейс из кожи*), *a business suitcase* (*деловой кейс*) как *mala de negócios* (*букв.* 'кейс для дел'); также совершается перестановка отношений подчинения: не *mala inglesa* (*английский кейс*), *a mala de couro inglês* (*кейс из английской кожи*), а качественные прилагательные выносятся в препозицию: ***adorável velha*** *mala*.

МАКСИМАЛЬНОЕ КОЛИЧЕСТВО ОПРЕДЕЛИТЕЛЕЙ

К. Прим считает, что максимальное число детерминантов в португальской именной группе не должно превышать семи, при этом, по крайней мере три из них, являются местоименными прилагательными или числительными [Prim, 2012]:

Os seus dois outros bem grandes quadros arredondados cinzas franceses (possessivo > cardinal > ordinal > qualidade > tamanho > forma > cor > nacionalidade).

При таком выстраивании именной синтагмы (SN) каждое последующее прилагательное модифицирует значение предыдущей группы *N* + *adj*, т. е., как отмечает Т. Л. Морейра, в последовательности прилагательных наблюдается определенная иерархия [Moreira, 2015].

Таким образом, в синтагме [Um livro policial] amarelo]] arredondado]]] – [[[круглый [[желтый [полицейский роман]]] (т. е. детектив), «желтый» ограничивает значение SN «полицейский роман», а «круглый» – модифицирует значение SN «желтый полицейский роман» [Marques, 2020].

НЕЙТРАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ

Нейтральным порядком прилагательных в SN в ПЯ является существительное – относительное прилагательное – качественное прилагательное. А. да Силва отмечает, что в именной синтагме, содержащей и качественные, и относительные прилагательные как в ПЯ, так и в английском языке относительное определение будет находиться ближе к существительному, а качественное, в свою очередь, модифицировать группу с относительным определением [Silva, 2008, с. 135]:

Costa continua a ser o [líder partidário] preferido]] – Кошта по-прежнему остается [[любимым [партийным лидером]].

В переводе на РЯ их порядок зеркальный: качественное прилагательное – относительное прилагательное – существительное:

[indústria espacial] europeia]] competitiva]]] – [[[конкурентоспособная [[европейская [космическая промышленность].

Аналогичный порядок определителей можно видеть в следующих примерах:

um [programa social] eficaz]] – [[эффективная [социальная программа]; um [esquema ideológico] claro]] – [[четкая [идеологическая схема]; uma [barreira comercial] ilegal]] – [[незаконный [торговый барьер]; [[eventos climáticos] extremos]] – экстремальные [природные явления].

Как замечает А. да Силва, в ПЯ относительные прилагательные, в отличие от качественных, не употребляются в препозиции [там же, с. 136].

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ПРЕПОЗИЦИИ

При анализе SN с прилагательным (*N* + *adj*) необходимо учитывать, что в ПЯ существует целый ряд

детерминантов, встречающихся исключительно в препозиции. Это артикли, притяжательные и указательные прилагательные, порядковые числительные, квантификаторы [Rodrigues, 2012; Silva, 2008]. Преимущественно ставятся в препозицию некоторые определения (*mesmo*, *meio*, *outro*, *mero*, *puro*) и сравнительная и превосходная степень прилагательных (*melhor*, *pior*, *maior*, *menor*), например: *uma maior autonomia provincial – бóльшая автономия провинций*.

К списку прилагательных, всегда находящихся в препозиции, Т. Л. Морейра добавляет прилагательные субъективной оценки *suposto* (*предполагаемый*), *chamado* и *alegado* (*так называемый*) [Moreira, 2015]: *a chamada terceira via conservadora – так называемый третий консервативный путь*.

ПРОСОДИЯ

Ритм предложения и просодия также влияют на положение прилагательных; так, в препозиции оказываются, как правило, короткие прилагательные:

bom dia – доброе утро, добрый день;
alguma boa oferta – какое-нибудь хорошее предложение;
má hora – недобрый час;
trazer más notícias – приносить плохие новости.

В том случае, если в именной синтагме несколько детерминантов, в препозиции оказываются также и длинные качественные прилагательные:

?uma saia comprida de linho maravilhosa – uma maravilhosa saia comprida de linho (*оценка – N – форма – материал*);
*uma estudante de Física do Porto simpática – uma simpática estudante de Física do Porto (*оценка – N – спецификатор*).

ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПРЕПОЗИЦИИ

В ПЯ, если качественные прилагательные выносятся в препозицию, они приобретают в позиции слева от *N* более экспрессивный и субъективный характер [Rodrigues, 2012, с. 14], например: *ter* ***perfeita*** *consciência da progressão assustadora dos votos na extrema-direita* (*букв*. 'иметь *прекрасное* представление об устрашающем росте голосов, поданных за крайне правых').

В ПЯ существует ряд прилагательных и детерминантов, которые, попадая в препозицию, меняют свою семантику, приобретая переносное или метафорическое значение. Они подробно описаны в статьях, грамматиках и учебниках [Moreira, 2015; Prim, 2012; Петрова, Гаврилова, Толмачева, 2022; Prokopyshyn, 2009]. Рассмотрим несколько примеров:

um palácio antigo (старинный дворец) – um antigo palácio (бывший дворец);
um professor simples (простой учитель [характеристика поведения]) – um simples professor (скромный [всего лишь] учитель);
um amigo velho (старый друг [возраст]) – um velho amigo (старинный друг);
um oficial alto (высокий офицер [рост]) – um alto oficial (высокопоставленный офицер);
uma mulher pobre (бедная женщина [финансовое положение]) – uma pobre mulher (бедная, несчастная женщина), pobre diabo (бедняга, бедолага);
um homem grande (высокий человек) – um grande homem (великий человек), a Grande Revolução Francesa (Великая французская революция), a grande burguesia (крупная буржуазия).

Из примеров видно, что пре- и постпозиция прилагательного зависит и от сочетаемости с существительным. В ПЯ прилагательное в прямом значении оказывается в постпозиции, а в переносном – в препозиции:

um brilhante aluno – блестящий ученик
vs
uma estrela brilhante – блестящая звезда;

uma cara séria – серьезное лицо
vs
sérios problemas sociais e macroeconômicos – важные социальные и макроэкономические проблемы.

Отметим, что в РЯ прилагательное в переносном значении никогда не меняет свою позицию, оставаясь слева от имени: *блестящий ученик – блестящая звезда*, *серьезное лицо – серьезные проблемы*.

СПЕЦИФИКАТОРЫ В ПОСТПОЗИЦИИ

Все цитируемые работы уделяют внимание позиции качественных прилагательных или очередности в именной группе, содержащей и качественные, и относительные прилагательные. Однако на вопрос: в каком порядке следуют несколько относительных прилагательных, если они определяют одно существительное, – однозначного ответа нет.

Анализ лингвистического материала показывает следующую закономерность: если в постпозиции оказываются несколько специфицирующих

прилагательных, то ближе к существительному располагается определение с более широким значением. Последующие прилагательные выполняют рестриктивную функцию:

o [[gás natural] liquefeito]] – [[сжиженный [природный газ]] (*значение словосочетания «природный газ» шире, чем «сжиженный природный газ»*);
a [[educação intercultural] bilingue]] – [[двуязычное [межкультурное образование]];
a [[União Económica] Eurasiática]] – [[Евразийский [экономический союз]];
novo [míssil balístico] intercontinental]] russo]]] – новая [[[российская [[межконтинентальная [баллистическая ракета].

СИНТАГМА *DE + N* КАК ЭКВИВАЛЕНТ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Группа *de* + *N*, где лексическое значение *N* ослаблено, в большинстве случаев является эквивалентом относительного прилагательного [Silva, 2008].

Е. М. Вольф отмечает: «Как известно, в иберороманских языках, как и в других романских, атрибутивные группы соотносятся по значению и функциям с именными группами с предлогами, в первую очередь с предлогом *de*» [Вольф, 1978, с. 13]. Приведем несколько примеров:

mala ***de couro*** – кожаный портфель;
caixa ***de correio*** – почтовый ящик;
carro ***de corrida*** – гоночный автомобиль;
companhia ***de seguros*** – страховая компания.

Однако предложные конструкции *de* + *N* почти не участвуют, за немногим исключением, в квалификационных и оценочных структурах [там же]. В примерах типа *filme de qualidade* (*качественный фильм*) происходит процесс перехода синтагмы со значением качественного прилагательного в разряд относительного, и *de* + *N* выполняет рестриктивную функцию (в противовес «посредственным фильмам, фильмам плохого качества»). Е. М. Вольф замечает, что переход одной категории в другую происходит постоянно, в зависимости от контекста и позиции прилагательного [там же].

Таким образом, группа *N* + *de* + *N* представляется единым денотатом, где *de* + *N* ограничивает значение ядра, выступая в качестве эквивалента относительного прилагательного. При этом характеризатор или спецификатор с более узким значением находятся в постпозиции по отношению к рассматриваемой группе:

[[movimento de libertação] nacional]] – [[национально-[освободительное движение]];
vários [[projetos de energia] nacionais]] – различные [[национальные [энергетические проекты]].

ВАРИАТИВНОСТЬ

Особый случай, однако, представляют именные группы типа *estado de direito democrático vs estado democrático de direito*, где группа *de* + *N* может меняться местами с относительным прилагательным. Этот пример взят из текстов двух конституций: в Конституции Португальской Республики страна определена как *estado de direito democrático* (*демократическое правовое государство*), в то время как в Конституции Бразилии страна называется *estado democrático de direito* (*правовое демократическое государство*). Представляется вероятной гипотеза, что при таком порядке слов в именной группе значение обоих определителей для говорящего равноценны, т. е. они по сути стоят в отношениях сочинения.

При равнозначности детерминантов в языке СМИ встречается разный порядок слов: преобладающим вариантом перевода словосочетания *военно-промышленный комплекс* является его аналог *o complexo militar-industrial*, *os monopólios militar-industriais*, но также распространен вариант обратного порядка слов:

a preocupante expansão do *complexo industrial militar* (*Transcend Media Service, 20.10.2014*);
o discurso de Eisenhower sobre o *complexo industrial-militar* (*Jornal de Todos os Brasis, 7.07.2012*).

Даже при описании одного и того же события в языке СМИ встречается вариативность в порядке следования прилагательных *ofensivo* и *estratégico*:

Durante as manobras, "um ataque nuclear maciço das forças *ofensivas* estratégicas foi lançado em resposta a um ataque nuclear inimigo", explicou (*SIC Notícias. 25.10.2023*).
vs
Esses testes têm como objetivo simular "o lançamento de um ataque nuclear maciço pelas forças *estratégicas ofensivas* em resposta a um ataque nuclear inimigo" (*Carta Capital. 25.10.2023*).

В РЯ устойчивым является словосочетание *стратегические наступательные вооружения*, а *не наступательные стратегические вооружения*, хотя *стратегические вооружения* – более широкое понятие, чем *наступательные вооружения*: «стратегические вооружения подразделяются на

наступательные и оборонительные» (*Военный энциклопедический словарь*).

Однако такие примеры немногочисленны: в РЯ порядок, при котором ближе к ядру стоит прилагательное, имеющее более широкое значение, а дальше – детерминант с более узким значением, соблюдается достаточно жестко:

o [[Fundo Monetário] Internacional]] – [[Международный [Валютный Фонд]].

СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР

Детерминант, обозначающий национальность или географическое название, в ПЯ, за редкими исключениями, стоит в самой дальней правой позиции, суживая значение предыдущей именной группы с относительными детерминантами:

a [[[empresa militar] privada]] sul-africana]]] – [[[южноафриканская [[частная [военная компания]]]];
novo [[[míssil balístico] intercontinental]] russo]]] – новые [[[российские [[межконтинентальные [баллистические ракеты];
a [[expansão militar e económica] chinesa]] – [[китайская [военно-экономическая экспансия]].

В нейтральном стиле в ПЯ обозначение национальности всегда следует за названием должности: *o primeiro-ministro* ***indiano*** (*букв.* '*индийский* премьер-министр'); *o ministro da Defesa* ***brasileiro*** (*букв.* '*бразильский* министр обороны').

Однако в определенных случаях для говорящего национальность должностного лица оказывается более важной, чем его должность, и обозначение национальности или принадлежности к географическому месту в языке СМИ оказывается перед названием должности:

Em Belgrado, o ministro ***russo*** dos Negócios Estrangeiros tinha encontro marcado com o homólogo. – В Белграде у ***российского*** министра иностранных дел была назначена встреча с министром иностранных дел Сербии.

O ministério ***russo*** da defesa publicou um vídeo... – ***российское*** министерство обороны опубликовало видео...

O ministro ***brasileiro*** da Indústria, Comércio Exterior e Serviços, Marcos Jorge de Lima, esteve em Lisboa... – ***Бразильский*** министр промышленности, внешней торговли и услуг Маркос Жоржи де Лима находился в Лиссабоне...

Таким образом, нельзя отрицать вмешательство субъективного фактора в основное правило расположения прилагательных в именной группе в ПЯ.

ПЕРЕВОД ИНОСТРАННЫХ ТЕРМИНОВ И ФАКТОР УЗУСА

При переводе иностранных терминов мы встречаем:

- буквальное следование порядку прилагательных, свойственному оригиналу: [[[Confederação Francesa] Democrática]] do Trabalho]]], перевод с фр. *Confédération française démocratique du travail, CFDT – Французская демократическая конфедерация труда*, где обозначение национальности предшествует другим детерминантам,
- вариативность: [[Plano de Ação] Conjunto]] Global]]], или же [[[Plano de Ação] Conjunto]] Abrangente]]] – [[[Совместный [[всеобъемлющий [план действий] (СВПД), перевод английского термина *Joint Comprehensive Plan of Action* (JCPOA)[1].

При этом в СМИ встречаются и варианты с обратным порядком прилагательных: [[[Plano de Ação] Global]] Conjunto]]] (*Expresso das Ilhas, 20.09.2020*), или с прилагательными, находящимися в отношении сочинения: [[Plano de Ação] Conjunto e Abrangente]] (*ONU News. 15.12.2021*).

При переводе с ПЯ на русский не совпадает порядок прилагательных в некоторых терминах, названиях партий и организаций:

[Tribunal Superior] Eleitoral]] – [[Верховный [избирательный суд];
[Partido Popular] Monárquico]] – [[Народная [монархическая партия].

Итак, в терминологии основополагающим является фактор узуса.

ГРУППА *N + DE + N + ADJ*

В группе *N + de + N + adj* можно наблюдать следующие явления:

а) при наличии в такой группе нескольких прилагательных сохраняется тот же порядок следования, что и в группе *N + adj + N*, т. е. прилагательное (спецификатор или характеризатор) следует за *N + de + N*:

[análise de discurso] crítica]], *букв.* [[критический [дискурсивный анализ];

[1]Соглашение по иранской ядерной программе, политическое соглашение между Ираном и группой государств, известных как 5+1, относительно ядерной программы Ирана.

[tecnologia de ponta] militar]] – [[передовые [военные технологии] *букв.* [[военные [передовые технологии];

б) хотя после предлога *de* артикль не употребляется, т. е. семантическое значение существительного ослаблено, в группе *N* + *de* + *N* + *adj* второе существительное в некоторых случаях может приобретать самостоятельное значение, а группа *de* + *N* не воспринимается как прилагательное:

jogador ***de rugby*** – игрок в регби,
regime ***de cidadania*** – режим предоставления гражданства,
mecanismos ***de direito internacional*** – *международно-правовые* механизмы.

В этом случае рестриктивный характер связи между *N* и *de* + *N* является не таким тесным, как в именной группе с прилагательным, и группа может разрываться прилагательными различной семантики, которые в этом случае формально определяют ядро:

[[jogador *sul-africano*] *de rugby*]], а не jogador *de rugby sul-africano* – [[южноафриканский [игрок в регби]];
[[[empresa *estatal*] *polaca*]] *de gás*]]], а не empresa *de gás estatal polaca* – [[[польское [[государственное [газовое предприятие]]], *букв.* [[[польское [[государственное [предприятие газа]]];
[[reservas *estratégicas*] *de petróleo*]], а не reservas *de petróleo estratégicas* – [[стратегические [нефтяные запасы]], *букв.* [[стратегические [запасы нефти]];
[[regime *especial*] *de cidadania*]], а не regime *de cidadania especial* – [[особый режим] предоставления гражданства]].

Подобные случаи представляют особую трудность для переводчика.

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Как было сказано выше, обычный совет, который дается студенту при переводе, – «переводить группу прилагательных в обратном (зеркальном) порядке». Однако интерференция родного языка оказывается подчас непреодолимой, и типичными ошибками русскоязычных студентов являются:

1) постановка любого, в том числе относительного, прилагательного в препозицию: **um* ***progressista*** *partido* ***revolucionário*** вместо *um partido* ***revolucionário progressista***;
2) постановка качественного прилагательного перед относительным: **moedas* ***existentes nacionais*** вместо *moedas* ***nacionais existentes*** (*существующие национальные валюты*); **laços* ***tradicionais económicos*** вместо *laços* ***económicos tradicionais*** (*традиционные экономические связи*); **a crise* ***global financeira*** вместо *a crise* ***financeira global*** (*мировой финансовый кризис*); **a posição* ***comum progressista*** вместо *a posição* ***progressista comum*** (*общая передовая позиция*);
3) постановка прилагательного с более узким значением перед прилагательным с более широким значением: ошибочным является перевод синтагмы *существующие национальные валюты* как **moedas existentes nacionais*, в то время как верным будет порядок *moedas nacionais existentes*.

Когда именная группа *N* + *de* (*de* + *artigo*) + *N* воспринимается как единый денотат, определяемый последующими детерминантами, перевод синтагмы *Единое союзное государство* как **Estado único da União*, сделанный одним из студентов, не является корректным, так как *Estado da União* – *Единое государство* – единое понятие, такое же, как *União Europeia* или *Estados Unidos da América*, и оно определяется детерминантом *Estado da União único*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Нейтральным порядком слов в именной группе в ПЯ является: «существительное – прилагательное»; в русском – «прилагательное – существительное». Таким образом, обычный порядок перевода ряда прилагательных в именной группе с русского на португальский и с ПЯ на русский является зеркальным.
2. В именной группе с прилагательными как спецификаторами, так и характеризаторами ближе к существительному располагаются специфицирующие определители, за ними следуют прилагательные – характеризаторы.
3. Качественные прилагательные выносятся в препозицию по отношению к существительному, приобретая более выраженный экспрессивный характер.
4. Существует группа характеризаторов, которые меняют свое значение в препозиции, приобретая переносное или метафорическое значение. Также в ПЯ есть группа характеризаторов, которые всегда расположены в препозиции.
5. В именной группе, включающей несколько специфицирующих прилагательных, ближе к существительному располагается определение с

более широким значением. Последующие прилагательные выполняют рестриктивную функцию по отношению к предыдущей группе *N + adj*.

6. Если определение выражено синтагмой *de + N*, а лексическое значение *N* ослаблено, группа *N + de + N* представляется единым денотатом, где *de + N* также ограничивает значение ядра. Последующие прилагательные также выполняют рестриктивную функцию.
7. Отклонения от общего правила вызваны факторами терминологического, субъективного или узуального характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного: На материале иберо-роман. яз. М.: Наука, 1978.
2. Moreira Thais Luisa Deschamps. A sintaxe dos adjetivos atributivos. Dissertação de mestrado. Universidade Federal do Paraná, 2015. URL: https://acervodigital.ufpr.br/handle/1884/41196?show=full
3. Silva Ademar da. A ordem dos adjetivos em grupos nominais: uma questão sintático-semântica e discursiva // Calidoscópio. 2008. Vol. 6. # 3. P. 134–141. URL: https://scholar.archive.org/work/vd6z7w6sjrg5tivegzgstptoie
4. Грамматика современного русского литературного языка / С. Н. Дмитренко и др. ; отв. ред. Н. Ю. Шведова; Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. М.: Наука, 1970.
5. Rodrigues Lucélia de Sousa Santos. Análise contrastiva da ordem dos adjetivos no sintagma nominal do português e do inglês. Tese de Bacharelado em Letras. Universidade de Brasília. 2012. URL: https://bdm.unb.br/bitstream/10483/4032/1/2012_LuceliadeSousaSantosRodrigues.pdf
6. Афанасьева Л. В., Соловьева С. И. Степень спаянности компонентов именного словосочетания с двумя препозитивными прилагательными в современном французском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 80–84. URL: www.gramota.net/materials/2/2019/2/17.html
7. Гращенков П. В., Курьянова О. В. Порядок атрибутивных прилагательных в истории русского языка и статус прилагательного в структуре именной группы // Rhema. Рема. 2018. № 4. С. 72–108. URL: rhema-journal.com/Rema_2018_4_Grashchenkov_Kurianova.pdf
8. Marques C. A ordem dos adjetivos em português // Ciberdúvidas da Língua Portuguesa. 2020. URL: https://ciberduvidas.iscte-iul.pt/consultorio/perguntas/a-ordem-dos-adjetivos-em-portugues/35785#.
9. Prim Cristina de Souza. A sintaxe de adjetivos nas posições pré- e pós-nominal. Dissertação de Mestrado. Universidade Federal de Santa Catarina. 2012. URL: https://repositorio.ufsc.br/handle/123456789/93701
10. Петрова Г. В., Гаврилова Е. Г., Толмачёва И. И. Португальский язык для старших курсов. Ч. 1. М.: МГИМО (У), 2022.
11. Prokopyshyn A. C. Colocação do adjectivo (antes ou depois do substantivo)' // Ciberdúvidas da Língua Portuguesa. 2009. URL: https://ciberduvidas.iscte-iul.pt/consultorio/perguntas/colocacao-do-adjectivo-antes-ou-depois-do--substantivo/26245.

REFERENCES

1. Vol'f, E. M. (1978). Grammatika i semantika prilagatel'nogo: Na materiale ibero-romanskih yazykov = Grammar and semantics of the adjective: Based on the material of the Ibero-Romance languages. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Moreira, Thais Luisa Deschamps. (2015). A sintaxe dos adjetivos atributivos. Dissertação de mestrado. Universidade Federal do Paraná. URL: https://acervodigital.ufpr.br/handle/1884/41196?show=full
3. Silva, Ademar da. (2008). A ordem dos adjetivos em grupos nominais: uma questão sintático-semântica e discursiva. Calidoscópio, 6(3), 134–141. https://scholar.archive.org/work/vd6z7w6sjrg5tivegzgstptoie
4. Shvedova, N. YU. (Ed.). (1970). Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka = Grammar of the modern Russian literary language. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Rodrigues, Lucélia de Sousa Santos. (2012). Análise contrastiva da ordem dos adjetivos no sintagma nominal do português e do inglês. Tese de Bacharelado em Letras. Universidade de Brasília. https://bdm.unb.br/bitstream/10483/4032/1/2012_LuceliadeSousaSantosRodrigues.pdf
6. Afanas'eva, L. V., Solov'eva, S. I. (2019). Stepen' spayannosti komponentov imennogo slovosochetaniya s dvumya prepozitivnymi prilagatel'nymi v sovremennom francuzskom yazyke = The degree of cohesion of the components of a noun phrase with two prepositive adjectives in modern French. Philological sciences. Questions of theory and practice, 12(2), 80–84. www.gramota.net/materials/2/2019/2/17.html. (In Russ.)

7. Grashchenkov, P. V., Kur'yanova, O. V. (2018). Poryadok atributivnyh prilagatel'nyh v istorii russkogo yazyka i status prilagatel'nogo v strukture imennoj gruppy = The order of attributive adjectives in the history of the Russian language and the status of the adjective in the structure of the noun phrase. Rhema. Rema, 4, 72–108. rhema-journal.com/Rema_2018_4_Grashchenkov_Kurianova.pdf (In Russ.)
8. Marques, C. (2020). A ordem dos adjetivos em português. Ciberdúvidas da Língua Portuguesa. https://ciberduvidas.iscte-iul.pt/consultorio/perguntas/a-ordem-dos-adjetivos-em-portugues/35785#.
9. Prim, Cristina de Souza. (2012). A sintaxe de adjetivos nas posições pré e pós-nominal. Dissertação de Mestrado. Universidade Federal de Santa Catarina. https://repositorio.ufsc.br/handle/123456789/93701
10. Petrova, G. V., Gavrilova, E. G., Tolmachyova, I. I. (2022). Portugal'skij yazyk dlya starshih kursov. Chast' 1. = Portuguese language. Advanced course. Part 1. Moscow: MGIMO (U). (In Russ.)
11. Prokopyshyn, A. C. (2009). Colocação do adjectivo (antes ou depois do substantivo). Ciberdúvidas da Língua Portuguesa. https://ciberduvidas.iscte-iul.pt/consultorio/perguntas/colocacao-do-adjectivo-antes-ou-depois-do-substantivo/26245.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петрова Галина Викторовна
кандидат филологических наук
доцент кафедры романских языков
Московского государственного института международных отношений (У)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petrova Galina Viktorovna
PhD (Philology)
Associate Professor of the Department of Romance Languages
Moscow State Institute of International Relations (U)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	15.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.112.2

Semmel von dahoam: диалект в коммерческой рекламе Южной Германии

А. А. Пономарёва

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
ann.ponomaryova1111@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль диалекта в коммерческой баннерной и плакатной рекламе Южной Германии. Были проанализированы рекламные кампании, проведенные на территории Баварии и Баден-Вюртемберга с 2010 по 2022 гг., с вкраплениями южнонемецких диалектов. Результаты лингвопрагматического анализа свидетельствуют о том, что использование диалекта в региональных рекламных сообщениях детерминировано как коммуникативными запросами общества, так и функциями рекламы как двигателя торговли.

Ключевые слова: диалект, баварский, швабский, реклама, вариативность, мультимодальность

Для цитирования: Пономарева А. А. Semmel von dahoam: диалект в коммерческой рекламе Южной Германии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 100–107.

Original article

Semmel von Dahoam: Dialect In Commercial Advertising in Southern Germany

Anastasiya A. Ponomareva

St. Petersburg State University, St.Petersburg, Russia
HSE University, St.Petersburg, Russia
ann.ponomaryova1111@gmail.com

Abstact. The article examines the role of dialect in commercial banner and poster advertising in South Germany. It analyzes advertising campaigns with Upper German dialect inclusions implemented between 2010 and 2022 in Bavaria and Baden-Württemberg. The results of linguopragmatic analysis indicate that the use of dialect in regional advertising messages is determined both by the communicative demands of society and by the functions of advertising as a driver of trade.

Keywords: dialect, Bavarian, Swabian, advertising, variety, multimodality

For citation: Ponomareva, A. A. (2024). Semmel von dahoam: Dialect in commercial advertising in Southern Germany. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 100–107. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Heimat ist da, wo mein Dialekt gesprochen wird (*рус Родина там, где говорят на моем диалекте*[1]) – этот девиз актуален для 45 % немцев, преимущественно из южной части Германии, что подтверждается данными опроса 2013 года, проведенного Немецким институтом изучения общественного мнения, рынка, новостей, информации и услуг (*нем* TNS Emnid)[2]. Это позволяет говорить о диалекте как о важном компоненте региональной культуры и средстве национальной идентификации. По этой причине говорящий на диалекте автоматически воспринимается как «свой». Диалект, являясь символом *приверженности родному региону* (*нем* Ortsloyalität, Regionalbewußtsein [Mattheier, 1980]) и связующим звеном между носителями, помогает установить контакт и создать дружескую атмосферу (К. Маттайер, Э. Штрасснер). Реклама, конечной целью которой является побуждение целевой группы к покупке, изначально предполагает эмоциональное воздействие на потребителя. Диалект как символ региональной идентификации позволяет усилить данный эффект. Вероятность того, что реклама с диалектными вкраплениями обратит на себя внимание, запомнится и в дальнейшем побудит реципиента к действию, повышается.

Как отмечает лингвист Э. Штрасснер, диалект давно используется в немецкоязычной рекламе как своеобразный *коммерческий трюк* (*нем* Verkaufs-Gimmick) с целью заинтересовать региональную аудиторию. Эта тенденция прослеживается начиная с послевоенного времени, особенно в рекламе продовольственных продуктов [Straßner, 1986]. При этом диалект остается преимущественно устной формой межличностного общения, и ввиду отсутствия закрепленной письменной нормы понять его в печатном виде удается далеко не всем носителям [Niebaum, Macha, 1999], поэтому изучение диалекта в рекламе во многом ограничивается аудиовизуальными средствами массовой информации (телевидением и радио) [Wahl, 2015]. В печатных медиа диалект встречается не в «чистом» виде, а на контрасте со стандартным языком в виде вкраплений [Janich, 1999; Straßner, 1986; Janle, Klausmann, 2020], что может рассматриваться как особый прагмастилистический прием: например, в качестве средства создания иронии, передачи национального колорита и т. п. [Riesel, Schendels, 1975; Naer, 2006]. В рекламе диалект служит для воссоздания так называемого *Sound of Origin*, т. е. регионального колорита (актуально для теле- и радиорекламы), который воспринимается как знак качества товара (С. Валь), для приближения продукта к региональному потребителю и привлечения внимания (Ф. Йанле, Г. Клаусманн; В. Чукшис), установления доверительного контакта с региональной аудиторией (С. Райманн).

РЕКЛАМА КАК МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Говоря о видах рекламы, исследователи выделяют коммерческую и некоммерческую рекламу. Данное противопоставление базируется на цели рекламной кампании – коммерческая реклама направлена на извлечение прибыли, некоммерческая создается не ради денег и ориентирована на продвижение социальных и государственных проектов [Васильев, Поляков, 2004]. Иногда трудно провести четкую границу между данными типами рекламы, и кампания может объединять коммерческий и некоммерческий элемент (например, производитель пива *Wirts Madl* помимо своего товара рекламирует и региональный туризм – см. ниже).

Целью любой коммерческой рекламы является побуждение к совершению покупки определенного товара или услуги, что достигается с помощью различных маркетинговых стратегий. В их число входит и кастомизация, предполагающая трансформацию товара или его рекламы под запросы целевой аудитории в зависимости от ее возраста, гендерной принадлежности, социального статуса, происхождения и т. п. [Olsen, Pracejus, 2020] (например, реклама шоколада *Ritter Sport* была адаптирована в различных регионах Германии в соответствии с их социо-культурными особенностями – см. ниже). Это реализуется за счет вербальной, просодической (в радио- и видеорекламе) и визуальной составляющих (шрифт, цвет, изображения, композиция и др.) [Кибрик 2010], что позволяет говорить о рекламном тексте как о мультимодальном явлении. При этом в баннерной и плакатной рекламе ведущая роль отводится изображению, так как оно позволяет актуализировать смыслы рекламного сообщения, часто не совпадающие на эксплицитном и имплицитном уровне [Koller, 2009]. Эта двойственность призвана оказать речевое воздействие на потенциальных клиентов за счет эмоциональности рекламного сообщения, что обеспечивает оценочная лексика (в том числе на диалекте), фразеологизмы, идиомы, средства художественной выразительности и даже ошибки лексической сочетаемости [там же], которые активируются в связке с изображением. Данные стилистические приемы не только служат в качестве средства персуазивности, но и позволяют сохранить рекламный текст кратким при высокой плотности его содержания.

[1]Зд. и далее перевод наш. – *А. П.*

[2]URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/291315/umfrage/umfrage-in-deutschland-zur-definition-von-heimat/ (дата обращения: 10.11.2023).

Материалом исследования стади более 30 слоганов рекламных кампаний, проведенных на территории Баварии и Баден-Вюртемберга в 2010–2020-х годах, в которых был использован диалект. Примеры баннерной рекламы в интернете (графическое изображение с рекламным текстом, размещенное на web-сайте рекламодателя [Васильев, Поляков, 2004]) были отобраны методом сплошной выборки на официальных сайтах местных коммерческих организаций; примеры плакатной наружной рекламы (графическое изображение с рекламным текстом, размещенное в виде плаката на улице, в транспорте и т. п. [там же]) – из статей электронных версий региональных газет TZ-Zeitung и Münchner Merkur, посвященных анализируемым рекламным кампаниям и сопровождающихся фотографиями плакатов на улицах регионов. Принадлежность тех или иных единиц к диалекту была идентифицирована на базе особенностей баварских и швабско-алеманнских диалектов с учетом маркирования диалектизмов в словарях немецкого языка (наличие региональных помет *bayerisch*, *schwäbisch*, *südwestdeutsch*, *süddeutsch*).

ДИАЛЕКТ VS. ДИАЛЕКТНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ

Диалект как разговорная форма языка богат экспрессивной лексикой и в связке со стандартным языком воспринимается как нечто эмоциональное [Naer, 2006], поэтому он значительно расширяет возможности для речевого воздействия в рекламе путем создания дополнительных смыслов и апелляции к положительным образам, связанным с родным регионом. При этом большинство проанализированных рекламных текстов содержала не чистый диалект, а диалектные вкрапления. Предполагаем, что рекламное сообщение, составленное полностью на диалекте, трудно для восприятия, так как на территории одной федеральной земли распространены диалекты и других групп (например, жители Баварии помимо баварских диалектов разговаривают на алеманнских и франкских диалектах, при этом все они остаются негомогенными) [Baeva, 2014]. К тому же уровень владения диалектом самих носителей варьируется (многие «носители» говорят не на чистом диалекте, а на обиходно-разговорных формах, пересекающихся с диалектом в интонационном, фонетическом, лексическом и грамматическом планах, так как обиходно-разговорные варианты и диалект в южных регионах практически невозможно разграничить) [Mattheier, 1980; Меркурьева, 2007].

Таким образом, использование «дистиллированного» диалекта может отрицательно повлиять на результат рекламной кампании, так как целевая аудитория такой рекламы будет значительно ограничена. Поэтому диалект в баннерной и плакатной рекламе используется чаще всего в виде вкраплений, общих для целой группы диалектов (*Servus*, *Grüß Gott*, *g'scheit*, *dahoam* и др.) и / или в связке с изображением, которое способствует расшифровке смыслов.

ДИАЛЕКТ В РЕКЛАМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОДУКТОВ

Согласно отчету Федерального министерства продовольствия и сельского хозяйства (*нем* Bundesministerium für Ernährung und Landwirtschaft), за 2021[1] год одним из важнейших критериев для покупки продуктов является их региональное происхождение (82 % – второй по важности критерий в статистике после вкуса), особенно это касается скоропортящихся продуктов: ввиду менее сложной логистической цепочки региональные продукты с большей вероятностью доставят до прилавков свежими. Маркирование продуктов местного производства реализуется за счет территориальных дублетов (регионально ограниченные варианты, входящие в состав литературного языка) и диалектизмов (регионально ограниченные нелитературные варианты) [Riesel, Schendels, 1975]: покупая *Erdäpffel* вместо *Kartoffeln*, *Radi* вместо *Rettich*, *Paradeiser* вместо *Tomaten*, *Ramm* вместо *sauere Sahne*, *Semmel* вместо *Brötchen* и др., рядовой баварец не только делает выбор в пользу свежих продуктов, которые были произведены / выращены в его родном регионе и, следовательно, не были подвергнуты долгой транспортировке, но и поддерживает региональное сельское хозяйство и экономику.

Если же регион славится производством какого-либо особенного продукта, как баварские пивоварни ценятся за пшеничное пиво (*нем* Weißbier) или баденские винодельни за сорта вин с высокой кислотностью – *Троллингер* (*нем Trollinger*) и *Лембергер* (*нем Lemberger*)[2], прямое указание на происхождение товара в рекламном тексте способствует росту спроса на него. Для маркировки товаров из Баварии используется этикетка *проверенное качество* (*нем* geprüfte Qualität) с указанием федеральной земли, ее символики, в том числе цветовой (баварские деликатесы часто продаются в магазинах в упаковке с изображением баварского бело-голубого флага). В Южной Германии регион производства демонстрирует маркировка *von dahoam*

[1]URL: https://www.bmel.de/DE/themen/ernaehrung/ernaehrungsreport2021.html (дата обращения: 09.11.2023).
[2]Brudermüller S. Langenscheidt Lilliput Schwäbisch. München: Langenscheidt, 2015, S. 277–278.

(т. е. из родного региона), увидев которую, покупатель отмечает, что товар местный и с большей вероятностью сделает выбор в пользу его покупки.

Особенно часто диалект встречается в рекламе пивоварен, который призван подчеркнуть высокое качество товара. Учитывая, что пиво является национальным напитком в Германии, а количество пивных марок на полках немецких магазинов зашкаливает, в условиях жесткой конкуренции за потребителей возрастает необходимость в нестандартной рекламной кампании. Например, немецкая сеть супермаркетов *REWE*, запустившая производство пива марки *Wirts Madl* эксклюзивно в своих баварских филиалах, апеллирует к региональным ценностям. Отличительной особенностью фирмы *Wirts Madl* является популяризация путешествий по Баварии, что транслируют рекламные плакаты, сопровождающиеся текстом на баварском диалекте – слоган *Desweng war i oiwei no ned in New York* (*букв.* 'Именно поэтому я еще не был в Нью-Йорке') на фоне баварских Альп побуждает покупателя исследовать уголки родного региона, поддерживая тем самым местный туризм (см. рис. 1). За аттрактивность кампании отвечает не только красочное фото, но и его несоответствие Нью-Йорку – именно за это слово цепляется взгляд потенциального покупателя за счет цветового оформления. Это вызывает у потребителя когнитивный диссонанс и побуждает прочитать текст целиком. На сайте марки представлены и другие шутливые выражения на баварском диалекте с переводом на стандартный немецкий, сопровождающихся видами городов и достопримечательностей Баварии. Таким образом, чисто коммерческая реклама приобретает элементы социальной, что позволяет сделать имидж компании более привлекательным в глазах консервативных южан. Благодаря этой кампании *Wirts Madl* заявила о себе и как о хранителе традиций (в том числе традиций пивоварения) и популяризаторе региональной культуры, что не может не явиться дополнительным

Рис. 2. Реклама *шоррле* с мультипликационными персонажами *Äffle & Pferdle* на сайте *SilberBrunnen*

Рис. 1. Реклама пива *Wirts Madl* на официальном сайте

аргументом в пользу покупки товара данной марки для типичного жителя Южной Германии.

Иную стратегию использует производитель безалкогольных напитков из Баден-Вюртемберга *SilberBrunnen*, рекламным лицом которого являются *Äffle & Pferdle* – разговаривающие между собой на диалекте герои мультфильмов швабского телевидения, успевшие стать символом Вюртемберга. Один из популярных в Южной Германии напитков – *шоррле* (*нем.* Schorrle – смесь газированной воды с соком; также есть его алкогольная версия из воды и вина) – получил у производителя название со швабским колоритом *Fruchtfläschle* (*нем* Fruchtflasche с добавлением *юж.-нем.* диминутивного суффикса *-le*), что вызывает у потребителей ассоциации с детством, когда *шоррле* делали дома их бабушки, говорившие на диалекте. Эту ассоциативную цепочку призваны активировать *Äffle & Pferdle*, знакомые целевой аудитории с детства по мультфильмам (см. рис. 2[1]). Апелляция к ностальгическим чувствам позволяет не только вызвать у потребителя положительные эмоции, но и создать имидж, необходимый компании (фирма, которая ассоциируется с чем-то старым и добрым). Для потребителя покупка товара марки, транслирующей региональные ценности, наполняется дополнительным смыслом, ведь так он поддерживает дальнейшую популяризацию культуры и диалекта региона.

ДИАЛЕКТ КАК СРЕДСТВО РЕГИОНАЛЬНОЙ КАСТОМИЗАЦИИ

Чтобы привлечь внимание потенциального покупателя, рекламная кампания должна быть уникальной. Каждый регион Германии имеет свою культурную специфику, поэтому рекламные кампании строятся с учетом региональных особенностей. Такой стратегией воспользовался производитель шоколада *Ritter Sport*, запустивший рекламную

[1]URL: https://www.silberbrunnen.de/sprudel/produkte/ (дата обращения: 03.02.2021)

Рис. 3. Кастомизированная реклама Ritter Sport в Вюртемберге и Баварии

Рис. 4–5. Кастомизированная реклама Ritter Sport в Баварии

кампанию с индивидуальными баннерами, каждый из которых имеет отсылку:

а) ***к региональным традициям***: в примере *Auch ohne Kehrwoche immer was zum Wegputzen* упоминание швабской традиции *Kehrwoche* (заключается в поочередной уборке общей собственности жильцов многоквартирных домов[1]) используется для развертывания языковой игры за счет многозначности существительного *Wegputzen* (*общ.* убирать и *разг.* съедать[2]), т. е. *и без уборки есть что сметать до последней крошки* (см. рис. 3[3]). Выбор в пользу иного значения (*разг.* съедать) потребитель делает с помощью картинки на баннере, изображающей рекламируемый шоколад;

б) ***к региональным праздникам***: восклицание *O'knackt is!* является аллюзией на баварское *O'zapft is!*[4] (*рус.* откупорено), которым ежегодно объявляется открытым Октоберфест (см. рис. 4[5]). Благодаря взаимодействию сообщения и изображения покупатель переносит традицию на контекст рекламы шоколада – *Отломлено!*

в) ***к местным достопримечательностям***: в предложении *Sommer im Englischen Garten und die Hüllen fallen* мы также сталкиваемся с игрой слов, которая реализуется с помощью многозначной лексемы *Hülle* (в данном случае актуальны значения «одежда» или «обертка»[6]).

Учитывая, что с 1970-х годов Английский сад в Мюнхене популярен среди любителей загорать топлес, то любой житель города интерпретирует фразу как отсылку к данному факту (*рус.* лето в Английском саду – и одежда сброшена). В контексте рекламы шоколада текст актуализируется – *лето в Английском саду* – и *упаковка открыта* (см. рис. 5[7]);

г) ***к другим реалиям***: рекламный текст *Servus Schickeria, heute schon gekokost?* содержит не только баварское приветствие *Servus*, но и отсылку к сценической культуре Мюнхена (*юж.-нем. неодобр.* Schickeria – бомонд, сливки общества[8]. Под *Schickeria* в данном случае подразумевается не определенный социальный класс, а жители Мюнхена в целом (см. рис. 4). Здесь мы имеем дело с синекдохой: в контексте рекламы шоколада значение обращения трансформируется из частного в общее [Riesel, Schendels, 1975], что позволяет наладить контакт с целевой аудиторией и вызвать у нее эмоции (от положительных – *я, мюнхенец, принадлежу к сливкам общества, здорово!* – до отрицательных – *вы за кого меня, мюнхенца, принимаете?!*). В качестве средства аттракции здесь используется и контаминация: путем взаимодействия глагола *kosten* (*рус.* попробовать) с изображением шоколада с кокосом на баннере образуется окказионализм *kokosten* – *Салют, мюнхенцы, уже* ***попробовали шоколадку с кокосом?***

Дешифровка подобных каламбуров успешно реализуется в привязке с картинкой, так как вне контекста сообщение будет воспринято в прямом смысле. Это концентрирует внимание потенциального покупателя и доставляет ему определенное интеллектуальное удовольствие. К тому же отсылки к региональной культуре позволяют реципиенту почувствовать свою исключительность и гордость за свой родной край (*никто, кроме нас – баварцев / швабов – не сможет понять смысл этой фразы*), что выделяет рекламируемый товар среди множества других аналогичных и приближает товар к региональному потребителю.

[1]Brudermüller S. Langenscheidt Lilliput Schwäbisch. München: Langenscheidt, 2015. S. 146–14.

[2]URL: https://www.dwds.de/wb/wegputzen?o=Wegputzen (дата обращения: 11.11.2023).

[3]URL: https://blog.ritter-sport.de/2013/10/07/ritter-sport-plakatvoting-finale-runde-5-stuttgart-frankfurt-munchen/ (дата обращения: 09.11.2023).

[4]Kleinmayer K. Langenscheidt Lilliput Bairisch. München: Langenscheidt, 2016, S. 190.

[5]URL: https://blog.ritter-sport.de/2013/10/07/ritter-sport-plakatvoting-finale-runde-5-stuttgart-frankfurt-munchen/ (дата обращения: 09.11.2023).

[6]URL: https://www.redensarten-index.de/suche.php?suchbegriff=die+H%C3%BCllen+fallen+lassen&bool=relevanz&sp0=rart_ou (дата обращения: 11.11.2023).

[7]URL: https://blog.ritter-sport.de/2013/10/07/ritter-sport-plakatvoting-finale-runde-5-stuttgart-frankfurt-munchen/ (дата обращения: 09.11.2023).

[8]URL: https://www.dwds.de/wb/Schickeria (дата обращения: 09.11.2023).

Еще одним примером кастомизированной рекламы является кампания немецкой сети гипермаркетов *Kaufland*, которая широко представлена в центральной Германии: *Kaufland*, решив обосноваться в Верхней Баварии, запустила рекламную кампанию по привлечению новых клиентов на местном диалекте, что было призвано обеспечить успешный выход на продовольственный рынок консервативного региона. Апеллируя к патриотическим чувствам местных жителей, создатели рекламы дали понять, что они стремятся стать в регионе «своими». С одной стороны, реклама призвана вызвать у рядового баварца положительные эмоции по отношению к фирме через ассоциативный ряд диалект-родина, а с другой – обратить на себя внимание, вызвать эмоциональный отклик путем включения в текст диалектизмов. Приветствуя регион, фирма делает это на региональный манер, используя диалектное написание слов (*Habe diäre*, *букв.* 'имею честь [приветствовать]', *нем.* habe die Ehre[1]) (см. рис. 6[2]), баварицизмы с эмоциональнооценочной окраской (*Koa Schmarrn. Kaufland kimmt! – Это не сплетни. Кауфланд скоро будет здесь!* (*Schmarrn – разг. перенебр.* чушь, сплетни[3] (см. рис. 7[4]), а также языковая игра *HerrschaftsZaiddn. Kaufland kimmt!* (см. рис. 8[5]), которая реализуется с помощью плаката, изображающего продукты из *Kaufland*. В контексте рекламы продовольственного магазина сложное существительное *HerrschaftsZaiddn* может быть проинтерпретировано в прямом значении как времена правления (*нем.* Herrschaftszeiten) и в переносном значении как выражение удивления по поводу неожиданной ситуации (*бав.* Herr schau auf'd Seitn)[6]. С одной стороны, фирма заявляет *Грядет время Кауфланда!*, а с другой – *Черт возьми! Это же сам Кауфланд!*

Реклама вызвала волну критики со стороны местных жителей: по их мнению, написание некоторых слов спорно, а другие слова пришлось буквально расшифровывать[7]. Как отмечают Ф. Йанле и Г. Клаусманн, анализируя кастомизированную рекламу немецкой сети продовольственных товаров

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 6–8. Реклама открытия новых магазинов сети Kaufland в Баварии

Aldi в Баварии, диалект должен звучать аутентично, так как в противном случае его использование может быть расценено как насмешка над его носителями. Важность этой проблемы подчеркивал еще Э. Штрасснер, стоявший у истоков изучения диалекта в рекламе [Straßner, 1986]. При этом спорное написание диалектизмов можно рассматривать как маркетинговый ход, так как вероятность того, что потребитель запомнит сообщение, «зацепившись» взглядом за непривычное написание тех или иных слов, повышается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты свидетельствуют о том, что диалект, взаимодействуя с изображением (картинкой, шрифтом, цветовым оформлением), актуализирует смыслы рекламного текста, не перегружая его, что позволяет усилить персуазивность сообщения. При этом диалектные вкрапления могут использоваться как в рекламе местных производителей, так и в кастомизированной рекламе надрегиональных фирм. Проанализировав функционирование диалекта в коммерческой рекламе Южной Германии, мы отметили следующие цели его использования:

а) маркирование региона, в котором был произведен товар, через использование территориальных дублетов и диалектизмов для обозначения продуктов, этикеток *geprüfte Qualität*, *von dahoam* и цветовой символики, вызывающей ассоциации с определенными регионами;

[1]Kleinmayer K. Langenscheidt Lilliput Bairisch. München: Langenscheidt, 2016, S. 330.

[2]URL: https://www.tz.de/bayern/bairisch-werbeplakate-kaufland-schreibt-3562645.html (дата обращения: 11.11.2023).

[3]Kleinmayer K. Langenscheidt Lilliput Bairisch. München: Langenscheidt, 2016. S. 236–237.

[4]URL: https://www.merkur.de/bayern/werbung-dialekt-koa-schmarrn-kaufland-versucht-sich-bairisch-meta-zr-4476706.html (дата обращения: 12.11.2023).

[5]URL: https://www.tz.de/bayern/bairisch-werbeplakate-kaufland-schreibt-3562645.html (дата обращения: 11.11.2023)

[6]URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Herrschaftszeit (дата обращения: 15.11.2023).

[7]URL: https://www.merkur.de/bayern/werbung-dialekt-koa-schmarrn-kaufland-versucht-sich-bairisch-meta-zr-4476706.html (дата обращения: 12.11.2023).

б) достижение уникальности рекламы и привлечение внимания к ней с помощью различных стилистических средств с использованием диалекта (синекдохи, контаминации, аллюзии и др.), диалектизмов и слов на стандартном немецком, написание которых стилизовано под диалект, а также персонажей, разговаривающих на диалекте;
в) приближение товара к региональному потребителю и стремление вызвать у носителей диалекта положительные (ностальгические) эмоции за счет апелляции к ассоциативному ряду диалект – дом – семья;
г) создание имиджа компании, привлекательного для регионального потребителя, с помощью внедрения в рекламу элементов, характерных для некоммерческой рекламы (поддержка экономики / туризма / культурных ценностей региона) и изображений местных достопримечательностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Mattheier K. J. Pragmatik und Soziologie der Dialekte. Heidelberg: Quelle & Meyer 1980.
2. Straßner E. Dialekt als Ware. // Zeitschrift fur Dialektologie und Linguistik. Wiesbaden, Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 1986. Vol. 53 (3). S. 310–342.
3. Niebaum H., Macha J. Einführung in die Dialektologie des Deutschen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1999.
4. Wahl S. Sound of Origin – Der klangliche Country-of-Origin-Effekt in Werbespots // Klang und Identität. 2015. URL: https://blogs.urz.uni-halle.de/klangidentitaet/sound-of-origin-der-klangliche-country-of-origin-effekt-in-werbespots/
5. Janich N. Werbesprache: Ein Arbeitsbuch. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1999.
6. Janle F., Klausmann H. Dialekt und Standardsprache in der Deutschdidaktik: Eine Einführung. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2020.
7. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. M.: Высшая школа, 1975.
8. Naer N. Stilistik der deutschen Sprache. M.: Высшая школа, 2006.
9. Васильев Г. А., Поляков В. А. Основы рекламной деятельности. М.: ЮНИТИ, 2004.
10. Olsen G. D., Pracejus J. W. Customized advertising: Allowing consumers to directly tailor messages leads to better outcomes for the brand // Journal of Business Research. 2020. Vol. 116. P. 245–257.
11. Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. 2010. Вып. 4. С. 134–152.
12. Koller V. Brand images: Multimodal metaphor in corporate branding messages // Multimodal Metaphor: Applications of Cognitive Linguistics / Ed. by ChJ. Forceville, E. Urios-Aparisi. New York / Berlin: De Gruyter Mouton. 2009. Vol. 11. P. 45–71.
13. Baeva G. Grundzüge der deutschen Dialektologie. St Petersburg: St Petersburg State University Press, 2014.
14. Меркурьева В. Б. О разграничении диалекта и обиходно-разговорного языка // Вестник Новосибирского государственного университета. 2007. Вып. 5 (2). С. 124–130.

REFERENCES

1. Mattheier, K. J. (1980). Pragmatik und Soziologie der Dialekte. Heidelberg: Quelle & Meyer.
2. Straßner, E. (1986). Dialekt als Ware. Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, 53 (3), 310–342.
3. Niebaum, H., Macha, J. (1999). Einführung in die Dialektologie des Deutschen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
4. Wahl, S. (2015). Sound of Origin – Der klangliche Country-of-Origin-Effekt in Werbespots. Klang und Identität. https://blogs.urz.uni-halle.de/klangidentitaet/sound-of-origin-der-klangliche-country-of-origin-effekt-in-werbespots/
5. Janich, N. (1999). Werbesprache: Ein Arbeitsbuch. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
6. Janle, F., Klausmann, H. (2020). Dialekt und Standardsprache in der Deutschdidaktik: Eine Einführung. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag.
7. Riesel, E., Schendels, E. (1975). Deutsche Stilistik. Moskow: Vysshaya Shkola.
8. Naer, N. (2006). Stilistik der deutschen Sprache. Moskow: Vysshaya Shkola.
9. Vasil'ev, G. A., Polyakov, V. A. (2004). Osnovy reklamnoj deyatel'nosti = Fundamentals of advertising. Moscow: UNITY. (In Russ.)

10. Olsen, G. D., Pracejus, J. W. (2020). Customized advertising: Allowing consumers to directly tailor messages leads to better outcomes for the brand. Journal of Business Research, 116, 245–257.
11. Kibrik, A. A. (2010). Multimodal linguistics. Kognitivnye issledovaniia, 4, 134–152. (In Russ.)
12. Koller, V. (2009). Brand images: Multimodal metaphor in corporate branding messages. Multimodal Metaphor: Applications of Cognitive Linguistics, ed. by ChJ. Forceville, E. Urios-Aparisi, 11, 45–71.
13. Baeva, G. (2014). Grundzüge der deutschen Dialektologie. St Petersburg: St Petersburg State University Press.
14. Merkur'eva, V. B. (2007). O razgranichenii dialekta i obihodno-razgovornogo yazyka = On the distinction between dialect and vernacular language. NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 5(2), 124–130. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пономарёва Анастасия Алексеевна
аспирантка кафедры немецкой филологии
Санкт-Петербургского государственного университета
тьютор в Департаменте иностранных языков
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ponomareva Anastasiya Alexeevna
Postgraduate Student at the Department of German Philology
St. Petersburg State University,
Tutor at the Department of Foreign Languages
HSE Campus in St Petersburg

Статья поступила в редакцию	15.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'272

На стыке наук: актуальные вопросы и методы миграционной лингвистики

М. В. Попова[1], **А. Д. Фролова**[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*neunerin@gmail.com*
[2]*gmuft@yandex.ru*

Аннотация. Статья представляет собой обзор актуальных вопросов миграционной лингвистики в эпоху миграционного кризиса. Описываются методы, используемые в настоящее время в различных научных областях для проведения исследований миграционного дискурса. Авторы ставят перед собой задачу уточнить термин «миграция» в кругу смежных специальных терминов, таких как «эмиграция», «иммиграция», «мобильность» и «релокация».

Ключевые слова: миграционная лингвистика, миграция, эмиграция, иммиграция, мобильность, релокация, методы

Для цитирования: Попова М. В., Фролова А. Д. На стыке наук: актуальные вопросы и методы миграционной лингвистики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 108–114.

Original article

At the Intersection of Sciences: Current Issues and Methods of Migration Linguistics

Marianna V. Popova[1], **Anastasiya D. Frolova**[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*neunerin@gmail.com*
[2]*gmuft@yandex.ru*

Abstract. The article provides an overview of current issues of migration linguistics in the era of the migration crisis, and describes methods from various scientific fields currently used to conduct research on migration discourse. The authors also set themselves the task of clarifying the term “migration” in the circle of related special terms, such as “emigration”, “immigration”, “mobility”, and “relocation”.

Keywords: migration linguistics, migration, emigration, immigration, mobility, relocation, methods

For citation: Popova, M. V., Frolova, A. D. (2024). At the intersection of sciences: current issues and methods of migration linguistics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 108–114. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Миграция в современном обществе представляет собой комплексный и многомерный феномен, оказывающий воздействие на различные сферы человеческой жизни. Экономический рост, культурное разнообразие, демографические изменения, социальные взаимодействия и геополитическая динамика – все эти аспекты демонстрируют многогранность вклада миграции в современное общество. Для более глубокого понимания этого феномена необходимо проводить междисциплинарные исследования, учитывая разнообразие факторов, формирующих современную картину миграционных процессов. Кроме того, с увеличением масштабов глобализации общества и интенсификации миграционных потоков возникает необходимость понимания языковых аспектов этого явления.

Миграционная лингвистика представляет собой относительно молодую дисциплину, находящуюся на стыке различных научных областей и разделов лингвистики, таких как социолингвистика, этнопсихолингвистика, исследования языковых контактов и многоязычия, а также исторические и социологические исследования миграции [Schöntag, Massicot, 2019]. Миграционная лингвистика направлена на понимание сложных языковых процессов, возникающих при перемещении людей из одной страны или региона в другой, и на выявление влияния социальных, культурных и экономических факторов на эти процессы. Наука также рассматривает языковую ситуацию с позиции иммигрантов и представителей принимающего сообщества, включая «тенденции к языковой экспансии», возникновение социолектов и структурные изменения в языке принимающего сообщества [Попова, 2018; Дружинина, 2019; Раренко, 2021].

МИГРАЦИЯ В КРУГУ СМЕЖНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

В связи с интенсификацией миграционных процессов в мире в последнее десятилетие мы считаем необходимым уточнить терминологический аппарат в рамках миграционной лингвистики.

Под *миграцией* понимается постоянное перемещение людей из одного региона, страны или места проживания в другой, как внутри страны, так и за рубежом[1]. Однако миграция это не просто перемещение людей через границы. Это сложный процесс, обусловленный множеством факторов, таких как экономические возможности, политические изменения, конфликты и даже изменения в климатических условиях.

Понятие «миграция» тесно связано с такими терминами, как «иммиграция», «эмиграция», «релокация» и «мобильность». Их различия помогают точнее описывать и анализировать различные аспекты процесса перемещения людей в современном мире, учитывая разнообразие факторов, форм и контекстов миграции.

Мобильность в широком смысле рассматривается как любые перемещения в пространстве людей, идей или предметов. В узком же смысле под мобильностью часто понимается изменение положения индивидов, групп или поколений в социальном пространстве или системе социальной стратификации [Manderscheid, 2012]. Миграция часто рассматривается как особая форма мобильности; однако целесообразно уточнить это понятие, ограничив его только теми видами передвижения, которые приводят к значительной смене местоположения, такими как переезд в другой регион или страну. Важно отметить, что миграция связана с идеей социальной подвижности, включая в себя не только изменения в местоположении, но также в экономических и социальных условиях жизни человека. Хотя данное определение и является достаточно обобщенным, оно позволяет исключить, например, туризм, при котором наблюдается высокая мобильность по предварительно определенным маршрутам, но отсутствуют изменения, присущие социальной мобильности. С другой стороны, оно позволяет учесть повторяющиеся периодические перемещения, например, зимний отпуск на Майорке или в Турции немецких пенсионеров [Krefeld, 2004].

В отличие от миграции, которая может быть как внутренней, так и внешней, эмиграция и иммиграция напрямую связаны с изменением страны проживания. *Эмиграция* представляет собой ненасильственную смену страны проживания по экономическим, политическим, личным или иным причинам. *Иммиграция* является въездом граждан другого государства в страну на постоянной или временной основе, также обусловленным какими-либо причинами [Кошоев, 2017].

В эпоху миграционного кризиса широкую популярность приобрел термин *релокация*. Данный термин в своем первичном значении «перемещение» существует в русском языке давно, однако до 2022 года он отсутствовал в лингвистических и специальных словарях, при этом широко употреблялся в правоприменительной практике. С 2011 по 2022 годы отмечается рост частоты употребления термина в научных публикациях, нормативно-правовых и правоприменительных актах, при этом сужаются границы его употребления до сфер экономики, финансов и трудовых

[1]URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/_inhalt.html

отношений [Дзюба, Белослудцев, 2023]. В 2022 году термин «релокация» был зафиксирован в «Большом словаре-справочнике синонимов русского языка» как синоним к слову «перемещение»[1]. В СМИ первое упоминание термина датируется 2005 годом, с этого момента до 2021 года, согласно Национальному корпусу русского языка, зафиксировано 53 контекста[2], однако по данным на январь 2022 года в поисковой системе Google уже обнаруживается 1 080 000 контекстов со словом «релокация» [там же]. По мнению Е. В. Дзюбы и А. Н. Белослудцева, «в 2022 году в связи с социально-политической турбулентностью лексема “релокация” была актуализирована в первую очередь как слово общеупотребительного языка, что позволяет прогнозировать его возможное появление в лингвистических словарях, изданных после 2022 года», в субъектно-ориентированном значении как «добровольный, временный переезд / перемещение человека / группы лиц в связи с изменением геополитической ситуации в стране без разрыва связи с родиной, близкими, с местом работы, без утраты возможности на скорейшее возвращение» [там же, с. 682].

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МИГРАЦИОННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Основная задача миграционной лингвистики заключается в исследовании и анализе лингвистических и социолингвистических аспектов миграционных процессов, а также возникающих в результате миграции языковых контактов и культурного трансфера [Stehl, 2011]. Для достижения этой цели проводится анализ языковой динамики контактирующих языковых сообществ, включая обмен языковыми структурами, дискурсивными традициями и культурами в ходе миграционного процесса.

По мнению С. В. Шустовой, одной из главных задач изучения миграционной лингвистики также является «моделирование миграционного дискурса с целью определения аспектов, позволяющих снижать конфликтогенность» [Шустова, 2019, с. 157].

Другой важной задачей является диагностика степени и характера влияния языков иммигрантов на язык(и) принимающего общества с одной стороны, и исследование возникающих в результате миграции социолектов с другой стороны. Результаты многочисленных исследований показывают, что под влиянием языков крупных групп иммигрантов в языке принимающей стороны наблюдаются значимые структурные изменения на всех языковых уровнях [Hinrichs, 2013; Попова, 2018; Попова, 2022].

М. В. Дружинина отмечает, что миграционные процессы обладают двусторонним характером, приводя к культурному и языковому взаимодействию мигрантов с местными жителями, которое может иметь как положительные, так и негативные последствия [Дружинина, 2019]. Среди положительных явлений наиболее значимыми являются «возможность кооперации, реализация международных проектов, обмен ресурсами, виртуальная мобильность, оперативное получение источников новой информации, внедрение инноваций и многое другое» [там же, с. 102]. Среди негативных следует отметить проблему потери / сохранения национальной идентичности, столкновения различных национальностей и этносов на почве культурных и религиозных различий, а также усилении ксенофобных настроений и повышение частоты случае различного рода дискриминации.

Темы потери и сохранения языка, а также вопросы самоидентификации иммигрантов и их восприятия членами принимающего общества занимают важное место в миграционной лингвистике. Переезжая в новую страну, люди могут постепенно забывать свой родной язык в процессе адаптации к доминирующему языку новой среды. Тем не менее, некоторые сообщества предпринимают усилия по сохранению своего родного языка, организуя культурные мероприятия и создавая средства массовой информации. В данной связи следует отметить концепцию гибридной идентичности Е. Гугенбергер, которая включает все возможные факторы и процессы, которые могут оказать влияние на формирование языковой компетенции, социолингвистическое и дискурсивное поведение иммигранта [Gugenberger, 2010]. В центре модели находится говорящий, который в условиях миграции претерпевает трансформации собственной идентичности в результате «столкновения» культуры и языка своего происхождения и принимающего общества, и в зависимости от восприятия и опыта миграции, а также культурного и языкового контакта с представителями принимающего общества, приходит к различным «статусам идентичности» [Marcia, 1980]. Другими словами, выбирая те или иные языковые средства и применяя их в зависимости от коммуникативной ситуации, интенции и характера самоидентификации, говорящий создает гибридные формы собственной идентичности. По мнению автора, в случае если решение использовать смешанный код как инструмент выражения гибридной идентичности является сознательным, мы можем говорить о «прототипе» гибридной идентичности [Gugenberger, 2010].

[1]Тришин В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS. URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-208-64.htm#zag-267932.

[2]URL: https://ruscorpora.ru/

Согласно М. Р. Желтухиной, задача миграционной лингвистики состоит в изучении «постоянного или временного процесса трансформации языка, зависящего от категорий пространства, времени, мотивации, а также социокультурных факторов» [Желтухина, 2019, с. 5]. В данном случае акцент делается также на вариативности языка и речи, которая проявляется в способности языка создавать «конкурирующие средства выражения на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях и в стилистическом аспекте под воздействием внешних факторов» [там же].

Миграционная лингвистика также охватывает важные аспекты формирования национальных языков, языкового планирования и изучения истории языка. Внимание уделяется развитию территории национального языка и условиям, при которых территориально незакрепленные миграционные разновидности языка могут достичь устойчивой преемственности традиций.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В МИГРАЦИОННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Инструментарий миграционной лингвистики охватывает разнообразные методы и подходы, применяемые для изучения языковых изменений и адаптаций, возникающих вследствие миграции. Выбор конкретных методов в значительной степени зависит от направления исследования. Таким образом, в зависимости от характера изучаемой проблемы в рамках одного и того же исследования могут применяться методы, часто используемые, например, в социолингвистике, психолингвистике или акустической фонетике. Рассмотрим основные области исследования, инструментарий которых включает в себя миграционная лингвистика.

- Социолингвистические исследования в области миграционной лингвистики направлены на понимание того, как использование языка и идентичность меняются в результате миграции. Один из основных методов социолингвистического исследования, применяемый в миграционной лингвистике, — социолингвистические опросы, которые включают сбор данных об использовании языка и отношении к нему групп людей в определенном регионе или в определенной стране. Эти опросы используются для выявления языковых моделей и их изменений с течением времени, включая влияние миграции на использование языка.
- Дискурс-анализ особенно полезен в миграционной лингвистике, поскольку он позволяет исследовать способы, которыми использование языка отражает и формирует социальную идентичность говорящего и его отношение к принимающему сообществу и его языку, отношение к стране происхождения и родному языку и другие аспекты. Методы дискурсивного анализа включают анализ бытового диалога (У. Чейф, 1975), анализ статистических тестов (Р. Томлин, 1987), транскрибирование устного дискурса, концептуальный и пропозициональный виды анализ и др.
- Методы корпусной лингвистики включают в себя метод визуализации данных, статистические измерения коллокаций, анализ по ключевым словам, а также аннотации [Гончаровская, 2018]. Данные методы широко применяются в настоящее время в лингвистических исследованиях миграции, поскольку они позволяют исследователям выявлять закономерности и изменения в использовании языка с течением времени и в различных контекстах в результате миграции и контакта с другими языками.
- Инструментарий сравнительно-сопоставительной лингвистики часто используются в миграционной лингвистике для сравнения двух или более языков для выявления сходств и различий в их структуре и использовании, поскольку он позволяет исследователям изучать способы переноса языковых особенностей из одного языка в другой в результате миграции. Одним из наиболее эффективных методов сопоставительного изучения языков считается анализ параллельных текстов.
- К числу методов, возникших в когнитивной лингвистике и часто используемых в лингвистических миграционных исследованиях, относятся концептуальный, фреймовый и прототипический виды анализа, а также концептуальное или когнитивное моделирование (Беседина, 2008).
- Методы психолингвистики полезны в миграционно-лингвистических исследованиях, потому что они позволяют установить, как миграция и языковые контакты влияют на изучение языка и как языковая обработка и речевое производство меняются в результате миграции. К наиболее распространенным в миграционной лингвистике методам психолингвистики относят наблюдение, в том числе интроспекцию, разного рода формирующие методы, а также метод лингвистического эксперимента (Леонтьев, 2005).
- Методы исторической лингвистики используются для изучения того, как миграция и контакты с другими языками повлияли на развитие конкретных языков или языковых групп (семей) в диахронии.
- Компьютерная лингвистика включает использование компьютерных алгоритмов (машинное обучение, искусственный интеллект, нейросети и другие) для анализа лингвистических данных. Методы компьютерной лингвистики позволяют обрабатывать огромные массивы данных, их

можно использовать для решения широкого круга исследовательских задач миграционной лингвистики, например, исследования закономерностей изменения языка и разработки моделей эволюции языка с течением времени. К числу методов, активно используемых в компьютерной и миграционной лингвистике, относят LIWC (Linguistic Inquiry and Word Count), тематическое моделирование, анализ семантической связности текста, оценку семантической сложности текста и др. (Кузьмина, Лифшиц, Костенко, 2022).

• Методы, используемые в акустической фонетике, зависят от аспекта изучения, и в настоящее время во многом опираются на компьютерную обработку. В акустических исследованиях используют осциллографирование преобразование колебаний воздуха в акустический сигнал, спектрографирование определения спектра сложного звука, а также интонографирование анализ изменения частоты основного тона во времени). Артикуляционный аспект фонетики изучается с помощью интроспекции, палатографирования, лингвографирования и одонтографирования (для анализа положения различных артикуляционных органов в процессе реализации звука), а также кино- и рентгеносъемки [Фалвино, 2021]. Данные фонетические методы используются в миграционной лингвистике для изучения того, как меняется произношение под действием интерференции в результате миграции и взаимодействия с носителями других языков. В целом миграционные лингвистические исследования используют ряд методов и подходов для изучения сложных отношений между языком, культурой и миграцией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Миграционная лингвистика представляет собой сложную и междисциплинарную область, опирающуюся на данные лингвистики, социологии, антропологии и других смежных дисциплин. Ее основной целью является всесторонний анализ лингвистических аспектов миграции людей с фокусом на языковых контактах, языковой политике, языковой ситуации и других лингвистических вопросах.

Одним из наиболее актуальных и важных на сегодняшний день направлений исследований является моделирование миграционного дискурса для определения аспектов и факторов, влияющих на уровень конфликтогенности. Особое значение придается изучению миграционного дискурса как совокупности текстов, отражающих миграционные процессы, их характер, а также особенности взаимовлияние языков мигрантов и языка принимающего общества. Результаты подобных исследований могут использоваться для актуализации программ гражданской интеграции, повышение эффективности которых, в свою очередь, поможет снизить количество межэтнических конфликтов в многоязычных обществах.

Учитывая преобладающий междисциплинарный характер исследований и широкий набор методов, миграционная лингвистика предоставляет уникальную перспективу для понимания и моделирования динамики языка в условиях миграции. Исследования в этой области не только расширяют имеющиеся знания о языке как социокультурном явлении, но также помогают эффективно планировать языковую политику во многоязычных государствах с высокой долей жителей с миграционными корнями. Исследования в области миграционной лингвистики, в особенности с использованием инструментария компьютерной лингвистики и данных социо-, психо- и этнопсихолингвистических исследований, могут внести вклад в создание более гармоничного и безопасного общества в условиях миграционного кризиса и растущей мобильности населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Schöntag R., Massicot St. Diachrone Migrationslinguistik: Mehrsprachigkeit in historischen Sprachkontaktsituationen. Berlin: Lang, 2019.
2. Попова М. В. Современные тенденции развития немецкого языка в условиях миграционного кризиса в Германии // Филологические чтения ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2018. С. 106–111.
3. Дружинина М. В. О роли языковой образовательной политики университета в процессе развития миграционной политики // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. С. 102–156.
4. Раренко М. Б. Миграционная лингвистика и ее место в современных лингвистических исследованиях // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал. 2021. № 1. С. 37–43.

5. Manderscheid K. Mobilität // Handbuch Stadtsoziologie. VS Verlag für Sozialwissenschaften. Wiesbaden: 2012. https://doi.org/10.1007/978-3-531-94112-7_24
6. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik: von der Germania italiana in die Romania multipla. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004.
7. Кошоев Ч. М. Миграция, иммиграция и эмиграция на примере Кыргызстана. Определения, различия и данные // Вестник Киргизско-Российского Славянского университета. 2017. Т. 17. № 6. С. 40–43.
8. Дзюба Е. В., Белослудцев А. Н. «Релокация» как явление в языке и жизни социума: анализ некоторых статистических данных // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 14–21 марта 2023 года, Санкт-Петербург: сборник тезисов. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2023. URL: https://conference-spbu.ru/conference/50/reports/17216/.
9. Stehl Th. Mobilität, Sprachkontakte und Integration – Kulturelle Mobilitätsforschung: Themen – Theorien – Tendenzen / Norbert Franz, Rüdiger Kunow (Hrsg.). Universitätsverlag Potsdam, 2011.
10. Шустова С. В. Рекламный мигрантский и антимигрантский дискурсы // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019.
11. Hinrichs U. Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. München: C.H. Beck, 2013.
12. Попова М. В. Дестандартизация произносительной нормы немецкого языка в контексте обучения // Универсальное и национальное в языковой картине мира: материалы V международной научной конференции. Минск, 2022. С. 191–193.
13. Gugenberger E. Das Konzept der Hybridität in der Migrationslinguistik // Tout-Monde: Interkulturalität, Hybridisierung, Kreolisierung / R. Ludwig, D. Röseberg (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. S. 67–91.
14. Marcia J. E. Identity in adolescence. В кн.: Handbook of Adolescent Psychology / ed. by J. Adelson. New York: Wiley, 1980. P. 159–187.
15. Желтухина М. Р. Миграционная медиалингвистика: Конфликт VS кооперация в мультикультурной коммуникации // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019.
16. Гончаровская О. Ю. Корпусная лингвистика. Развитие корпусной лингвистики в истории лингвистики. Исследовательские методы // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 2. № 5(22). С. 147–150.
17. Фалвино А. Использование теоретических и практических достижений акустической фонетики при обучении фонетическим навыкам // Наукосфера. 2021. № 3–2. С. 116–120.

REFERENCES

1. Schöntag, R., Massicot, St. (2019). Diachrone Migrationslinguistik: Mehrsprachigkeit in historischen Sprachkontaktsituationen. Berlin: Lang.
2. Popova, M. V. (2018). Sovremennye tendentsii razvitiya nemetskogo yazyka v usloviyakh migratsionnogo krizisa v Germanii = Modern tendencies in the development of the German language in the context of the migration crisis in Germany. Filologicheskie chteniya YarGU im. P. G. Demidova (pp. 106–111). Yaroslavl': The Yaroslavl Demidov State University. Yaroslavl`. (In Russ.).
3. Druzhinina, M. V. (2019). O roli yazykovoi obrazovatel'noi politiki universiteta v protsesse razvitiya migratsionnoi politiki = On the role of the university's language educational policy in the process of developing migration policy. Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: mediatsionnye praktiki: monografiya = Migration Linguistics in the modern scientific paradigm: mediating practices: a monograph (pp. 102–156). Perm`: Perm National Research Polytechnic University. (In Russ.).
4. Rarenko, M. B. (2021). Migracionnaya Lingvistika i ejo mesto v sovremennyh Lingvisticheskih issLedovanijah = Migration Linguistics and its place in modern Linguistic research. Social`ny`e i gumanitarny`e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Yazy`koznanie: Referativny`j zhurnal, 1(6), 37–43. (In Russ.)
5. Manderscheid, K. (2012). Mobilität. Handbuch Stadtsoziologie. VS Verlag für Sozialwissenschaften. Wiesbaden. https://doi.org/10.1007/978-3-531-94112-7_24.
6. Krefeld, Th. (2004). Einführung in die Migrationslinguistik: von der Germania italiana in die Romania multipla. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
7. Koshoev, Ch. M. (2017). Migraciya, immigraciya i e`migraciya na primere Ky`rgy`zstana. Opredeleniya, razlichiya i danny`e = Migration, immigration and emigration using the example of Kiorgiezstan. Definitions, differences and data. Vestnik Ki`rgi`zsko-Rossijskogo Slavyanskogo universiteta, 6(17), 40–43. (In Russ.)

8. Dzyuba, E. V., Belosludcev, A. N. (2023). «Relokaciya» kak yavlenie v yazy`ke i zhizni sociuma: analiz nekotory`x statisticheskix danny`x = "Relocation" as a phenomenon in language and social life: analysis of some statistical data. LI Ludmila Verbitskaya International Scientific Philological Conference, March 14–21, St. Petersburg: The Book of Abstracts. Saint Petersburg State University. https://conference-spbu.ru/conference/50/reports/17216/. (In Russ.)
9. Stehl, Th. (2011). Mobilität, Sprachkontakte und Integration – Kulturelle Mobilitätsforschung: Themen – Theorien – Tendenzen. Norbert Franz, Rüdiger Kunow (Hrsg.). Universitätsverlag Potsdam.
10. Shustova, S. V. (2019). Reklamny`j migrantskij i antimigrantskij diskursy`= Advertising migrant and anti-migrant discourses. Migracionnaja Lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme: mediacionnye praktiki: monografija = Migration Linguistics in the modern scientific paradigm: mediating practices: a monograph. Perm: Perm State NationaL Research University. (In Russ.)
11. Hinrichs, U. (2013). MuLti KuLti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. München: C. H. Beck.
12. Popova, M. V. (2022). Destandartizaciya proiznositel`noj normy` nemeczkogo yazy`ka v kontekste obucheniya = Destandardization of the standard German pronunciation in the context of learning. Universal`noe i nacional`noe v yazy`kovoj kartine mira (pp. 191–193): Proceedings of the V International Scientific Conference. Minsk. (In Russ.)
13. Gugenberger, E. (2010). Das Konzept der Hybridität in der Migrationslinguistik. In Ludwig, R., Röseberg, D. (Hrsg.), Tout-Monde: Interkulturalität, Hybridisierung, Kreolisierung (S. 67–91). Frankfurt am Main: Peter Lang.
14. Marcia, J. E. (1980). Identity in adolescence. In Adelson, J. (Ed.), Handbook of Adolescent Psychology (pp. 159–187). New York: Wiley.
15. Zheltukhina, M. R. Migratsionnaya medialingvistika: Konflikt VS kooperatsiya v mul'tikul'turnoi kommunikatsii = Migration medialinguistics: Conflict VS cooperation in multicultural communication. Migracionnaja Lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme: mediacionnye praktiki = Migration Linguistics in the modern scientific paradigm: mediating practices: monograph. Perm: Perm State NationaL Research University. (In Russ.)
16. Goncharovskaya, O. Yu. (2018). Korpusnaya lingvistika. Razvitie korpusnoi lingvistiki v istorii lingvistiki. Issledovatel'skie metody = Corpus linguistics. Development of corpus linguistics in the history of linguistics. Research methods. Sovremenny`e nauchny`e issledovaniya i razrabotki, 2, 5(22), 147–150. (In Russ.)
17. Falvino, A. (2021). Using theoretical and practical achievements of acoustic phonetics in teaching phonetic skills. Naukosfera, 3–2, 116–120. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попова Марианна Викторовна

кандидат филологических наук
доцент кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

Фролова Анастасия Дмитриевна

преподаватель кафедры фонетики немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Popova Marianna Viktorovna

PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of German Phonetics
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Frolova Anastasiya Dmitrievna

Lecturer at the Department of German Phonetics
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	01.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.34

Сегментные девиации в диалектной речи носителей английского языка

Е. Ю. Романова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
catrom@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе экспериментальных данных проводится анализ вокалической и консонантной систем базовых британских диалектов (североирландского, уэльского и шотландского) и региональных произносительных стандартов и диалектов (австралийского, новозеландского, индийского, афроамериканского и карибского). В результате выявляются основные сегментные девиации в английской диалектной речи, определяются общие и специфические черты, главная из которых – тенденция к упрощению.

Ключевые слова: произносительные стандарты, диалекты, афроамериканский, индийский, карибский, австралийский, новозеландский, гласные, согласные

Для цитирования: Романова Е. Ю. Сегментные девиации в диалектной речи носителей английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 115–122.

Original article

Segmental Deviations in English Dialectal Speech

Ekaterina Yu. Romanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
catrom@rambler.ru

Abstract. The experimental data obtained by the author in the course of a two-step phonetic analysis of the vocalic and consonantal systems of British dialects (Northern Irish, Welsh, Scottish) and regional pronunciation varieties (Australian, New Zealand, Indian, African-American, Caribbean) allow to determine the basic segmental deviations from the British pronunciation standard in English dialectal speech and single out the general and specific pronunciation features. The most common tendency observed in all the studied dialects is a language simplification.

Keywords: pronunciation standards, dialects, African-American, Indian, Caribbean, Australian, New Zealand, vowels, consonants

For citation: Romanova, E. Yu. (2024). Segmental Deviations in English Dialectal Speech. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 115–122. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Английский язык прошел долгий путь к приобретению статуса языка международного общения. Сегодня он представляет собой смешение большого количества национальных стандартов, региональных диалектов и местных акцентов, поэтому важно понимать, что его развитие предполагает сочетание разнообразных процессов, тенденций и явлений, иногда взаимоисключающих, в том числе и в произношении.

Цель данной статьи – попытка проанализировать и сравнить вокалическую и консонантную системы базовых британских диалектов (североирландского, уэльского и шотландского) и региональных произносительных стандартов и диалектов, а именно – австралийского, новозеландского, индийского, афроамериканского и карибского, и, как следствие, выявить и систематизировать их основные отличия от произносительной нормы на уровне звукового строя английского языка. В качестве экспериментального материала автор использовал данные собственных фонетических исследований диалектов английского языка, а также результаты экспериментальных работ исследователей-фонетистов прошлых лет. В ходе работы автор опирался на метод слухового и аудиторского видов анализа образцов звучащей речи носителей следующих вариантов английского языка: базовые британские диалекты – восемь человек, афроамериканский – восемь человек, индийский – шесть человек, карибский – шесть человек, австралийский – шесть человек, новозеландский – шесть человек. Респондентами являются как мужчины, так и женщины различных возрастных групп.

ГЛАСНЫЕ

Проанализировав специфику вокалических систем различных произносительных стандартов английского языка и сопоставив их с базовыми британскими диалектами (североирландским, уэльским и шотландским), в качестве общих особенностей, объединяющих разные диалекты и отличающих их от британской произносительной нормы, можно выделить следующие:

Краткие монофтонги ведут себя по-разному в зависимости от диалекта, однако в большинстве случаев их произношение отличается от британского стандарта. Так, в ольстерском (разновидность североирландского диалекта) и шотландском английском гласный заднего ряда высокого подъема /ʊ/ продвигается к центру, становится менее огубленным и звучит как /ʉ/, причем как в качестве монофтонга, так и в составе дифтонга: *book* [bʉk], *out* [aʉt]. По своему звучанию данный звук ближе к /ɪ/, чем к /ʊ/ [Corrigan, 2010]. То же самое наблюдаем в австралийском и новозеландском произносительных стандартах, особенно в положении перед твердым /l/, а также в карибском английском [Wells, 1982].

Британский гласный переднего ряда высокого подъема /ɪ/ в ольстерском диалекте продвинут ближе к центру и является более открытым по сравнению с британским эквивалентом. Реализация ольстерского гласного /ɪ/ во многом зависит от контекста, степени официальности речи и может варьироваться в континууме /ɪ/ – /ï/ – /ɛ̈/ – /ä̈/: *big* [bɪg], *something* ['sʌmθɛ̈n], *fill* [fä̈l]. Наиболее открытый вариант /ä̈/ встречается в речи жителей Белфаста в сочетании с последующим сонантом /l/. Для вокалической системы карибского английского на Багамах характерно слияние звуков /ɪ/ – /e/ перед носовыми согласными: [pɪn] – [pen], что считается следствием влияния на него южноамериканского произношения, особенно речи жителей Оклахомы и Техаса.

Еще одной фонологической особенностью, характерной для ольстерского и шотландского английского, является слияние звуков /æ/ и /aː/. Как правило, во всех случаях произносится /a/, однако перед согласными /p/ или /t/ может употребляться /æ/: *palm* [pam], *pass* [pas], *pat* [pæt]. Гласный переднего ряда низкого подъема /æ/ в карибском английском имеет схожую тенденцию к замещению на продвинутый назад звук /a/: *cat* [kyat], *map* [map], который после велярных согласных (/g/, /k/) может приобретать скольжение: *garden* ['gyaadin]. Слияние звуков /æ/ и /aː/ также наблюдается в новозеландском и австралийском произносительных стандартах, особенно в южной части Австралии, где данный процесс сводится к удлинению /æ/ и слиянию его с гласным центрального ряда /ɐː/: *farm* [fɐːm], *calm* [kɐːm], *park* [pɐːk]. Интересно, что гласные /æ/ и /æː/ в речи некоторых австралийцев представляют собой контрастную пару, где длительность гласного увеличивается в положении перед /g/ (*bag*, *rag*, *hag*), /m/ и /n/ (*tan*, *ham*, *plant*). Жители южной Австралии произносят слова *plant*, *father*, *rather* со звуком /ɐː/, носители разговорного варианта – с более продвинутым вперед /æː/ или /æ/. В преназальном положении (перед носовым согласным) гласный /æ/ становится более напряженным, что проявляется в его значительном продвижении вперед, повышении, удлинении или приобретении скольжения. Это связано с особенностями артикуляции носовых согласных, влияющими на произнесение предшествующего гласного. Так, для многих австралийцев качество звука /æː/ в словах *man*, *jam*, *hand* напоминает /eː/. Подобные модификации наблюдаются и в общеамериканском стандарте (согласно изменениям гласных северных городов – «Northern

Cities Chain Shift»), в индийском английском, а также в кокни.

В индийских диалектных вариантах произношения звук /aː/ может употребляться в финальном положении вместо британского безударного шва /ə/: *India* [ˈindi̯aː], *Poona* [ˈpuːnaː] [Wells, 1982]. В уэльском и шотландском акцентах шва также может реализовываться как центральный неогубленный гласный, напоминающий /ʌ/, не только в безударных слогах, но и в акцентированном положении. Так, в речи жителей Уэльса можно услышать слово *putt*, произнесенное с /ə/ и отличающееся от *input* со звуком /ʊ/ [Hughes, Trudgill, Watt, 2005]. Большинство карибских диалектов характеризуется отсутствием редукции гласных в безударных слогах: *happy* [ˈhapi], *towel* [ˈtawɪl]. Вместо привычного нейтрального гласного в неакцентированном положении может употребляться центральный /a/ в словах *letter* [ˈlɛta], *ago* [aˈgɔ] или краткие гласные /i/, /ɪ/, /ʊ/ в словах *happy* [ˈhapi], *rabbit* [ˈrabɪt], *beautiful* [ˈbjuːtifʊl].

Одной из наиболее значимых характеристик ольстерской фонологии является практически полное отсутствие долгих монофтонгов, претерпевших в ходе развития потерю длительности или слияние с другими звуками. Поскольку ольстерская фонология испытывала сильное влияние со стороны шотландского диалекта, «шотландское правило длины гласных» («Scottish Vowel Length Rule») распространилось и на ольстерскую вокалическую систему. Согласно данному правилу, длительность гласного во многом обусловлена фонематическим окружением, и, если в большинстве случаев гласный является кратким, то перед [r], звонкими фрикативными ([v], [z], [ð]), на границе морфем, а также на конце слова гласный имеет бóльшую длительность. Как было отмечено, подобное явление наблюдается и в шотландском английском [Wells, 1982].

Интересно, что в новозеландской фонологии пары кратких / долгих гласных отличаются от британского стандарта. Так, /aː/ и /ʌ/ составляют такую пару, в отличие от /iː/ и /ɪ/, а также /uː/ и /ʊ/. Гласный /e/ поднялся настолько высоко, что от /iː/ его отличает только длительность. Однако молодые носители новозеландского произношения удлиняют /e/ так, что отличить его от /iː/ возможно только при помощи дифтонгизации последнего до звука /əi/.

Особый интерес представляет реализация долгого гласного /ɔː/ в индийском английском. По мнению ряда лингвистов [Trudgill, Hannah, 2002], звуки /ɔː/ и /ɒ/ в словах типа *north* и *lot* подверглись полному слиянию, в то время как другие ученые говорят о частичном сохранении долготы одного из звуков [Sailaja, 2009]. В некоторых диалектных разновидностях индийского английского наблюдается систематическое замещение гласного /ɔː/ на /aː/ с соответствующим произношением слов *taught* и *bought* как [ta̪ːt] и [baːt]. А. Сагал и Р. Агниотри, авторы эмпирического исследования речи носителей индийского стандарта с первым языком хинди, указывают на то, что продуцирование именно звука /ɔː/ больше характерно для официального стиля речи людей зрелого возраста с высоким уровнем образования, преимущественно женщин, что свидетельствует о принадлежности данного звука к престижным формам произношения [Sahgal, Agnihotri, 1988].

В отношении дифтонгов можно говорить об общей тенденции к их монофтонгизации как в вокалических системах базовых британских диалектов, так и региональных произносительных стандартов. Однако в индийском английском сохранились шесть ярко выраженных дифтонгов. Несмотря на наличие дифтонгизированных гласных в индийском варианте английского языка, остается открытым вопрос о природе данных звуков, а именно – являются ли они единой гласной фонемой или просто сочетанием двух звуков разного качества и длительности. Так, по результатам экспериментальных исследований, индийский дифтонг /ʊə/ может быть реализован как /oə/ или /ɔə/; /uːə/, /ʊʌ/, /uə/, /u/, /ijoː/ или /ijuə/; /uə/ и /uː/. Дифтонг /ɔi/ может принимать формы /oe/ или /oi/; /ɔiː/, /ɒi/, /ɔɛ/; /oe/, /ɒ/, /oː/ или /ɒi/.

СОГЛАСНЫЕ

Одним из наиболее значимых и подверженных вариативности согласных звуков в консонантной системе английского языка можно считать согласный /r/, придающий любому варианту английского произношения «эрное» или «безэрное» звучание. Кроме того, качественные характеристики самого звука /r/ могут варьироваться в зависимости от диалекта. Так, в отношении североирландского и шотландского типов произношения необходимо отметить, что оба диалекта характеризуются «эрностью» звучания, в то время как уэльский английский является «безэрным». В положении после гласного североирландский /r/ реализуется как ретрофлексный /ɻ/, в отличие от британского аппроксиманта /ɹ/: *north* [nɔɻθ]. В просторечном варианте произношения используется «дрожащий» вариант /r, ɾ/, если предшествует глухой альвеолярный взрывной /t/: *trick*, *train* и *attract* реализуются как [tr̥ik], [trɪn] или [trɪən] и [əˈtrakt]. В стандартном шотландском варианте звук /r/ может быть реализован как альвеолярный аппроксимант /ɹ/, альвеолярный «флэп» /ɾ/ или «дрожащий» /r/. Выбор варианта определяется позицией в слове, фонетическим окружением и социолингвистической составляющей. Уэльский английский,

в целом являясь «безэрным», сохранил некоторые черты «эрного» звучания, благодаря влиянию уэльского языка, где /r/ реализуется как глухой или звонкий «дрожащий». Еще одной специфической чертой южного британского «безэрного» произношения является удлинение гласного, предшествующего согласному /r/, который, в свою очередь, не произносится. В речи жителей Кардиффа /r/ обычно реализуется как заальвеолярный аппроксимант, однако в разговорном варианте в интервокальном положении это сильный альвеолярный «флэп» /ɾ/. Для уэльского английского также характерна реализация звонкого заальвеолярного аппроксиманта /r/ как /ɾ/, если ему предшествуют звуки /b/, /v/ и /θ/: *every* ['ɛvɾi]. В «безэрных» вариантах произношения часто можно услышать вставной /r/ в словах типа *drawing* ['drʌːrɪn].

Большинство постколониальных разновидностей английского языка характеризуются «безэрностью» звучания. Так, даже в карибском английском, который относится к «эрным» вариантам, выявлена тенденция к образованию дополнительных фонем, таких как *near* [nea] и *four* [foa], типичных для «безэрных» диалектов и используемых в качестве компенсации отсутствия поствокалического /r/.

В австралийском и новозеландском вариантах английского языка аппроксимант /r/ перед гласным может приобретать черты ретрофлексного звука /ɹ/ и, несмотря на общее «безэрное» произношение, в данных диалектах сохранились черты вставного и связующего /r/ [The Cambridge history of the English language, 1994; Nelson, Proshina, Davis, 2020].

Мнения относительно «эрности» индийского английского разнятся [Wells, 1982]. Многие исследователи считают, что степень «эрности» произношения в данном диалекте зависит от социальных факторов: с повышением социального статуса и официальности речи «безэрное» произношение превалирует, что часто используется в маркетинге, рекламных слоганах для создания юмористического эффекта: *So fa*, *so good* (реклама мебели). Интересно, что женщины также поддерживают «безэрный» вариант произношения. Для индийского английского характерны различные способы реализации фонемы /r/. Ученые выделяют заальвеолярный аппроксимант /ɽ/, «дрожащий» или альвеолярный «флэп» /ɾ/ [Trudgill, Hannah, 2002]. Также важно упомянуть и наличие связующего /r/ в индийском английском: *the finger* [r] *is big*, *the buyer* [r] *is irritating the cashier*, хотя, по мнению исследователей-фонетистов, это явление не характерно для диалектной речи [Sailaja, 2009].

О превалировании «безэрного» звучания с повышением социального статуса и степени официальности речи говорят и данные по афроамериканскому варианту английского языка, где также имеет место и территориальная вариативность. Например, в Колумбусе (Огайо) и Давенпорте (Айова) «безэрное» звучание стремится к нулю, в то время как в Нью-Йорке и Хилсборо (Северная Каролина) доходит до 90 % в зависимости от района. Тем не менее в ударном положении современный афроамериканский стандарт подразумевает «эрность»: *work*, *stir* [Hinton, Pollock, 2000].

По-разному в диалектной речи ведет себя фонема /l/. В североирландском английском, например, во всех позициях употребляется преимущественно светлый вариант, однако на территории Белфаста и Дерри можно услышать темный /ɫ/, реализация которого зависит от гендерно-возрастного фактора и религии. Так, католики из Белфаста чаще используют темный /ɫ/: [pʷɫ], а протестанты – светлые варианты: [pʷl]. Кроме того, в североирландском английском фонема /l/ может продуцироваться как зубной звук. В речи носителей индийского английского также преобладает светлый вариант фонемы /l/; в диалектных формах языка, особенно в южных частях Индии, возможно использование ретрофлексного /ɭ/ [Sailaja, 2009].

В некоторых разновидностях карибского варианта английского языка (например, в суринамском английском) фонемы /l/ и /r/ являются взаимозаменяемыми, исходя из фонетического окружения. Так, звук /l/ произносится в начальной позиции не зависимо от того, с какого звука начинается слово: ['lobi] *love*, *rub*, в интервокальном положении чаще можно услышать звук /r/: ['furu] *full*. Данная фонетическая особенность возникла под влиянием западноафриканских языков-субстратов.

Финальный /l/ в афроамериканском английском реализуется в трех формах. Это может быть вокализация до гласного заднего ряда высокого / среднего подъема /o/ или /w/: *feel* [fio]; вокализация до шва: *feel* [fiə] или полное опущение /l/: pull [phʊ], которое не наблюдается в положении перед гласным, где имеет место «связующий l».

В австралийском варианте английского языка произношение фонемы /l/ также зависит от положения в слове. В конечной позиции или перед согласным используется преимущественно темный вариант [ɫ]. Иногда в речи жителей южной Австралии можно услышать вокализацию силлабического /l/ до закрытого гласного заднего ряда /ʊ/: *milk* [mɪʊk], *noodle* ['nʉːdʊ]. Вокализация фонемы /l/ в положении после гласного характерна и для новозеландского английского: *always* [aw-ways], *vulnerable* [vunnerable], *only* [oney], *walnut* [warnut], *I'll tell you what* [I teyah wot]. По данным исследователей, молодые носители новозеландского диалекта низкого социального статуса вокализуют до 70 % случаев использования звука /l/, в то время

как в речи пожилых женщин высокого социального статуса вокализация отмечается лишь в 40 % случаев [The Cambridge history of the English language, 1994; Nelson, Proshina, Davis, 2020].

Необходимо отметить ряд фонетических процессов с участием взрывных согласных, характерных для большинства диалектов английского языка. Так, уэльский акцент предполагает глоттализацию фонемы /t/ не только в сочетании ее с гласным и силлабическим /l/ (*little* ['lɪʔl]), но и в цепочке звуков /tn/ (*kitten* ['kɪʔn]). Для уэльского английского также не характерны звукосочетания /tj/ и /dj/, что стало причиной трансформации взрывного /t/ в аффрикату: *tube – due* произносятся как [tʃuːb] – [dʒuː] вместо [tjuːb] – [djuː]. Глоттализация звуков /t/ и в меньшей степени /p/ и /k/ внутри слова характерна и для шотландского произносительного стандарта, хотя чаще встречается в речи представителей низкого социального статуса: *sentimental* ['sɛnʔɪ'mɛnʔl].

В новозеландском английском глоттализация /t/ наблюдается в финальном положении, а в сочетаниях *tr-dr-str* взрывной становится фрикативным: *tree* [tʃɹi], *dream* [ʤɹim], *street* [ʃtɹit]. Другие консонантные кластеры также могут быть подвержены фрикативным изменениям, например, /st/ и /sk/ звучат как /ʃt/ and /ʃk/: *students* ['ʃtʃudənts], *school* [ʃkuːʊ]. Как и в других диалектах, частота использования данных процессов в речи имеет социальные ограничения.

Важно отметить и социально обусловленное речевое явление *t*-«флэп», характерное для американского стандарта и заимствованное из него австралийцами и новозеландцами, причем в австралийском английском данное явление используется особенно широко. Австралийский *t*-«флэп» встречается в безударном слоге (*party*, *butter*) или в сочетании с силлабическим /l/: *bottle* ['bɔɾl], однако с последующим силлабическим /n/ звук /t/ не превращается во «флэп»: *button* ['bɐtn]. Еще одним фонетическим окружением, способствующим появлению интервокального альвеолярного «флэпа», является финальное положение /t/ в слове или морфеме с предшествующим гласным: *what else* [wɔɾ‿'els], *whatever* [wɔɾ'evə]. Возможно также появление омофонов в случае преобразования звуков /t/ и /d/ во «флэп»: *metal* ['meɾl] – *medal* ['meɾl], *petal* ['peɾl] – pedal ['peɾl] [The Cambridge history of the English language, 1994; Nelson, Proshina, Davis, 2020]. Явление *t*-«флэп» может встречаться и в речи носителей североирландского диалекта в интервокальном положении, нейтрализуя оппозицию /t/–/d/: слова *writer* и *rider* в этом случае становятся омофонами ['ɹaɪɾəɹ].

Для британской диалектной речи характерно озвончение / оглушение взрывных согласных или изменение их качества в зависимости от фонетического контекста. Например, в североирландском английском альвеолярные взрывные /t/ и /d/ становятся зубными в сочетании с последующим /ɹ/ или /ə/ + /ɹ/: *offenders – track* произносятся как [ə'fɛn̪d̪əɹz] – [t̪ɹak] или [t̪rak].

В английском языке Уэльса глухой взрывной /t/ иногда используется в финальных сочетаниях /ld/ и /nd/, превращая их в /lt/ и /nt/: *cold – second* звучат как [kəʊlt̬] – ['sɛkənt̬]. Аналогично, звуки /b/, /d/, /g/ и /ʤ/ обычно оглушаются в финальном положении, особенно часто это наблюдается в речи жителей Кардиффа. Звонкий альвеолярный фрикативный /z/ часто оглушается до /s/ в середине или на конце слов: *thousand – cheese* произносятся как ['θaʊsənd] – [tʃiːs]. По мнению большинства исследователей, оглушение английских звуков /d/ и /z/ может быть связано с сильным влиянием исконного уэльского языка.

Обратный процесс наблюдается в шотландском английском, где под влиянием последующего звонкого фрикативного глухой /s/ озвончается до /z/: *most valuable* звучит как [moz 'valjəbl]. В речи шотландцев может наблюдаться и выпадение /t/ в конечном положении, если следующее слово начинается со звонкого согласного.

Оглушение и выпадение финальных /d/, /b/ и /g/ отмечается и в афроамериканском английском: *mud* звучит как [mʌt] или [mʌ], выпадение конечного согласного может распространяться и на глухие взрывные: *rack* [ræ]. Ученые полагают, что данные явления характерны больше для южных афроамериканских диалектов, а их частотность повышается пропорционально снижению социального статуса говорящего. В речи молодежи оглушение и выпадение указанных звуков наблюдается чаще, чем в речи более возрастных афроамериканцев, причем эти особенности характерны как для подготовленного чтения, так и для интервью [Fasold, 1981].

В некоторых диалектах английского языка, как британских, так и региональных, отмечается палатализация отдельных согласных. Так, в ольстерском английском звуки /k/ и /g/ обычно палатализуются: *cat* [kjæt]. В ямайском диалекте карибского английского под влиянием африканского диалекта чви появились так называемые палатальные смычки, при образовании которых велярные согласные /k/, /g/, /ŋ/ перед гласными низкого подъема /a/ и /ɑː/ реализуются как /kj/, /gj/ и /ŋj/. Интересно, что в данном случае палатализация наблюдается только в словах, состоящих из менее чем трех слогов. Использование палатализации в речи во многом зависит и от самого говорящего. Согласно данным Питера Патрика, произношение слова *mechanic* носителями карибского английского может варьироваться:

одни произносят его с ударением на втором слоге и с палатализацией, другие – акцентируя первый слог и избегая палатализации [Patrick, 1999].

Классическое для британского произносительного стандарта явление аспирации также может подвергаться изменениям в диалектной речи. Например, в диалекте южного Уэльса глухие взрывные /p/, /t/, /k/ произносятся с сильной аспирацией в начальной позиции и часто на конце перед паузой. Однако в сочетании с предшествующим /s/ в кластерах /sp-/, /st-/, /sk-/ глухие взрывные озвончаются до /sb-/, /sd-/, /sg-/. Так происходит в словах *spin*, *steam* и *score* [Wells, 1982]. В шотландском произносительном стандарте звуки /p/, /t/, /k/ обычно не аспирируются, кроме речи представителей среднего класса и жителей Глазго.

В исконных индийских языках, кроме тамильского, аспирация обладает смыслоразличительной функцией. Так, в языке хинди слова [pal] *момент* и [phal] *фрукт* отличаются только наличием или отсутствием аспирации [Sailaja, 2009]. Однако большинство исследователей считают, что носители индийского варианта произношения не переносят это правило на английский язык, поэтому взрывные /p/, /t/, /k/ в индийском английском обычно неаспирированные, хотя в речи образованных жителей Индии аспирация в определенной степени присутствует [Sailaja, 2009; Gargesh, 2004].

Интересные наблюдения описаны исследователями-фонетистами в отношении звуков /θ/ и /ð/. Например, в разговорных диалектах Шотландии глухому зубному фрикативному /θ/ традиционно соответствует звук /h/, а его звонкому эквиваленту /ð/ – «дрожащий» /ɾ/, особенно в интервокальной позиции, как в слове *brother*. При этом в некоторых случаях может наблюдаться выпадение зубных фрикативных звуков.

В новозеландском английском отмечается тенденция к замещению зубных фрикативных /θ/ – /ð/ губно-зубными звуками /f/ – /v/ соответственно, но подобная замена больше характерна для разговорной речи мужчин низкого социального статуса.

В афроамериканском английском звуки /θ/ – /ð/ также подвержены изменениям в артикуляции. Например, глухому зубному фрикативному /θ/ могут соответствовать звуки /t/ или /f/, а звонкому /ð/ – /d/ или /v/. При этом важно отметить, что губно-зубные варианты /f/ – /v/ чаще встречаются в середине или в конце слова, в то время как апикально-альвеолярные /t/ – /d/ могут встречаться в любой позиции: *think* /tiŋk/, *this* /dis/. Анализируя афроамериканскую речь жителей г. Нью-Йорка и Детройта, исследователи пришли к выводу, что звонкий /ð/ замещается чаще, чем глухой /θ/, и это тесно связано с социальным классом говорящего и степенью формальности его речи. Так, замена зубных согласных губно-зубными или апикально-альвеолярными вариантами больше характерна для речи мужчин низкого социального уровня, имеющих ограниченное количество контактов с белокожим населением США.

Подобные замены в отношении зубных фрикативных /θ/ – /ð/ наблюдаются и в креольских диалектах карибского английского языка, в результате чего образуется ряд омонимов: *three* – *tree* [tri:], *through* – *true* [tru]. Для английских диалектов Бермудских островов и Доминики характерна замена зубных звуков губно-зубными: *truth* [truf], *three* [fri:].

В индийском английском британские зубные фрикативные /θ/ – /ð/ практически отсутствуют, вместо них употребляются зубные взрывные /d̪/ и /t̪/, которые в большинстве случаев аспирируются [Sailaja, 2009; Gargesh, 2004]. Наличие аспирации данных звуков определяется лингвистическим фактором, а именно родным языком говорящего: носители индоарийских языков произносят их с аспирацией, в то время как носители тамильских языков используют неаспирированные варианты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье была предпринята попытка проанализировать речь носителей базовых британских диалектов (североирландского, уэльского и шотландского) и представителей региональных произносительных стандартов и диалектов, а именно австралийского, новозеландского, индийского, афроамериканского и карибского. На основании экспериментальных данных, полученных автором статьи в ходе слухового и аудиторского анализа звучащей речи, а также результатов многочисленных фонетических исследований прошлых лет, можно сделать вывод о том, что региональная речь на сегментном уровне звучания достаточно сильно отличается не только от британской произносительной нормы, но и от базовых британских диалектов.

Важно, что большее количество девиаций наблюдается в мужской или молодежной речи, при переходе к неформальному стилю общения и при лимитированном количестве контактов с европейцами или белокожим населением США. Можно говорить о том, что для каждого произносительного стандарта или диалекта существует ряд схожих и специфических характеристик, придающих речи носителей своеобразное и неповторимое звучание. Однако наиболее яркой чертой, обобщающей все региональные разновидности английского произношения, можно считать тенденцию к упрощению использования языковых средств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Corrigan K. P. Dialects of English EUP: Irish English – Northern Ireland. Vol. I. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.
2. Wells J. C. Accents of English: in 3 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. Vol. II. The British Isles.
3. Hughes A., Trudgill P., Watt D. J. English Accents and Dialects: An Introduction to Social and Regional Varieties of English in the British Isles. London: Hodder Arnold, 2005.
4. Trudgill P., Hannah J. In International English. London: Arnold, 2002. 4th ed.
5. Sailaja P. Indian English. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
6. Sahgal A., Agnihotri R. K. Indian English phonology: A sociolinguistic perspective // English World-Wide. 1988. № 9 (1). P. 51–64.
7. The Cambridge history of the English language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. Vol. V. English in Britain and Overseas: Origins and Development / ed. by R. W. Burchfield.
8. Nelson C. L., Proshina Z. G., Davis D. R. (Eds.). The Handbook of World Englishes. 2nd ed. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2020.
9. Hinton L. N., Pollock K. E. Regional variations in the phonological characteristics of African American Vernacular English // World Englishes. 2000. № 19. P. 59–71.
10. Fasold R. W. The relation between black and white speech in the South // American Speech. 1981. № 56. P. 163–189.
11. Patrick P. L. Urban Jamaican Creole: Variation in the Mesolect // Varieties of English Around the World. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1999. P. 84–85.
12. Gargesh R. Indian English: Phonology / E. W. Schneider, K. Burridge, B. Kortmann, R. Mesthrie, C. Upton (Eds.) // A Handbook of Varieties of English. Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.

REFERENCES

1. Corrigan, K. P. (2010). Dialects of English EUP: Irish English – Northern Ireland. Vol. I. Edinburgh: Edinburgh University Press.
2. Wells, J. C. (1982). Accents of English: in 3 vols. Cambridge: Cambridge University Press. Vol. II. The British Isles.
3. Hughes, A., Trudgill, P., Watt, D. J. (2005). English Accents and Dialects: An Introduction to Social and Regional Varieties of English in the British Isles. London: Hodder Arnold.
4. Trudgill, P., Hannah, J. (2002). In International English. London: Arnold. 4th ed.
5. Sailaja, P. (2009). Indian English. Edinburgh: Edinburgh University Press.
6. Sahgal, A., Agnihotri, R. K. (1988). Indian English phonology: A sociolinguistic perspective. English World-Wide, 9(1), 51–64.
7. Burchfield, R. W. (Ed.). (1994). The Cambridge history of the English language (vol. V, English in Britain and Overseas: Origins and development). Cambridge: Cambridge University Press.
8. Nelson, C. L., Proshina, Z. G., Davis, D. R. (Eds.) (2020). The Handbook of World Englishes. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell. 2nd ed.
9. Hinton, L. N., Pollock, K. E. (2000). Regional variations in the phonological characteristics of African American Vernacular English. World Englishes, 19, 59–71.
10. Fasold, R. W. (1981). The relation between black and white speech in the South. American Speech, 56, 163–89.
11. Patrick, P. L. (1999). Urban Jamaican Creole: Variation in the Mesolect. In Varieties of English Around the World (pp. 84–85). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
12. Gargesh, R. (2004). Indian English: Phonology. In Schneider, E. W., Burridge, K., Kortmann, B., Mesthrie, R., Upton, C. (Eds.), A Handbook of Varieties of English (vol. 1). Berlin: Mouton de Gruyter.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романова Екатерина Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romanova Ekaterina Yurevna
PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor of the Department of English Phonetics
Faculty of the English Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.03.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.11-112

Участие модальных глаголов в реализации авторской интенции (на материале немецкоязычной научной статьи)

Е. В. Садовникова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sadovnikova.ev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается использование модальных глаголов в качестве непосредственных участников реализации авторских интенций в немецкоязычном научном дискурсе. На материале научных статей гуманитарных направлений делаются выводы о том, что немецкие модальные глаголы служат индикаторами авторского предположения с различной степенью вероятности, средством взаимодействия автора научного текста с его адресатом и средством авторского самовыражения, а также участвуют в организации научной мысли в тексте.

Ключевые слова: немецкий язык, научный дискурс, научная статья, авторская интенция, модальные глаголы

Для цитирования: Садовникова Е. В. Участие модальных глаголов в реализации авторской интенции (на материале немецкоязычной научной статьи) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 123–129.

Original article

Participation of Modal Verbs in the Realization of the Author's Intention (based on the material of a German-language scientific article)

Elena V. Sadovnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sadovnikova.ev@gmail.com

Abstract. The article examines the use of modal verbs as direct participants in the implementation of author's intentions in German-language scientific discourse. Based on the material of scientific articles in the humanities, conclusions are drawn that German modal verbs serve as indicators of the author's assumption with varying degrees of probability, a means of interaction between the author of a scientific text and its addressee and a means of author's self-expression, and also participate in the organization of scientific thought in the text.

Keywords: German language, scientific discourse, scientific article, author's intention, modal verbs

For citation: Sadovnikova, E. V. (2024). Participation of modal verbs in the realization of the author's intention (based on the material of a German-language scientific article). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 123–129. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Научный дискурс был и остается актуальным объектом исследований в лингвистике. Научный текст как вербальный компонент научного дискурса интересен тем, что, с одной стороны, он в достаточно высокой степени выражает «образ автора», адресанта текста, а, с другой – основная функция научного текста – воздействие на адресата, что подчеркивает теоретическую и практическую значимость выявления и изучения способов и механизмов его построения и распознавания авторских интенций в нем.

Н. Л. Никульшина описывает адресанта научного дискурса следующим образом: это «не просто говорящий или пишущий, а субъект познающий, находящийся в деятельностном отношении к познаваемому объекту и эксплицирующий результат познания в общепринятой в данном социуме, социально установленной форме текста» [Никульшина, 2008, с. 246]. В процессе научного общения адресант нацелен убедить адресата, своего коллегу-ученого, в истинности излагаемой концепции, повлиять на его научные взгляды, доказать правильность рассуждений и полученных выводов. Это предполагает выстраивание плана воздействия на партнера по коммуникации и подбор языковых средств. Особенностью научного текста является, таким образом, не только описание и интерпретация новых научных данных и закономерностей, но и оценка результатов исследования, выражение авторского мнения, различной степени уверенности / неуверенности в обоснованности утверждений. Поэтому особый интерес у исследователей научного дискурса вызывает выражение модальности в научном тексте.

В традиционной лингвистике модальность понимается как «понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношение содержания высказывания к действительности (отношение сообщаемого к его реальному осуществлению)»[1]. Как известно, модальные глаголы наряду с системой наклонения, модальными словами и частицами являются средством выражения объективной и субъективной модальности. Модальные глаголы описывают отношения между субъектом и действием, с одной стороны, и употребляются в значении возможности / невозможности совершения действия, обязательности, необходимости, вероятности, удивления, сомнения, желания, с другой стороны. Интерес к функционированию модальных глаголов в тексте не утихает, что подтверждается только в области германистики достаточно большим количеством отечественных и зарубежных исследований в последние годы, например: А. В. Аверина (2018, 2019), Е. В. Боднарук (2013, 2016, 2019), О. М. Егорова (2017), О. А. Кострова, Т. А. Аминева (2021), G. Diewald (2013) и др. Несмотря на тот факт, что немецкие модальные глаголы активно изучаются как с точки зрения их семантики, так и с точки зрения их функционирования как грамматических единиц, представляется необходимым рассмотреть модальные глаголы также и в ракурсе когнитивно-дискурсивной парадигмы и проанализировать, какую роль модальные глаголы способны играть в реализации авторской интенции в научном дискурсе. Когнитивно-дискурсивный подход, в рамках которого выполнено исследование, представленное в статье, получил в последние десятилетия особую популярность среди лингвистов, поскольку он позволяет включить в лингвистическое исследование прагматические компоненты коммуникации – коммуникантов и коммуникативные условия, а когнитивная сторона исследования помогает установить связь между интенциями коммуникантов и языковыми средствами, использованными ими [Казанцева, 2015]. Вся совокупность вышеперечисленных фактов и предпосылок к исследованию определяют, по нашему мнению, его актуальность.

Цель исследования – показать, каким образом и в каком объеме модальные глаголы немецкого языка участвуют в реализации авторских интенций в научном дискурсе. В ходе исследования поставлены следующие задачи:

1) дать характеристику научной статье как продукту научной коммуникации с учетом ее коммуникантов и коммуникативной ситуации;

2) проанализировать ситуации использования модальных глаголов в научной статье;

3) дать оценку участию модальных глаголов в вербализации авторского замысла внутри научного текста.

В качестве *исследуемого материала* использовались модальные глаголы, отобранные из современных немецкоязычных научных журналов гуманитарного профиля (*Linguistik online*, *Zeitschrift für Hochschulentwicklung*, *Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht*, *Zeitschrift Schreiben* и др.).

Для *решения задач* исследования использовались лингвистические приемы и методы анализа текста: синтез и анализ, сравнение и сопоставление, контекстуальный анализ, отбор и интерпретация выбора языковых средств.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ КАК ВЕРБАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Изучение участия модальных глаголов в реализации авторской интенции в научном дискурсе выявляет необходимость уточнения содержания

[1]Ахманова О. С. Модальность // Словарь лингвистических терминов / гл. ред. О. С. Ахманова. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.

используемых понятий «дискурс», «компоненты дискурса», «жанры дискурса», а также необходимость описания характеристик научной статьи как продукта научного дискурса.

Вслед за К. П. Корнердингом используемый в работе термин «дискурс» понимается как межличностная коммуникация, охватывающая все формы социального взаимодействия институтов, индивидов и социальных групп [Kornerding, 2009] и характеризующаяся наличием обязательных компонентов – коммуникантов, коммуникативной ситуации и текста [Казанцева, 2004]. Участниками научного дискурса являются ученые, исследователи, обменивающиеся научным знанием. В процессе научного общения коммуниканты пытаются воздействовать на интеллектуальную сферу друг друга, с целью изменения научных взглядов собеседника, убеждения в истинности и перспективности предлагаемой научной концепции.

Научная статья является одним из жанров научного дискурса, где под жанром понимается инвариант текстов, обладающих определенной коммуникативной целью и использующийся в конкретных условиях общения [Синдеева, 1982]. Жанры научного дискурса характеризуются набором общих параметров, отличающих данный тип дискурса от остальных в глобальном дискурсивном пространстве. С другой стороны, каждый жанр научного дискурса предполагает наличие своих отличительных особенностей в содержательном, структурном и, что особенно важно для целей предлагаемого исследования, коммуникативно-прагматическом аспекте. Научная статья имеет письменную форму взаимодействия между коммуникантами, что накладывает отпечаток на коммуникативную ситуацию и определяет опосредованное общение автора, являющегося адресантом текста, со своим читателем, адресатом текста. Автор научной статьи – это специалист, занимающийся исследованиями в определенной научной области. В научной статье автор высказывает и обосновывает гипотезу, приводит аргументы в ее пользу, сообщает о полученных результатах, сопоставляет их с уже существующей точкой зрения, делает выводы. От правильной и эффективной реализации автором коммуникативного плана зависит успех протекания коммуникативного события, а именно принятие полученных выводов в общую систему научных знаний.

Адресатом научной статьи является подготовленный читатель, знакомый с проблематикой статьи или изучающий ее. С одной стороны, это ученый, непосредственно читающий статью и использующий ее в собственных целях. С другой – это обобщенный читатель, научное сообщество, оценивающее результаты научной деятельности автора. Такая двухаспектность адресата научной статьи предполагает реализацию разных интенций со стороны автора, а значит и использование автором различных средств обращения и воздействия на адресата в процессе коммуникации.

В фокусе внимания оказались модальные глаголы как участники реализации авторских интенций в немецкоязычной научной статье.

МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК ИНДИКАТОРЫ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Предположение занимает особое место в научном тексте, поскольку сама гипотеза, лежащая в основе любого научного исследования, — это не что иное, как научное предположение, истинность которого проверяется и доказывается. Поэтому научная речь содержит достаточно разнообразные средства предположения, от лексических до морфологических и синтаксических. В немецкоязычной научной статье модальными глаголами, выражающими предположение, являются *können* и *dürfen* в форме сослагательного наклонения *könnte*, *dürfte* (1), (2), (3). Другие модальные глаголы, передающие значение предположения (*müssen*, *mögen*) [Helbig, Buscha, 2001] в научной статье, как правило, не используются.

(1) Sie ***könnten*** solche Hinweise geben, wenn dazu mehr Statistiken vorlägen (*Graefen G. Aufbau idiomatischer Kenntnisse in der Wissenschaftssprache. 2004.*).

По оценке Е. В. Гулыги, модальный глагол *können* выражает нейтральное предположение, сравнимое со значением модальных слов *möglich* и *vielleicht* [Гулыга, Шендельс, 1969]. Подобные предположения могут использоваться в научной статье в качестве некатегоричного тезиса или аргумента, оставляющего другие варианты решения научной проблемы возможными. Та же форма модального глагола *können* (*könnte*), вероятно, поэтому часто используется в основной части научной статьи в качестве промежуточного аргумента и вывода:

(2) Das ***könnte*** damit zusammenhängen, dass das Interesse der Phraseologie offenbar vorrangig den referentiellen und den kommunikativen Phraseologismen gilt (*Hennig M. Ausdrucksarten – ein neuer Zugang zur Wortschatzvermittlung im DaF-Unterricht? 2010*).

Модальный глагол *dürfen*, выражающий предположение только в форме сослагательного наклонения в конструкции *dürfte* + *инфинитив*, сооб-

щает высказыванию высокую степень вероятности (~ 80 %) [Hall, Scheiner, 2014]. Его использование может быть связано с желанием автора предугадать вероятную реакцию читателя и дать ответ на его потенциально возможный вопрос. В немецкоязычных статьях в этих целях могут использоваться клишированные выражения следующего типа:

(3) Es ***dürfte*** einleuchten, dass…

МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК СРЕДСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АВТОРА НАУЧНОГО ТЕКСТА С ЕГО АДРЕСАТОМ

Научный текст пронизан диалогичностью, поскольку автор научного текста выстраивает его, ориентируясь на «фактор адресата» [Арутюнова, 1981]. Диалог научной статьи – это сложный процесс развития мысли автора, его рассуждений, доказательств, сомнений, и реакции читателя [Кожина, 1986].

Интенции автора, восприятие читателем текста, коммуникативные условия научной статьи определяют форму проявления диалогичности и средства ее выражения. В качестве примера приводится отрывок введения научной статьи из журнала по вопросам высшего образования:

(4) ***Sollen*** Medizinstudierende am Ende ihres Studiums Grundlagen der Physiologie und Anatomie kennen, über Krankheitsbilder Bescheid wissen und mit deren Diagnose und Therapie vertraut sein oder *sollen* sie „Ärztinnen und Ärzte werden" und lernen, als solche zu handeln und zu interagieren? *Sollen* Studierende im Geschichtsstudium Wissen über historische Entwicklung erwerben oder *sollen* sie lernen, als Historiker / innen Fragestellungen zu entwickeln, zu bearbeiten und fortzuschreiben? *(Wegner E., Nückles M. Kompetenzerwerb oder Enkulturation? Lehrende und ihre Methafern des Lernens. 2013*).

Авторы статьи мотивируют читателя к прочтению статьи вопросами, имеющими сложный дискуссионный характер (4). Желание авторов вовлечь читателя в научную дискуссию реализуется не только на синтаксическом уровне, с помощью «провокационного» риторического вопроса, но и с помощью использования модального глагола *sollen*, реализующего такой вопрос. Использование *sollen* в таком вопросе побуждает лицо, к которому обращен вопрос, принять непосредственное участие в его разрешении. Статья начинается с диалога с читателем, в котором приглашают его принять участие в обсуждении сложной дискуссионной темы, согласиться с аргументацией автора или опровергнуть ее. Подобные вопросы предполагают реакцию со стороны читателя, усиливают адресованность текста научной статьи.

Использование модального глагола *sollen* может быть связано также с приемом акцентирования внимания читателя к определенному факту, играющему, с точки зрения автора, особую роль в ходе исследования. Такой прием вовлечения читателя в диалог реализуется, как правило, с помощью клишированных выражений с использованием модального глагола *sollen* или *müssen* в презенсе индикативе и пассивного инфинитива основного глагола с семантикой «указать» / «обратить внимание» (*hinweisen*, *beachten* и др.) (5–6):

(5) Es soll darauf hingewiesen werden, dass…
(6) Es muss jedoch beachtet werden, dass…

Выбор модального глагола, кажется, напрямую связан с семантикой основного глагола, с которым он употребляется. Глагол *sollen* в этом контексте предполагает осознание автором своей ответственности перед читателем за изложение всех необходимых данных исследования и обращен не только к читателю, но и к самому себе (5). Высказывание с модальным глаголом *müssen* в большей степени обращено к читателю, к необходимости обратить внимание на тот или иной факт (6).

Диалог в научной статье предполагает не только опосредованное взаимодействие автора со своим непосредственным читателем, но и общение с научным сообществом. Использование формы претерита конъюнктива *sollte* позволяет автору обратиться к научному сообществу и выразить рекомендацию относительно дальнейших исследований по теме (7) или предостеречь от возможных ложных умозаключений или действий (8). В последнем случае обязательным элементом в высказывании является отрицание.

(7) Wenn strukturelle Phraseologismen bzw. synsemantische Ausdrucksarten für die Phraseologie von untergeordnetem Interesse sind, *sollten* gerade diese in der Grammatikforschung stärkere Beachtung finden (*Hennig M. Ausdrucksarten – ein neuer Zugang zur Wortschatzvermittlung im DaF-Unterricht? 2010*).

(8) Der wissenschaftliche Kulturvergleich hat einen anderen Erkenntnisgegenstand als eine Theorie interkultureller Kommunikation, Ergebnisse kulturvergleichender Studien sind deshalb keine Beschreibung des interkulturellen Kommunikationsprozesses, da die

Darstellungswerte kultureller Sinngebilde nicht mit ihren Steuerungswerten im Kommunikationsprozess verwechselt werden *sollten* (*Loenhoff J. Kulturvergleich und interkulturelle Kommunikation. 2003*).

Данные примеры использования глагола *sollen* соотносятся с замечанием Д. О. Добровольского о том, что глагол *sollen* имеет в определенном контексте значение необходимости, которая не является в строгом смысле необходимой или единственно возможной, но является «выделенной» [Добровольский, Зализняк, 2021].

МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК СРЕДСТВО САМОВЫРАЖЕНИЯ АВТОРА НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Стилистические особенности научного текста (объективность, некатегоричность и т. п.) не всегда позволяют автору напрямую говорить о достигнутых результатах. Одним из средств самовыражения автора нередко становятся модальные глаголы. Примеры (9) и (10) представляют собой промежуточный и общий вывод в тексте научной статьи, являющийся важным составляющим элементом письменной научной коммуникации. Автор «делает паузу» и обращает внимание читателя на то, чего ему удалось достичь в исследовании.

(9) Insofern ***kann*** man auf der Grundlage unserer Ergebnisse feststellen, dass die schwachen Unterschiede in Filmgeschmack und Filmrezeption… nicht für die Theorie der kulturellen Reproduktion von Bourdieu sprechen (*Rössel J., Bromberger K. Strukturiert kulturelles Kapital auch den Konsum von Populärkultur? 2009*).

(10) Zusammenfassend ***kann*** festgehalten werden, dass einerseits gerade das Zusammenspiel der Instrumente zum Erfolg des Organisationsentwicklungsprozesses beitrug (*Bremer C. E-Learning als Innovation in der Lehre – Ansätze zur hochschulweiten Organisationsentwicklung. 2011*).

В обоих случаях автор использует модальный глагол *können* в презенсе индикатива, имеющий значение «eine durch das Subjekt gegebene Möglichkeit», «возможность, заданная субъектом, а не условиями» [Helbig, Buscha, 2001, с. 117]. В примере (9) отдается предпочтение неопределенно-личному местоимению *man*, которое в сочетании с глаголом *feststellen* и притяжательным местоимением *unserer* (*Ergebnisse*) включает в подведение итога и самого автора, и читателя как непосредственного участника авторского исследования. В примере (10) автор указывает на себя имплицитно, через семантику глагола *festhalten*.

Достигнутый успех подчеркивает использование модального глагола *können* в претерите индикативе (*konnte*) в сочетании с пассивным залогом основного глагола (11):

(11) Für die Fremdsprachendidaktik ***konnte*** gezeigt werden, dass …

Такое использование модального глагола передает положительную оценку автором результата своей научной деятельности. Интересным является использование модального глагола *sollen* в значении авторского волеизъявления (12) и (13):

(12) Im vorliegenden Beitrag *soll* ein Versuch unternommen werden, …
(13) Im Beitrag *soll* gezeigt werden, dass …

В таких выражениях, где агенс не выражен, заложено значение «намерения, желания» (= Der Autor will einen Versuch unternehmen. Im Beitrag will ich zeigen). Немецкие грамматисты Г. Гельбих и Й. Буша указывают на синонимичность таких высказываний [Helbig, Buscha, 2001, с. 121].

УЧАСТИЕ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В РАЗВЕРТЫВАНИИ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Модальные глаголы могут использоваться для скрепления смысловых частей текста, развертывания хода научной мысли.

(14) Erläutern ***möchte*** ich dieses Verständnis von ‚Kulturwissenschaft' an einem Beispiel… (*Altmayer C., Koreik U. Empirische Forschung zum landeskundlich-kulturbezogenen Lernen in Deutsch als Fremdsprache. Einführung in den Themenschwerpunkt. 2010*).

Использование формы модального глагола *möchte* может стать первым шагом автора для выражения своего намерения (14). С одной стороны, эта форма модального глагола придает высказыванию некатегоричный характер, свойственный научной речи, с другой – сохраняет семантику будущего, что организует пространство научного текста и четко обозначает шаги автора, которые он хотел бы предпринять в описании своего исследования.

Форма модального глагола *möchte* может использоваться не только в перспективном, но и в ретроспективном плане, например в композиционной части заключение (15).

(15) Die Thematik des Designs universitären Wandels wird aktiv im Hochschuldiskurs diskutiert. Der vorliegende Beitrag *möchte* aus akteursspezifischer Sicht einen Referenzpunkt anbieten. Weitere Forschungsarbeiten sind hierzu durchaus vorzunehmen (Gerholz K.-H. Design universitären Wandels – Interventionen als Gestaltungsinstrument von universitären Veränderungsprozessen. 2011).

Представляя перспективность исследования, автор отделяет задачи, решенные в ходе исследования и предлагаемые научному сообществу для дальнейшего решения. Форма модального глагола *möchte* ретроспективно возвращает читателя к целям и задачам, сформулированным автором в начале научной статьи, снимая ответственность автора за нерешенные задачи, с одной стороны, и открывая простор для расширения изучаемой проблемы – с другой (15). Постановка задач для дальнейших исследований по теме реализуется при этом конструкцией *sein* + *zu* + *Infinitiv* (15), или грамматически ей синонимичной с участием модальных глаголов *müssen* или *sollen* в связке с пассивным инфинитивом основного глагола (16):

(16) In weiteren Projektdurchläufen *muss* nun geklärt werden, inwiefern die Zusammenarbeit die Entwicklung weiterer Teilkompetenzen begünstigen kann. Dabei sollte insbesondere bei der Diskurs- und Fachkompetenz der Austausch mit den betreuenden Fachlehrern(-innen) intensiviert werden… (*Schindler K., Fischbach J. Neue Netzwerke akademischen Schreibens und ihr Potenzial für den Erwerb von Textkompetenzen. Erste Ergebnisse eines Kooperationsprojekts zwischen Schule und Hochschule. 2013*).

Особого внимания заслуживает в данном отрывке не только использование разных модальных глаголов, но и изменение формы наклонения. Такой авторский шаг помогает придать высказываниям различные оттенки необходимости:

muss nun geklärt werden – вербализует намерение автора поставить перед научным сообществом или перед самим собой задачу по решению научной проблемы;

sollte intensiviert werden – формулирует частную задачу в виде некатегоричной рекомендации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ ситуаций использования модальных глаголов в текстах научных статей показал, что модальные глаголы являются непосредственными участниками реализации авторских интенций в научном дискурсе: в качестве индикатора предположения, для вовлечения читателя в процесс исследования, как средства авторского самовыражения и развертывания научной мысли. Важную роль играет при этом грамматическая форма модального глагола, взаимосвязь его семантики с выбранной автором формой времени и наклонения, что помогает выразить не только разные авторские интенции, но придать высказываниям различные модальные оттенки в рамках одного значения, например усилить или ослабить степень необходимости или предположения. Проведенное исследование показало, что для анализа участия модальных глаголов в реализации авторских интенций необходимо привлекать контекстуальное окружение: семантику полнозначного глагола и сопутствующее лексическое окружение, композиционную структуру научной статьи и синтаксис предложения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Никульшина Н. Л. Письменный научный дискурс как объект моделирования в учебных целях // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 3 (59). С. 245–250.
2. Казанцева Ю. М. Дискурсивная обусловленность словопорядка в современном немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 20 (731). С. 43–52.
3. Kornerding Kl. P. Diskurslinguistik – eine neue linguistische Teildisziplin // Sprache. Heidelberger Jahrbücher. Berlin ; Heidelberg: Springer Verlag, 2009. Band 53. S. 155–177.
4. Казанцева Ю. М. Возможна ли грамматика дискурса? // Германистика: состояние и перспективы развития: тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти профессора О. И. Москальской. 2004. С. 19–20.
5. Синдеева Т. И. Некоторые особенности композиционно-речевой организации жанра «научная рецензия» // Функциональные стили и преподавание иностранных языков. М.: Наука, 1982. С. 27–42.
6. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 2001.
7. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969.

8. Hall K., Scheiner B. Übungsgrammatik für die Oberstufe. Hueber Verlag GmbH & Co, 2014.
9. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40 (4). С. 356–367.
10. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи: учебное пособие по спецкурсу. Пермь: Изд-во Пермского университета, 1986.
11. Добровольский Д. О., Зализняк А. А. Об особом типе модальности необходимости: семантика немецкого глагола *sollen* по данным параллельных корпусов // Вопросы языкознания. 2021. № 6. С. 22–39.

REFERENCES

1. Nikul'shina, N. L. (2008). Written scientific discourse as an object of modeling for educational purposes. Tambov University Review. Series: Humanities, 3(59), 245–250. (In Russ.)
2. Kazantseva, J. M. (2015). Discursive conditionality of word order in modern German. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 20(731), 43–52. (In Russ.)
3. Kornerding, K. P. (2009). Diskurslinguistik – eine neue linguistische Teildisziplin. Sprache. Heidelberger Jahrbücher, 53. Berlin ; Heidelberg: Springer-Verlag.
4. Kazantseva, J. M. (2004). Vozmozhna li grammatika diskursa? = Is There Such a Thing as Discourse Grammar? Germanistika: sostoyanie i perspektivy razvitiya: tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati professora O. I. Moskal'skoj (pp. 19–20): the digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.).
5. Sindeeva, T. I. (1982). Nekotorye osobennosti kompozicionno-rechevoj organizacii zhanra "nauchnaya recenziya" = Some features of the compositional and speech organization of the “scientific review” genre. Funkcional'nye stili i prepodavanie inostrannyh yazykov = Functional styles and foreign language teaching, (pp. 27–42). Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Helbig, G., Buscha, J. (2001). Deutsche Grammatik. Leipzig: Verlag Enzyklopädie.
7. Gulyga, E. V., Shendel's, E. I. (1969). Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemeckom yazyke = Grammatical and lexical fields in modern German. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
8. Hall, K., Scheiner, B. (2014). Übungsgrammatik für die Oberstufe. Hueber Verlag GmbH & Co. 1. Auflage.
9. Arutyunova, N. D. (1981). Faktor adresata = Recipient factor. Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka, 40(4), 356–367. (In Russ.)
10. Kozhina, M. N. (1986). O dialogichnosti pis'mennoj nauchnoj rechi = On the dialogical nature of written scientific speech. Perm: Izdatel'stvo Permskogo universiteta. (In Russ.)
11. Dobrovol’skij, D. O., Zalizniak, A. A. (2021). On a special type of necessity modality: The German verb *sollen* viewed from parallel corpora. Voprosy Jazykoznanija, 6, 22–39. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Садовникова Елена Викторовна
старший преподаватель
кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sadovnikova Elena Viktorovna
Senior Lecturer
of Department of Grammar and History of the German Language
Faculty of German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	08.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'255.4

Способы передачи стилистических особенностей псевдоэпоса на материале сборника «Сильмариллион» Дж. Р. Р. Толкина и его переводов на русский язык

М. К. Трушина[1], **К. С. Алямкина**[2]

[1]*Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», Москва, Россия trushinam@mail.ru*
[2]*Бауманская инженерная школа № 1580, Москва, Россия, xenicienta@mail.ru*

Аннотация. Статья представляет собой сопоставительный анализ псевдоэпического произведения «Сильмариллион» Дж. Р. Р. Толкина и четырех вариантов его перевода на русский язык. В статье рассматриваются стилистические приемы, которыми воспользовались переводчики для передачи лексических и ритмических особенностей авторского произведения, проводится их сравнение с методами, к которым прибегал сам автор оригинала.

Ключевые слова: художественный перевод, стилистика перевода, сопоставительный анализ, перевод эпоса, псевдоэпос, фэнтези

Для цитирования: Трушина М. К., Алямкина К. С. Способы передачи стилистических особенностей псевдоэпоса на материале сборника «Сильмариллион» Дж. Р. Р. Толкина и его переводов на русский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 130–137.

Original article

Methods of Conveying Stylistic Features of Pseudoepos Based on the Material of the «Silmarillion» by J. R. R. Tolkien and Its Translations into Russian

Maria K. Trushina[1], **Kseniia S. Aliamkina**[2]

[1]*National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia, trushinam@mail.ru*
[2]*Bauman Engineering School No. 1580, Moscow, Russia, xenicienta@mail.ru*

Abstract. The present article is devoted to a comparative analysis of the pseudo-epic work "Silmarillion" by J. R. R. Tolkien and four variants of its translation into Russian. The article examines the stylistic techniques used by translators to convey the lexical and rhythmic features of the author's work and compares them with the methods used by the author of the original.

Keywords: literary translation, stylistics of translation, comparative analysis, translation of the epic, pseudoepic, fantasy

For citation: Trushina, M. K., Aliamkina, K. S. (2024). Methods of conveying stylistic features of pseudoepos based on the material of the "Silmarillion" by J. R. R. Tolkien and its translations into Russian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 130–137. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Мир, в котором разворачиваются события таких популярных произведений, как «Властелин колец» и «Хоббит», изначально создавался автором Дж. Р. Р. Толкином как сказка-миф на английском материале, где присутствует и своя концепция сотворения мира, и свой пантеон высших сил, и легенды о появлении людей. Его не устраивали сказки о фейри, которые традиционно ассоциируются с английским фольклором, так как они виделись ему слишком фантастичными и непоследовательными (*Дж. Р. Р. Толкин. Сильмариллион / пер. с англ. С. Лихачевой. 2019*). Дж. Р. Р. Толкин отмечал, что, хотя легенды о короле Артуре считаются традиционно английским эпосом, в них всё же недостаточно оригинальности, связанной с английским языком и самой английской землей. Кроме того, в этих легендах очевидно присутствует христианство, что также отличает его от эпоса других народов, который так впечатлил Толкина (*Дж. Р. Р. Толкин. Сильмариллион / пер. с англ. С. Лихачевой. 2019*). Тем не менее мир, созданный автором «Властелина колец», содержит немало элементов христианского мифа, чему посвящено множество исследований (например, О. С. Сафонова). Так, Эа (Мир Сущий) создан единым Богом, и всё остальное происходит из его замысла, который в полном объеме недоступен ни одной из сотворенных им сущностей, также присутствует история о падшем ангеле, хотя и в значительно видоизмененной форме (*Дж. Р. Р. Толкин. Сильмариллион / пер. с англ. С. Лихачевой. 2019*). Отсюда двойственность «Сильмариллиона»: с одной стороны, это сборник легенд, вдохновленный греческим, кельтским, скандинавским, финским и др. эпосами, и историей Англии; с другой – это фантастический мир, созданный глубоко верующим человеком, чьим воспитанием занималась сначала принявшая католичество мать, затем, после ее смерти, священник-опекун, что не могло не отразиться на некоторых элементах повествования, как стилистических (ритм, структура некоторых синтаксических конструкций), так и содержательных.

Цель исследования – уточнить, какие стилистические особенности роднят первые две части сборника «Сильмариллион» («Айнулиндалэ» и «Валаквента») с эпосом и мифом, а также, как эти особенности передаются на русский язык. В качестве *материала* были задействованы четыре перевода, выполненные Н. Эстель, С. Лихачевой, А. Грузбергом и В. Маториной. Основным методом исследования стал сопоставительный анализ стилистических особенностей оригинального текста и указанных выше переводов.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭПИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Для начала отметим, что можно отнести к стилистическим признакам эпического повествования. Одна из характерных особенностей таких текстов – использование редких, возможно, устаревших лексических единиц и оборотов наравне с более общеупотребительными. Это делается для того, чтобы поддерживать «эпическую дистанцию» между событиями эпического произведения и его слушателями или читателями, но вместе с тем не затруднять восприятие сюжета [Гвоздецкая, 2020]. Кроме того, для эпоса разных народов, в том числе, для древнегерманского «Беовульфа», характерно использование аллитерации [Смирницкая, 1994] и, конечно же, ритмизации текста (напомним, «Беовульф» в оригинале является поэтическим произведением). Несмотря на то, что «Сильмариллион» Дж. Р. Р. Толкина написан в прозе, данная особенность, как будет показано далее, в этом произведении также встречается. Для эпоса характерны и обращения к читателю (изначально – слушателю, так как эпос в первую очередь был устной формой), синтаксический параллелизм и повторения, позволявшие заострить внимание аудитории на ключевых моментах повествования [Джанполадян, 2018].

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДОВ

Обратимся к примерам из «Айнулиндалэ» и «Валаквенты», чтобы проиллюстрировать, как Дж. Р. Р. Толкин задает стиль своему мифу о сотворении мира, и рассмотрим, при помощи каких средств удается передать эти стилистические особенности эпического повествования на русский язык.

В таблице 1 мы видим открывающий абзац «Айнулиндалэ» – мифа о сотворении мира. Здесь мы сталкиваемся и с ритмизацией текста, и со способствующим ему повторением союза *and*. Во всех переводах чувствуется стремление сохранить ритм и слог оригинала, однако в переводе *Н. Эстель* начиная со второго предложения ритм текста то и дело начинает сбиваться, значительно расходясь с оригинальным, но при этом переводчику удается передать суть высказывания, не выходя за рамки объема исходного текста. Перевод *С. Лихачевой* отлично передает ритмический рисунок оригинального текста: можно посчитать по слогам и ударениям. Это показывает тщательность, с которой была проделана работа: из-за различий в средней длине слова и расположения ударений в английском и русском языке добиться такого соответствия крайне непросто. Несмотря на то, что многие короткие

Таблица 1

Оригинал	Перевод Н. Эстель	Перевод С. Лихачевой	Перевод А. Грузберга	Перевод В. Маториной
‘There was Eru, the One, who in Arda is called Iluvatar; **and** he made first the Ainur, the Holy Ones, that were the offspring of his thought, **and** they were with him before aught else was made. **And** he spoke to them, propounding to them themes of music; **and** they sang before him, **and** he was glad’ [Tolkien, 2008, c. 3].	«Был Эру, Единый, кого в Арде зовут Илуватар. Сначала он мыслью своей породил айнуров, Священных; **и** они были с ним, когда других созданий еще не существовало. Он говорил с ними и давал им музыкальные темы; они пели перед ним, **и** он радовался» [Толкин, 2009, с. 5].	«Был Эру, Единый, кого в Арде называют Илуватар; **и** сперва создал он Айнур, Священных, что явились порождением его мысли, **и** пребывали они с ним прежде, чем создано было что-то еще. **И** обратился он к ним, **и** задал музыкальные темы; **и** запели они перед ним, **и** возрадовался он» [Толкин, 2019, с. 48].	«Был Эру, Единственный, называемый в Арде Илуватаром; **и** он создал первых айнуров, святых, **и** стали они порождением его мыслей, **и** были они с ним до того, как было создано все остальное. **И** он обратился к ним, предложил темы для музыки; **а** они пели перед ним, **и** он был рад» [Толкин, 2022, с. 11].	«Был Эру, Единый, кого в Арде называют Илюватар. Сотворил он сначала айнур, Святейших. Родились они из его мыслей **и** были раньше, чем *было сотворено** всё остальное. Он говорил с ними **и** дал им мелодии, **и** они запели. Они пели ему, **а** он радовался» [Толкин, 2022, с. 14].

слова в языке оригинала были переведены более длинными эквивалентами, количество ударных слогов было сохранено. Для достижения сходства с ритмическим рисунком и стилем оригинала переводчик пользуется перестановкой слов и подбором синонимов. Нетрудно заметить, что в переводе подлежащее практически всегда следует за сказуемым (для грамматики языка оригинала такой порядок слов невозможен) – это также помогает задать ритм. Данная конструкция повторяется в переводе, делая тем самым акцент на глаголах, придавая им значимость и задавая темп всему повествованию. В переводе *А. Грузберга*, напротив, в плане ритма особенно удалось последнее предложение, хотя и остальной фрагмент в целом передает стилистику оригинального текста. Различия в ритмическом рисунке заметны в отрывке «...святых, и стали они порождением его мыслей», так как слово «святых» имеет два слога против четырех в ‘the Holy Ones’, и соответственно, ударения располагаются иначе, но при этом переводчик за счет трансформаций сохраняет среднее количество слогов в этой части. *В. Маторина* подходит к работе над этим абзацем иначе. Ее слог также имеет выраженный ритмический рисунок, однако здесь переводчик не столько копирует оригинал, сколько создает этот ритм с нуля, в более естественной для переводящего языка форме. Для достижения такого эффекта, помимо подбора подходящих лексических единиц, В. Маторина разбивает сложные предложения оригинала на несколько более коротких при помощи приема членения предложения. Это добавляет паузы, а также позволяет построить предложения с логичным для языка перевода порядком следования элементов, при этом сохраняя стилистическую непохожесть данного текста на обычное повествование.

Кроме того, стоит обратить внимание на повторение союза *and* в оригинальном тексте фрагмента. Такое повторение не случайно – оно также служит для создания ритмического рисунка. В своем переводе С. Лихачева сохраняет все пять случаев употребления этого союза, в то время как А. Грузберг заменяет последний на «а», что никак не сказывается на ритме, но этот элемент перестает восприниматься как повторение. В версии перевода Н. Эстель осталось лишь два союза «и», что лишает их ритмообразующей функции. В переводе В. Маториной мы видим лишь три повторения «и» и один «а», что в целом поддерживает ритм фрагмента, хотя и не так очевидно, как в оригинале или переводе С. Лихачевой.

Еще одна стилистическая особенность, характерная для эпоса, которую можно наблюдать в рассматриваемом фрагменте – употребление архаизмов и устаревших словоформ [Гвоздецкая, 2020]. Так, в конце первого предложения мы видим слово ‘aught’, пришедшее из среднеанглийского и ко временам написания «Сильмариллиона» уже считавшееся архаичным[1]. Ни в одном из переводов мы не наблюдаем аналогичного приема, возможно потому, что в русском языке нет соответствующего архаичного выражения. Однако В. Маторина употребляет слово «сотворено» (отсылка к мифу о сотворении мира, которым, по сути, и является «Айнулидалэ»), которое можно отнести к более возвышенному стилю, в то время как остальные переводчики предпочли слова *создания* и *создано*, которые являются

[1]Longman Dictionary of Contemporary English, 2001. P. 72

Таблица 2

Оригинал	Перевод Н. Эстель	Перевод С. Лихачевой	Перевод А. Грузберга	Перевод В. Маториной
'...and the **music** and the echo of the **music** went out into the **Void**, and it was not **void**. Never since have the Ainur made any **music** like to this **music**, though it has been said that a greater still shall be made before Iluvatar by the choirs of the Ainur and the Children of Iluvatar after the end of days' [Tolkien, 2008, с. 4].	«...чудесно сплетенные мелодии поднялись до высот, и низринулись в бездны, и выплеснулись из обиталищ Илуватара в пустоту, и пустота заполнилась музыкой. Никогда больше не творили айнуры музыки, равной этой, хотя и говорят, что, когда настанет предел дням, хоры айнуров и других Детей Илуватара породят музыку более великую» [Толкин, 2009, с. 6].	«...а музыка и эхо ее полились дальше, в Пустоту, и не была она уже пустотой. Никогда впредь не создавали Айнур музыки, подобной этой; но сказано было, что музыку еще более великую сотворят перед престолом Илуватара хоры Айнур и Детей Илуватара по окончании дней» [Толкин, 2019, с. 37].	«...и музыка и эхо этой музыки ушли в Пустоту, и та перестала быть Пустотой. Никогда с тех пор больше не создавали айнуры такую музыку, хотя говорят, после конца дней айнуры и все остальные дети Илуватара создадут еще более великую музыку» [Толкин, 2022, с. 12].	«...и эта музыка, и эхо этой музыки проникли в Пустоту, и не была она уже Пустотой. Никогда больше не творили подобной музыки айнур. Говорят, что после конца Мира, хоры айнур и Детей Илюватара соберутся и сотворят музыку небывалую, ещё величественнее этой» [Толкин, 2022, с. 15].

более нейтральными и менее стилистически окрашенными. Подробнее о переводе устаревших словоформ мы поговорим далее, а пока обратимся к следующему фрагменту, в котором можно наблюдать другую характерную для эпоса особенность – повторение значимых для повествования элементов.

Во-первых, повторения обращают внимание читателя или слушателя на повторяющиеся понятия, имена и т. д., во-вторых, служат для создания ритма, так как изначально, напомним, эпос существовал в устной, песенно-поэтической форме и лишь позднее был записан и подвергнут литературной обработке [Гвоздецкая, 2020]. В рассматриваемом отрывке мы видим примеры синтаксического параллелизма, также характерного для выбранной автором стилистики, и примеры повторений значимых слов. Обратимся к переводам. Перевод Н. Эстель наиболее сжатый из четырех рассмотренных и практически полностью игнорирует обозначенную выше стилистическую особенность оригинального текста, делая упор на краткость и ясность повествования, передачу основной мысли. Ближе всего к оригиналу с точки зрения употребления синтаксического параллелизма и повторений перевод А. Грузберга. В переводе С. Лихачевой также сохранена часть повторений, но всё же некоторые из них оказались разделены другими элементами текста, а некоторые были заменены местоимениями, что более правильно с точки зрения норм языка перевода, однако стирает часть стилистического своеобразия «Айнулиндалэ». Перевод В. Маториной очень выразителен сам по себе, однако большая часть повторений в нем опущена, а семантические модуляции, добавленные переводчиком, заметно отличают текст этого перевода от оригинала по ритму, хотя и передают настроение устного легендарного повествования.

Стоит также обратить внимание на конструкцию *it had been said* – использование подобных оборотов характерно для устного рассказа, предания. Этот элемент относится к инициальной формуле эпоса, используются в качестве формулы-обращения к аудитории [Лушневская, 2015]. Эта особенность сохраняется во всех трех переводах, однако передана при помощи неопределенно-личного формы глагола «говорят», исходная форма сохранена только в переводе С. Лихачевой. В другом фрагменте в качестве обращения встречается восклицание *behold*! Переводы Н. Эстель и А. Грузберга полностью игнорируют эту особенность. В переводе В. Маториной появляется обособленная конструкция «о диво», которая, хотя и не носит характер прямого обращения к читателю, привлекает его внимание к конкретному месту в тексте. В переводе С. Лихачевой появляется восклицание «и се!», которое может быть не совсем понятно современному читателю, но означается примерно то же, что и оригинальное *behold!* – «и вот!» или «узрите же!». Особенно данный переводческий ход удачен с точки зрения того, что *behold* является архаизмом, как и русский эквивалент «И се!», поскольку именно перевод устаревших выражений представляет непростую задачу для переводчика.

Продолжая тему стилистических особенностей, характерных для эпоса в силу его происхождения от устного повествования, нельзя не упомянуть такой прием, как аллитерация. В «Айнулидалэ» можно найти несколько примеров аллитерации на звуке [r], когда речь идет о нарушении гармонии, которое внес в музыку Айнур Мелькор. Часто передать аллитерацию, использованную в одном языке,

Таблица 3

Оригинал	Перевод Н. Эстель	Перевод С. Лихачевой	Перевод А. Грузберга	Перевод В. Маториной
‘Then the discord of Melkor spread ever wider, and the melodies which had been heard before foundered in a sea of turbulent sound. But Iluvatar sat and hearkened until it seemed that about his throne there was a raging storm, as of dark waters that made war one upon another in an endless wrath that would not be assuaged’ [Tolkien, 2008, с. 4].	«Тогда разлад разросся, и прежние мелодии потонули в море неистовых звуков, но Илуватар все сидел и внимал, покуда не стало казаться, что трон его высится в сердце бури, точно темные волны борются друг с другом в бесконечной неутихающей распре» [Толкин, 2009, с. 6–7].	«И так разлад, внесенный Мелькором, ширился и нарастал, и мелодии, прежде слышимые, потонули в море буйства звуков. Но Илуватар сидел и внимал, и наконец стало казаться, будто яростный шторм бушует у подножия его трона, и черные волны в беспредельной, не знающей утоления ярости сталкиваются одна с другой» [Толкин, 2019, с. 38].	«Диссонанс Мелькора распространялся все шире, и прежние мелодии погрузились в море беспокойных звуков. А Илуватар сидел и слушал, пока ему не начало казаться, что вокруг его трона начинается буря, как будто темные воды ведут борьбу друг с другом, и этот бесконечный гнев не может смягчиться» [Толкин, 2022, с. 13].	«Разлад, внесенный Мелькором, распространялся; мелодии, звучавшие ранее, ломались, и Музыка стала взволнованным морем несогласованных звуков. Но сидел и слушал Илюватар до тех пор, пока словно буря разразилась вокруг его трона, словно чёрные волны в ярости бросались друг на друга, не желая успокаиваться» [Толкин, 2022, с. 16].

лексическими единицами другого непросто, так как переводчик должен в первую очередь передать смысловую составляющую исходного текста, и уже далее, по возможности – его ритмический рисунок и общее звучание [Гвоздецкая, 2020]. Тем не менее во всех четырех переводах повторение звука [r] в близкорасположенных друг к другу словах обычно сохраняется. Чрезвычайно интересен в этом плане перевод В. Маториной, в котором концентрация звука [r] нарастает от начала приведенного ниже отрывка к его концу, что будто воссоздает нарастающий шум от стремительно распадающейся музыкальной гармонии. Кроме того, и А. Грузберг, и В. Маторина используют в глагол «распространяться», крайне удачно передающий ритм и аллитерацию фразы оригинала *spread ever wider*, поскольку в нем самом звук [r] повторяется три раза.

Рассмотрим подробнее случаи употребления архаизмов, так как это еще одна важная стилистическая особенность, роднящая книгу «Сильмариллион» как с эпосом, так и с библейским повествованием – употребление устаревших, вышедших из повседневного употребления грамматических форм. Например, в этом фрагменте мы можем видеть архаичные личные формы глаголов [Аракин, 2007], а также падежные формы местоимений [там же], которые практически не используются в английском языке со времен Шекспира.

В русском языке нет аналогичных устаревших форм, чтобы найти что-то похожее, пришлось бы обращаться к древнерусскому языку, который будет непонятен большинству читателей, несмотря на большое количество знакомых корней. Однако в нем есть немало устаревших слов, в том числе, глаголов, которые хотя и мало употребляются в современной речи, но всё еще по большей части понятны носителям языка. Активнее всего эту особенность в своем переводе использует В. Маторина. Для передачи исходного стиля повествования в этой версии перевода используется инверсия («лишь в том убедится»), более сложные и редко употребляемые варианты глаголов («вознамерится», «вообразить» вместо «представить», «сотворено» вместо «сделано»). Перевод С. Лихачевой также стилистически близок оригиналу: в нем мы видим союзы «ибо» и «дабы», замена обычных слов и словосочетаний на аналогичные, но более возвышенного стиля («никто не властен» вместо «никто не может» и т. д.). А. Грузберг не использует упомянутых выше приемов для передачи стилистической окраски текста оригинала, однако за счет перестановки элементов внутри предложений задает ритм своему тексту, что позволяет хотя бы частично сохранить тон повествования в этом фрагменте. Перевод Н. Эстель ограничивается употреблением союза «ибо» вместо обычного «так как» или «потому что», как и прежде фокусируясь на краткой, но достаточно точной передаче смысла высказывания.

Отметим еще один стилистический прием, характерный для эпического текста – синтаксический параллелизм. Выше мы уже встречались с его частным случаем – повторением союзов, теперь же обратимся к отрывку, где целые грамматические основы вторят структуре друг друга для достижения художественного эффекта.

В «Валаквенте» несколько раз встречается синтаксический параллелизм, также характерный для эпоса, как и повторения [Джанполадян, 2018]. Ближе всего к стилистике мифа и былины перевод В. Маториной: есть и ритм, и параллельные грамматические структуры, однако перевод заметно

Таблица 4

Оригинал	Перевод Н. Эстель	Перевод С. Лихачевой	Перевод А. Грузберга	Перевод В. Маториной
'And **thou**, Melkor, **shalt** see that no theme may be played that **hath** not its uttermost source in me, nor can any alter the music in my despite. For he that **attempteth** this shall prove but mine instrument in the devising of things more wonderful, which he himself **hath** not imagined' [Tolkien, 2008, с. 5–6].	«А ты, Мелькор, увидишь, что нет музыки, исходящей не от меня, равно как никто не может изменить напев вопреки мне. Ибо тот, кто попытается сделать это, окажется лишь моим орудием в создании дивных чудес, что он сам не способен постичь» [Толкин, 2009, с. 8].	«А ты, Мелькор, увидишь, что невозможно сыграть тему, которая не брала бы начала во мне, и никто не властен менять музыку вопреки мне. Ибо тот, кто попытается сделать это, окажется моим же орудием в созидании сущностей еще более удивительных, о каких он сам и не мыслил» [Толкин, 2019, с. 39].	«И ты, Мелькор, увидишь, что не может существовать тема, источник которой не во мне, и никто не может изменить тему вопреки мне. Ибо тот, кто пытается это сделать, окажется моим инструментом в создании еще более удивительного, чем сам он мог себе представить» [Толкин, 2022, с. 17].	«А ты, Мелькор, увидишь, что нельзя исполнить ни одной Темы, исток которой не был бы во мне, и нельзя изменить Музыку без моего согласия. Тот, кто вознамерится это сделать, лишь в том убедится, что он — орудие моё в сотворении вещей более удивительных, чем мог он себе вообразить» [Толкин, 2022, с. 14].

Таблица 5

Оригинал	Перевод Н. Эстель	Перевод С. Лихачевой	Перевод А. Грузберга	Перевод В. Маториной
'The Lords of the Valar are seven; and the Valier, the Queens of the Valar, are seven also' [Tolkien, 2008, с. 15].	«Владык валаров семь; и вал, владычиц валаров, также семь» [Толкин, 2009, с. 15].	«Число Владыкам Валар — семь, и Валиэр, Королев Валар, тоже семь» [Толкин, 2019, с. 49].	«Повелителей валаров семь, и их королев тоже семь» [Толкин, 2022, с. 24].	«Семь владык-валар было, и семь владычиц-валиэр» [Толкин, 2022, с. 21].

короче оригинала. Интересно решение, к которому прибегает С. Лихачева: для поддержания ритма в переводе она добавляет слова, отсутствующие в оригинале, но не меняющие смысл высказывания. В остальных примерах, где используется данный прием, при переводе он часто значительно видоизменяется в силу различий в грамматических структурах русского и английского языков. В таких случаях переводчики либо ограничиваются передачей содержаний фрагмента, опуская эту стилистическую особенность, либо компенсируют обозначенные выше различия добавлением слов и конструкций, позволяющих сохранить хотя бы ритм высказывания в случае утраты синтаксического параллелизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе мы рассмотрели стилистические особенности псевдоэпического повествования и способы их передачи на русский язык. Следует помнить, что рассмотренные фрагменты «Айнулиндалэ» и «Валаквента», входящие в «Сильмариллион», являются авторским произведением, стилизованным под эпос, а не средневековым английским эпосом в строгом смысле этого слова. Однако мы находим характерные черты эпических произведений того времени в фэнтези Дж. Р. Р. Толкина. Для того чтобы стилизовать свое произведение под эпос, автор использует такие приемы, как синтаксический параллелизм, употребление специфической лексики, аллитерация, а также эмфатические конструкции, в частности – инверсию, что позволяет придать тексту особый ритм. В рамках исследования нас интересовало, насколько переводчики сохраняют стиль автора в своих текстах, какие методы и приемы они используют, чтобы, с одной стороны, передать содержание произведения, а с другой, – сохранить ритм, стилистику и атмосферу оригинала. В первую очередь привлекает внимание тот факт, что все переводчики в той или иной мере старались передать ритмический рисунок оригинального текста. Не стоит забывать, что эпический текст, пусть даже и псевдоэпический, поэтичен и ритмичен, поэтому несоответствие в длине и ритмике предложений при переводе в сравнении с оригиналом часто мешает передать эстетическое впечатление от произведения. Наше исследование показало, что для достижения ритмической равномерности текста перевода часто используются перестановка слов и подбор синонимов. Благодаря переводческим трансформациям сохраняется

среднее количество слогов, что позволяет перенести ритм оригинала в текст перевода. Кроме того, для сохранения ритмического рисунка предложения широко используется такой прием, как инверсия. Также встречается, хоть и значительно реже, прием членения предложения, который, с одной стороны, помогает расставить паузы, с другой – не сбивать темп повествования. Во всех четырех вариантах перевода сохранен в той или иной степени синтаксический параллелизм, несмотря на грамматические различия английского и русского языков, однако инверсия, служащая в оригинале один из распространенных средств выразительности, в переводах часто опускается. Интересно отметить, при этом, что более сложный для переноса из одного языка на другой прием – аллитерация – был использован всеми переводчиками, а, например, у В. Маториной аллитерация используется даже больше, чем в оригинальном фрагменте.

Среди лексических особенностей «Сильмариллиона» стоит выделить заметное количество архаичных форм, которые могут быть непонятны даже носителям языка, так как не используются в разговорной речи. Эта стилистическая особенность также характерна для традиционного эпоса, где редкие или устаревшие лексические единицы соседствуют с повседневными. Текст Дж. Р. Р. Толкина пестрит староанглийскими словами и выражениями, которые органично вплетены в повествование, а использование инициативных восклицаний как в оригинале, так и во всех четырех вариантах перевода, также отсылает нас к устной природе народного эпоса. Перевод архаизмов всегда сложен, поскольку в языке перевода может не быть соответствующего выражения, а использование старорусских словоформ могло бы сделать текст непонятным современному читателю. Поэтому было особенно интересно посмотреть, какими средствами переводчики справились с этой задачей и насколько прибегли к архаизмам в своих вариантах перевода.

Среди рассмотренных текстов следует обратить особое внимание на переводы С. Лихачевой и В. Маториной, поскольку оба автора не всегда дословно переводят архаизмы, но удачно добавляют их в других фрагментах, где их не было в оригинале, при этом прекрасно передавая стилистику и настроение предания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гвоздецкая Н. Ю. «Беовульф» в России: язык древнеанглийского героического эпоса в русском художественном переводе // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 9. С. 226–239.
2. Смирницкая О. А. Стих и язык древнегерманской поэзии. Т. 1–2. М.: Филология, 1994.
3. Джанполадян М. Г. О воссоздании поэтики эпоса «Давид Сасунский» в русском переводе сводного текста // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия Эпосоведение. 2018. № 1 (09). С. 75–82.
4. Tolkien J.R.R. The Silmarillion. London: Harper Collins Publishers, 2008.
5. Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион / пер. с англ. А. Грузберга. М.: АСТ, 2022.
6. Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион / пер. с англ. В. Маториной. М.: АСТ, 2022.
7. Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион / пер. с англ. Н. Эстель. М.: АСТ : Астрель, 2009. Серия: Внеклассное чтение.
8. Лушневская Е. В. Эпические формулы и «Нибелунгов стиль // Символ науки: международный научный журнал. 2015. № 8. С. 174–176.
9. Аракин В. Д. Очерки по истории английского языка / под. ред. М. Д. Резвецовой. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2007.

REFERENCES

1. Gvozsetskaya, N. Y. (2020). "Boewolf" in Russia: the language of ancient English heroic epic in Russian literary translation. Herald of RSUH. Series: Literary critisism. Linguistics. Cultural studies, 9, 226–239.
2. Smirnitskaya, O. A. (1994). Stih i jazyk drevnegermanskoj pojezii = Poem and language of ancient German poetry (vol. 1–2). Moscow: Linguistics. (In Russ.)
3. Dzhanpoladyan, M. G. (2018). About recreating of the poetry of epic work “David of Sasun” in the Russian translation of summary text. Herald of North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. Series Epic studies, 1(09), 75–82.
4. Tolkien, J.R.R. (2008). The Silmarillion. London: Harper Collins Publishers.
5. Tolkien, J. R. R. (2022). The Silmarillion. Translated by A. Grusberg. Moscow: AST.
6. Tolkien, J. R. R. (2022). The Silmarillion. Translated by V. Matorina. Moscow: AST.

7. Tolkien, J. R. R. (2009). The Silmarillion. Translated by N. Estel. Moscow: AST : Astrel. Series: Extracurricular reading.
8. Lushnevskaya, E. V. (2015). Epic formulars and Nibeluns' style. Symbol of science: international scientific journal, 8, 174–176.
9. Arakin, V. D. (2007). Feature articles on the history of the English Language. Ed. by M. D. Rezvetsova. Moscow: Fizmatlit.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трушина Мария Константиновна
кандидат филологических наук
доцент кафедры иностранных языков
Национального исследовательского университета «Московский Энергетический Институт»

Алямкина Ксения Сергеевна
учитель английского языка
Бауманская инженерная школа № 1580

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Trushina Maria Konstantinovna
PhD (Philology)
Assistant professor at the Department of Foreign Languages
National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

Aliamkina Kseniia Sergeevna
English teacher, School № 1580, Moscow

Статья поступила в редакцию	08.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.112

Роль эмотивной лексики в автобиографическом устном нарративе лиц с ограниченными возможностями здоровья

К. А. Тумасян

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
i_am_k_a_r_i_n_a@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования эмотивного компонента речи молодых людей с ограниченными возможностями здоровья, ставших участниками интернет-проекта TRU DOKU (Германия, 2019–2024). В рамках исследования с опорой на положения лингвистики эмоций и метод контекстного анализа была классифицирована содержащаяся в материале эмотивная и ассоциативно-эмотивная лексика, а также выявлено их значение для структурирования автобиографического нарратива и конструирования образа молодого человека с ОВЗ.

Ключевые слова: эмоция, эмотив, автобиографический нарратив, концептуализация событий, лица с ограниченными возможностями здоровья

Для цитирования: Тумасян К. А. Роль эмотивной лексики в автобиографическом устном нарративе лиц с ограниченным возможностями здоровья // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 138–145.

Original article

The Role of Emotive Lexis in the Autobiographical Oral Narrative of the Disabled

Karina A. Tumasyan

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
i_am_k_a_r_i_n_a@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a study of the emotive component of the speech of young people with disabilities who became participants in the TRU DOKU project (Germany, 2019–2024). As a result of the study, based on the provisions of the linguistics of emotions and the method of contextual analysis, the emotive as well as associative-emotive lexemes presented in the material were classified, which led to defining its importance for structuring an autobiographical narrative and designing the image of a young man with disabilities.

Keywords: emotion, emotive, autobiographical narrative, conceptualization of events, disabled people

For citation: Tumasyan, K. A. (2024). The role of emotive lexis in the autobiographical oral narrative of the disabled. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 138–145. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Трансляция автобиографических устных нарративов в социальных сетях является эффективным инструментом, который позволяет молодым людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) делиться своими жизненными историями и выражать свою индивидуальность. Однако при изучении таких нарративов важно обращать внимание не только на их содержательную сторону, но и на эмотивную составляющую – языковое выражение эмоций и чувств, которые сопровождают рассказы.

Результаты анализа являются частью исследования лингвистических аспектов самопрезентации молодежи с ограниченными возможностями здоровья. *Актуальность* выбранной темы исследования обусловлена необходимостью создания инклюзивного общества, где каждый может быть услышан и понят. В ходе данного исследования осуществляется реконструирование образа повествователя в рассказе о самом себе, в том числе с опорой на различные вербальные способы выражения эмоций, сопровождавших описываемые события, что позволяет лучше смоделировать его внутренний мир. Понимание того, как устроен внутренний мир лиц с ОВЗ, в свою очередь, помогает обеспечивать более широкую социальную инклюзию.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОТИВНОГО КОМПОНЕНТА РЕЧИ

Начиная с 1970-х годов, когда человеческий фактор оказался в центре внимания социально-гуманитарных наук, природа эмоций, их связь с другими ментальными явлениями, а также вербальное выражение эмоций закрепились среди проблем, представляющих наибольший интерес для исследователей. Позже круг изучаемых вопросов в лингвистике эмоций расширился до их роли в дискурсе и в коммуникации, в частности, воздействия вербализованных эмоций на реципиента.

Немецкий исследователь Томас Хюльсхофф описывает в своей работе эмоцию как сложное явление, которое имеет важное значение как на биологическом, так и на социальном уровне. Эмоция представляет собой физиологическо-психологическую реакцию на определенный внутренний или внешний стимул, такой как событие, идея, мысль или акт взаимодействия с другими индивидами [Hülshoff, 2012]. В сознании этот стимул фиксируется, интерпретируется и в конечном счете оценивается. Эта оценка влияет на выбор адекватной реакции в процессе коммуникации.

Эмоции рассматриваются как элементы, присущие личности, ее внутреннему миру. В языковом сознании эмоции представляются как что-то, что неподвластно контролю человека: эмоции овладевают человеком и, словно внешняя сила, побуждают к определенным действиям. Такое представление об эмоциях обусловливает то, как они исследуются наукой: в первую очередь психологией, затем – социологией и лингвистикой.

Отдельный интерес для исследователей представляет и коммуникативный аспект выражения эмоций. Именно в коммуникации чувства и эмоции конкретизируются, номинируются и, как результат, более полно осознаются субъектом. Выражение эмоций как процесс внутри коммуникации подчиняется правилам и имеет определенные закономерности. При рассмотрении эмоций с точки зрения их коммуникативного значения на первый план выходит то, как эмоции манифестируются, а не то, испытывается ли эта эмоция говорящим в действительности. В ряде коммуникативных ситуаций, например, в случае пространственной удаленности партнеров или ретроспективной манифестации эмоций наблюдается трансформация непроизвольного эмоционального реагирования в новую форму – контролируемую манифестацию эмоций. При этом происходит симуляция эмоции на основе когнитивной модели, усвоенной в процессе социализации [Анищенко, 2019].

Эмоции выполняют в первую очередь функцию оценки. Испытываемые эмоции являются основанием для формирования определенного отношения к предметам и явлениям окружающей действительности. Таким образом, эмоции определяют аксиологическое поведение человека, а оно в свою очередь влияет на конкретные поступки индивида. В этой связи Рейнхард Филер предлагает считать любое суждение, выражающие эмоцию, оценочным [Fiehler, 2008]. Кроме того, исследователями признается связь эмоций с мышлением и познанием [Pessoa, 2008].

Эмотивной лексике в науке о языке, как и самим эмоциям в психологии, долго не уделялось должного внимания. Ранее эмоциональная сторона знака противопоставлялась его языковой стороне, то есть выдвигалась идея о том, что знаки, служащие передаче эмоций, несут мало информации в языковом плане. Сейчас же в лингвистике эмоций существует положение о том, что определенные знаки, будучи «эмоционально заряженными», несут в себе больше информации, чем эмоционально нейтральные. При этом подчеркивается, что потенциал к выражению эмоций имеют все лексемы и этот потенциал раскрывается в дискурсе [Шаховский, 2008].

Единицы языка, выражающие эмоции, называются эмотивами. В рамках исследования мы

понимаем данный термин так, как он был определен в трудах В. И. Шаховского, а именно как «языковую единицу, в семантической структуре которой имеется эмоциональная доля в виде семантического признака, семы, благодаря чему эта единица адекватно употребляется всеми носителями языка для выражения эмоционального состояния говорящего» [Шаховский, 2012, с. 25]. Однако не все лексические единицы, использующиеся для выражения эмоций, являются эмотивами: лексика, лишь называющая эмоции (например, лексемы *радость*, *печаль* или *отвращение*), не является эмотивной, но ее можно обозначить как ассоциативно-эмотивную, так как она «не выражая эмоций, ассоциативно отсылает говорящего к сфере эмоций» [там же, с. 94].

Эмотивную лексику можно систематизировать по разным принципам. Ключевым является разделение всех эмотивов на аффективы и коннотативы. В первую группу входят единицы, выражающие эмоции говорящего «в наиболее чистом виде» (это могут быть междометия, бранная, вульгарная лексика, эмоциональные адресативы). Во вторую группу входят словообразовательные деривативы с аффиксами эмотивно-субъективной оценки, сленговая, жаргонная лексика, эмоционально-оценочные прилагательные и др. У этих единиц эмотивная семантика дополняет логико-предметный компонент значения.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ: СПЕЦИФИКА И РЕАЛИЗАЦИЯ

Материалом данного исследования послужили 20 документальных фильмов средней продолжительностью 15 мин. Фильмы повествуют о молодых людях, страдающих физическими недугами и расстройствами когнитивного и ментального спектра. Видео выходят еженедельно на канале TRU DOKU, курируемом контент-сетью *funk*[1]. Видео предназначены для широкой публики, которая, как правило, имеет ограниченное представление об обсуждаемых недугах и / или находится под влиянием стереотипов о данных проблемах. В фильме герой сам рассказывает о том, как развивалось его заболевание, как оно меняло его привычный образ жизни, как он к нему приспособился или даже нашел способ победить недуг. В кадре отсутствуют интервьюер; события и комментарии героя к ним представлены единым автобиографическим нарративом. Какой бы ни был диагноз, многие видео заканчиваются на положительной ноте, вселяя зрителю уверенность в том, что даже с самыми страшными проблемами жизнь продолжается [Анищенко, Тумасян, 2022]. Этот фактор является немаловажным при оценке значимости подобного контента, который уже несколько лет набирает популярность в немецкоязычном сегменте крупных социальных сетей [Wahl, 2018]. Согласно исследованиям, посвященным современной журналистике в Германии, материалы, освещающие проблемы от первого лица, демонстрирующие искренние эмоции участников, являются крайне востребованными среди молодой аудитории [Kapferer, 2020].

Составление истории собственной жизни представляет собой непростую задачу, поскольку подразумевает длительную рефлексию. Построение автобиографического нарратива ставит индивида перед дилеммой: уже совершенные действия ему хочется описать с учетом своих намерений, направленных на будущее; мотивы, побудившие к действиям, переосмысляются. По этой причине автобиографический нарратив сложно поддается верификации. Справедливо, однако, отметить, что для реконструкции самоидентичности рассказчиков исследователю не требуется уточнять, насколько правдив его рассказ. Важнее – как можно подробнее раскрыть, каким рассказчик хочет видеть свою жизнь.

Дж. Брунер выдвигает гипотезу о том, что каждый индивид со временем вырабатывает для себя определенный инвентарь способов концептуализации событий своей жизни и лексем, с помощью которых эти события описываются в коммуникации. Данные способы концептуализации и набор языковых средств встраиваются в самосознание индивида. Исследователь приходит к выводу: жизнь проживаемая неотделима от жизни пересказываемой [Bruner, 2004].

Другие исследователи также отмечают двойственную сущность нарратива, в том числе автобиографического, а именно то, что он является одновременно и «ретроспективным, и проспективным» [Schiffrin, 2006, с. 335]. Данное положение означает, что для того, чтобы история, в том числе персональная, была связной, она должна иметь отсылки как событиям прошлого, так и прогнозировать возможное развитие описываемых обстоятельств в будущем. Это замечание указывает на то, что для более точного воссоздания ментального образа, транслируемого в автобиографическом нарративе героя в связи с отдельным событием, необходимо учитывать более широкий контекст, в рамках которого о событии повествуется [Prior, 2011].

Дискурсивный подход к анализу автобиографического нарратива позволяет выявить, как участники проекта относятся к социальным условиям и культурному контексту, в котором они живут. Если перед исследователем стоит задача понять, как происходит конструирование идентичности рассказчика и как реализуется интерактивная функция

[1]TRU DOKU – funk. URL: https://www.funk.net/channel/tru-doku-12074

автобиографического повествования, первостепенным для анализа будет не то, о каких событиях повествует автор, а то, как данные события были концептуализированы в его сознании [Perrino, 2005]. Это означает, что исследователь должен пытаться проследить, какие языковые средства рассказчик считает наиболее эффективными для того, чтобы представить определенные события и явления в своей автобиографии.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Документальные фильмы для анализа были подобраны методом сплошной выборки. Целью анализа было определить, насколько широко лексика, вербализующая эмоциональные концепты, представлена в исследуемом материале, а также насколько велика доля собственно эмотивной лексики. Кроме того, исследование поставило перед собой задачу выявить закономерности употребления эмотивной лексики в соотнесении с различными структурными элементами нарратива. На первом этапе анализа в текстах героев фильмов, были идентифицированы лексемы, отсылающие к эмоциональному состоянию говорящего. Затем данные лексемы были распределены на три группы: ассоциативно-эмотивная лексика и собственно эмотивная лексика, включающая коннотативы и аффективы. На следующем этапе эмотивная и ассоциативно-эмотивная лексика анализировалась в соотношении с контекстом, исследовалась корреляция между использованной лексемой и микротемой в нарративе. Наконец, употребление эмотивов рассматривалось с точки зрения их места в структуре нарратива.

Рассмотрим распределение выявленных эмотивов по трем группам по признаку наличия или отсутствия в них эмоционального компонента. Ассоциативно-эмотивная лексика в речи героев фильмов представлена следующими лексемами: *Freude*, *Angst*, *Erleichterung*, *Trauer*, *Schock*, а также производными прилагательными, глаголами и причастиями, например: *war / bin erleichtert*, *ich freu mich*, *bin froh*, *X macht mich traurig*, *wütend*, *nervös*, *bin / war stolz*, *X hat mich geschockt*, *war verzweifelt*, *bin glücklich*, *etwas bereuen* и др. Приведем несколько примеров:

1) Das war schon am ersten Schultag so, dass ich nach Hause gekommen bin, ich bin zu meiner Mama gelaufen, und ich hab wirklich *vor Freude* geweint und meinte: „Mama, ich bin nicht doof“ (*радость* – эмоция девушки-легастеника, когда она осознала, что может хорошо учиться).

2) Es war halt … ja, weiß nicht, einfach *Erleichterung* so. Dass ich halt endlich weiß, was mit mir los ist (*облегчение* – эмоция героини, страдающей дискалькулией, при получении диагноза).

3) Ich hab am Anfang schon über Lebenserwartung recherchiert. Und die Zahl, die draufstand, hat mich schon erst mal *geschockt* (*шок* – эмоция участницы, у которой диагностировали атаксию Фридрейха, когда она узнала среднюю продолжительность жизнь людей с таким диагнозом).

4) Früher war ich *traurig* drüber, wo ich das gesehen hab. Aber jetzt eigentlich nicht. Ich bin *froh*, dass ich die Zeit so genutzt hab (*грусть* и *радость* – эмоции той же героини, которые она в разное время испытывала в отношении своего окружения).

Герои фильмов также используют обозначение *emotionale Last* и производные от него *belastet / belastend* для обозначения комплекса негативных эмоций, которые они испытывают:

Der Umzug war für mich sehr wichtig. Weil es *eine emotionale Last* ist, die von mir abfiel (здесь незрячая героиня говорит *об эмоциональной нагрузке*, которую она испытывала, находясь в окружении, которое ее не принимало).

Примеры контекстов, в которых используются коннотативы, оказались более многочисленными. Два самых частых случая использования этого типа эмотивов – это прилагательные, реже существительные и глаголы, характеризующие происходящее и одновременно дающие оценку переживаемому, и усилительные наречия, которые добавляют экспрессии в рассказ о пережитых эмоциях, который сам по себе достаточно нейтрален. К первым относятся: прилагательные *cool*, *doof*, *super*, *toll*, *dumm*, *blöd* и др., глаголы *fertigmachen*, *unterkriegen*, *veräppeln,* существительные *Penguin-Gang*, *Katastrophe*, *Blödsinn*, *ein Haufe Scheiße*… Ко вторым – *total*, *mega*, *extrem*(*st*), *unglaublich*, *unheimlich*, *krass*, *super*, *wahnsinnig*, *richtig*, *entsetzlich*. Использование коннотативов объясняется также и тем, что все участники документальных фильмов являются представителями молодежи, для речи которых особенно характерна эмоциональность [Henne, 1986]. Факт сохранения редакторами данных элементов в речи участников проекта, как нам видится, призван расположить зрителя к героям фильмов: они говорят так же, как мы; они похожи на нас, им можно доверять. Рассмотрим контексты употребления коннотативов:

1) Mein Leben hat sich auf einmal *total plötzlich* verändert, als ich eine Dokumentation über

Autismus in Dänemark gesehen hab (так героиня описывает изменения в своей жизни при подтверждении диагноза аутизм).

2) Sie dachten halt teilweise, ich will sie *veräppeln* und ärgern, um Aufmerksamkeit zu bekommen. Ich hab schon teilweise wirklich geglaubt, dass ich einfach *dumm* bin. Und einfach zu dumm bin fürs Gymnasium (участница, страдающая дискалькулией, так описывает отношение ее одноклассников к ней и свое самоощущение, вызванное таким отношением).

3) Für mich war es *extrem* hart, nicht selbstständig meine Dinge zu tun (эмоции героя, пережившего кому, в период реабилитации).

4) Ich mach viel *Blödsinn*, ich versuch, einfach vieles auch mit Humor aufzunehmen (слова молодого человека, болеющего муковисцидозом, описывающие его отношение к жизни в момент повествования).

5) Ich hab dann Ende der achten Klasse beschlossen, mich nicht mehr *fertigmachen* zu lassen (высказывание девушки-колясочницы о ее решении не терпеть унизительное отношение к себе со стороны одноклассников).

Проанализированный материал содержит единичные примеры аффективов, представленных междометиями. Их малая доля связана с «недиалогичностью нарратива как формы коммуникации. Употребление междометий и эмоционально-оценочных слов в эмотивной функции может рассматриваться как маркер, сигнализирующий о переходе в эмоциональный мир автора» [Анищенко 2023, с. 13]. Тем не менее при изложении событий герои иногда будто вновь погружаются в описываемые ситуации, повторно испытывая определенные эмоции, а междометия демонстрируют их в чистом виде:

1) Hab dann erst mal gemerkt: *Wow*, ich hab doch Stärken.

2) Und dann dachte ich mir so: *Scheiße*, jetzt … jetzt ist vorbei. Jetzt kannst du gar nicht mehr laufen.

3) Und ich hab mich vor die Klasse gestellt und gesagt: *Ey*, jetzt reicht's. Ich merk's, ich bin nicht doof. Jetzt muss es aufhören.

Анализ контекстов, в которых используется каждый из типов эмотивной лексики, показывает, что ассоциативно-эмотивные лексемы чаще встречаются тогда, когда участники проекта говорят непосредственно о взаимодействии со своим диагнозом (реакция на новость о диагнозе, улучшение или ухудшение состояния и т. п.). Коннотативы используются в речи участников для передачи отношения к своему окружению или для оценки своих действий в прошлом. Лексемы обеих категорий помогают зрителю сформировать портрет каждого из участников. Данные представления о конкретных индивидах в свою очередь влияют на образ молодых людей с ОВЗ в социуме.

При анализе выделенных лексем в их соотношении со структурой нарратива была выявлена важная роль ассоциативно-эмотивной лексики. В автобиографическом нарративе данные лексемы характеризуют эмоции и чувства, переживаемые рассказчиком на каждом из описываемых этапов его жизни. В композиции нарратива переход от одного чувства к другому маркирует разные этапы развития отношения героя к проблеме, с которой он столкнулся. Как правило, в начале участник рассказывает о своем детстве, что связано с положительными эмоциями. Первое столкновение с симптомами заболевания связывается с эмоциями страха, шока. Затем – с грустью, вызванной непринятием со стороны окружения. Получение диагноза вызывает либо шок, либо облегчение, так как зачастую участники отмечают, что диагноз вносит ясность в происходящее. Названия переживаемых эмоций дополняют перечень симптомов заболевания, которые упоминаются в каждом видео. Поскольку крайне малая часть зрителей сталкивалась с подобной проблемой, каждый из геров видит необходимым максимально точно передать сущность проблемы, в том числе и на уровне чувств, которые она вызывает. Проследить подобную динамику можно на примере документального фильма о молодом человеке, который оказался на три недели в коме из-за лопнувшей аневризмы. Отметим, что в приведенных высказываниях ассоциативная-эмотивная лексика может дополняться коннотативами, в особенности усилительными наречиями *mega*, *total*:

1) Das hörte aber nicht auf, es ging dann zwei, drei Stunden lang so. Irgendwann war ich *total verzweifelt*, wusste nicht, was ich machen soll. Und …hab dann auch den Notruf gewählt (при длительном проявлении первых симптомов герой испытывает *отчаяние*).

2) Zum einen hat der Arzt sich halt gewundert, das ich halt immer wieder so im Sitzen so: eingeschlafen. Dann der Arzt wieder: „Herr Issel sprechen Sie mit mir." Dann wieder eingeschlafen,

das war *total verwirrend* (уже находясь в больнице, герой испытывает *смятение*, так как всё ещё не понимает, что с ним происходит, и не может получить объяснений от врача).

3) Ich war halt überall verkabelt, am ganzen Körper. Es war *schrecklich* (чувство ужаса сопровождает пребывание в больнице).

4) Das hatt ich jetzt immer, wenn ich das höre, grade von ihr ...dann hab ich das Gefühl, ich fühle in dem Moment erst die *Trauer*, die anscheinend in dem Moment im Raum gewesen sein muss (чувство *грусти* вызывают у героя рассказы его супруги о том, как они его навещали в период комы; интересно в этом и предыдущем фрагменте то, что герой физически не мог испытывать этих чувств в момент переживаемого, но позже восстановил полную картину происходящего, осознав ее в первую очередь через эмоции).

5) Meine Frau hat mir Kraft gegeben, weil sie bei mir war, und weil's ... glaub ich, in so'ner Situation einfach gut ist zu wissen, dass man Menschen an seiner Seite hat. Also, das *tat mir sehr gut* (в этом отрывке речь идет о положительных чувствах, вызванных у героя благодаря поддержке со стороны жены).

6) Es *fühlt sich total surreal an*, wieder hier unterwegs zu sein (данное чувство сопряжено с эпизодом выписки из больницы, здесь герой всё еще не может поверить в то, то пережил, и описывает это чувство как *сюрреалистичное*).

7) Ja, ich *freu mich mega*, dass das endlich zu Ende ist (*радость* – эмоция, связанная с окончанием курса лечения).

Приведенный выше пример демонстрирует следующую цепочку названий эмоций: отчаяние – смятение – ужас – грусть – радость, что соответствует основным этапам представленной в этом документальном фильме истории. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что лексика, объективирующая эмоциональные концепты, помогает структурировать автобиографический нарратив, дополняя другие средства когезии и когерентности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования мы можем сделать вывод, что речь героев документальных фильмов TRU DOKU, которая ввиду особенностей съемки частично подготовлена заранее, содержит большое количество эмотивных единиц, что соответствует стилю общения представителей данной социальной группы в реальной жизни. Данное обстоятельство усиливает доверие потенциального зрителя к представленным на канале TRU DOKU автобиографическим материалам.

В ходе анализа было установлено, что эмотивная лексика используется участниками документальных фильмов при объяснении их взаимодействия с собственным диагнозом, для оценки своего взаимодействия с окружением, а также оценки собственного поведения. Оценка всем этим аспектам жизни, даваемая участниками, формирует у зрителя образ молодых людей с ОВЗ. Эмотивный компонент в автобиографическом нарративе также выступает одним из структурирующих его элементов. Данную функцию выполняет в основном ассоциативно-эмотивная лексика, в меньшей степени – коннотативы. Названия эмоциональных состояний, в которых находится автор, вводят в нарратив новые логические этапы, которые соответствуют этапам в жизни повествователя и отражают динамику развития его отношения к поставленному диагнозу. Возвращаясь к идее взаимосвязи эмоций, коммуникации и познания, важно также отметить, что возможность представить свою историю широкому кругу зрителей позволяет участникам проекта TRU DOKU сформулировать и понять или, возможно, переосмыслить ход событий своей жизни и решения своих проблем.

В заключение подчеркнем, что понимание роли эмотивного компонента в автобиографическом устном нарративе молодых людей с ОВЗ позволяет раскрыть закономерности конструирования их самоидентичности. Это в свою очередь является важным шагом в направлении создания более инклюзивной и поддерживающей среды для этой группы. Исследования в этой области не только расширяют наше знание о коммуникации и выражении эмоций, но также способствуют формированию индивидуальных и коллективных идентичностей, а также улучшению качества жизни молодых людей с ОВЗ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hülshoff Th. Emotionen. Ernst Reinhardt Verlag, 2012.
2. Анищенко А. В. О влиянии информационной коммуникационной среды на процессы концептуализации эмоций // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 11 (827). С. 9–19.

3. Fiehler R. Emotionale Kommunikation / Rhetorik und Stilistik / Rhetoric and Stylistics. Halbband 1. De Gruyter Mouton, 2008.
4. Pessoa L. On the relation between emotion and cognition // Nature Reviews. Neuroscience. 2008. Vol. 9. P. 148–158.
5. Шаховский В. И. Что такое лингвистика эмоций // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2008. Вып. 12. С. 22–30.
6. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: монография. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
7. Анищенко А. В., Тумасян К. А. Вербализация ценностного концепта «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» в речи немецкоязычной молодежи (на материале репортажей TRU DOKU) // Филологические науки в МГИМО. 2022. Вып. 8 (4). С. 8–20.
8. Wahl T. Funk: Darum ist das junge Netzwerk von ARD und ZDF ein großer Erfolg. Berliner Zeitung. 2018. URL: https://www.berliner-zeitung.de/zukunft-technologie/funk-darum-ist-das-junge-netzwerk-von-ard-und-zdf-ein-grosser-erfolg-li.17504?pid=true
9. Kapferer B. Journalismus auf Augenhöhe? Zwei Experteninterviews zum Verhältnis jugendlicher Mediennutzung und öffentlich-rechtlichem Rundfunk in digitalen Zeiten // Jugendliche Mediennutzung und die Zukunft des Qualitätsjournalismus. 2020. P. 37–52.
10. Bruner J. Life as Narrative // Social Research. 2004. Vol. 71. No. 3. P. 11–32.
11. Schiffrin D. In Other Words: Variation in Reference and Narrative. Cambridge, 2006.
12. Prior M. Self-presentation in L2 Interview Talk // Applied Linguistics. 2011. Vol. 32/1. P. 60–76.
13. Perrino S. M. Participant transposition in Senegalese oral narrative // Narrative Inquiry. 2005. Vol. 15/2. P. 345–375.
14. Henne H. Jugend und ihre Sprache. Darstellung, Materialien, Kritik. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 1986.
15. Анищенко А. В. Россия глазами иностранца: эмотивные средства создания образа страны // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 9–15.

REFERENCES

1. Hülshoff, Th. (2012). Emotionen. Ernst Reinhardt Verlag.
2. Anishchenko, A. V. (2019). On the influence of information and communication environment on the processes of conceptualization of emotions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(827), 9–19. (In Russ.)
3. Fiehler, R. (2008). Emotionale Kommunikation / Rhetorik und Stilistik / Rhetoric and Stylistics, Halbband 1. De Gruyter Mouton.
4. Pessoa, L. (2008). On the relation between emotion and cognition. Nature Reviews. Neuroscience, 9, 148–158.
5. Shahovskij, V. I. (2008). What is linguistics of emotions. World of linguistics and communication: electronic scientific journal, 12, 22–30. (In Russ.)
6. Shahovskij, V. I. (2012) Kategorizaciya emocij v leksiko-semanticheskoj sisteme yazyka: monografiya = Categorization of emotions in the lexico-semantic language system. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM». (In Russ.)
7. Anishchenko, A. V, Tumasyan, K. A (2022). Verbalization of the value concept 'TOLERANCE" in the speech of German-speaking youth (on the material of TRU DOKU reports). Linguistics & Polyglot Studies, 8(4), 8–20. (In Russ.)
8. Wahl, T (2018). Funk: Darum ist das junge Netzwerk von ARD und ZDF ein großer Erfolg. Berliner Zeitung. https://www.berliner-zeitung.de/zukunft-technologie/funk-darum-ist-das-junge-netzwerk-von-ard-und-zdf-ein-grosser-erfolg-li.17504?pid=true.
9. Kapferer, B. (2020). Journalismus auf Augenhöhe? Zwei Experteninterviews zum Verhältnis jugendlicher Mediennutzung und öffentlich-rechtlichem Rundfunk in digitalen Zeiten. Jugendliche Mediennutzung und die Zukunft des Qualitätsjournalismus, 37–52.
10. Bruner, J. (2004). Life as Narrative. Social Research, 71(3), 11–32.
11. Schiffrin, D. (2006). In Other Words: Variation in Reference and Narrative. Cambridge.
12. Prior, M. (2011). Self-presentation in L2 Interview Talk. Applied Linguistics, 32/1, 60–76.
13. Perrino, S. M. (2005). Participant transposition in Senegalese oral narrative. Narrative Inquiry, 15/2, 345–375.
14. Henne, H. (1986). Jugend und ihre Sprache. Darstellung, Materialien, Kritik. Berlin/New York: Walter de Gruyter.

15. Anishchenko, A. V. (2023). Russia through the eyes of a foreigner: emotive means of creating the image of a country. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 9–15 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тумасян Карина Арамовна
преподаватель
кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tumasyan Karina Aramovna
Lecturer
at the Department of German Lexicology and Stylistics
German Language Faculty
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	11.03.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 82.01/.09

Женский субъект в стихах Анны Ахматовой и Форуг Фаррохзад

Наджафи Маеде

Российский государственный гуманитарный университет, Россия, Москва
Maedeh.najafi@mail.ru

Аннотация. В современном литературоведении возникновение гендерной теории и вопрос о специфике женского лирического субъкта в значении речи от лица женщины являются мало изученной темой. В данной работе женский лирический субъект рассматривается в стихотворениях двух знаковых поэтесс – представительниц русской и персидской литературы – Анны Ахматовой и Форуг Фаррохзад. В их стихах женский лирический субъект является творческим, активным, говорящим и мыслящим. В основе компаративного анализа – описание сходств и различий между их лирическими субъектами.

Ключевые слова: женский субъект, женский лирический субъект, персидская литература, Анна Ахматова, Форуг Фаррохзад, сравнительный анализ

Для цитирования: Наджафи Маеде. Женский субъект в стихах Анны Ахматовой и Форуг Фаррохзад // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 146–152.

Original article

The Female Subject in the Poetry of Anna Akhmatova and Forough Farrokhzad

Najafi Maedeh

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Maedeh.najafi@mail.ru

Abstract. In modern literary studies, the emergence of gender theory and the question of the specificity of the female lyrical subject in the meaning of speech in the person of a woman is an understudied topic. In this paper, the female lyrical subject is examined in the poems of two significant poets, representative of Russian and Persian literature, Anna Akhmatova and Foroug Farrokhzad. In their poems, the female lyrical subject is creative, active, speaking and thinking. The comparative analysis is based on the description of similarities and differences between their lyrical subjects.

Keywords: female subject, female lyrical subject, Persian literature, Anna Akhmatova, Forough Farokhzad, comparative analysis

For citation: Najafi, Maedeh (2024). The female subject in the poetry of Anna Akhmatova and Forough Farokhzad. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 146–152. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ В ПОНЯТИЕ «ЖЕНСКОГО ПИСЬМА»

Феномен «женского субъекта» имеет внелитературную историю. Неравенство между мужчиной и женщиной почти во всех сферах жизни, просуществовавшее без критической рефлексии вплоть до конца XIX века в подавляющем числе стран и обществ, привело к тому, что в конце XIX века. произошло массовое обращение к «женскому вопросу», в том числе и в литературе. В результате это повлекло общественные изменения и привело к появлению феминистской критики, под воздействием которой женщины постепенно приобрели независимость наравне с мужчинами (в той или иной степени).

Феминистский подход в изучении литературы, помимо социального смысла, проявил себя как продуктивная оптика обнаружения скрытых ранее аспектов устройства текста. Этот подход включает в себя анализ литературных произведений с учетом гендерных, социокультурных и политических аспектов. Феминистская критика стремится выявить и осознать идеологические, структурные и мировоззренческие аспекты художественных текстов, которые касаются пола и половых ролей.

Среди большого количества работ, которые были сделаны в рамках гендерной проблематики, в частности, понятия «женское письмо» ("écriture feminine"), начиная с 1970-х и до сих пор является актуальной темой. статья Марьи Рюткенен под названием «Гендер и литература: проблема "женского письма" и "женского чтения"» занимает особое место. В ней автор обращает внимание на рассуждения французских теоретиков-психоаналитиков Э. Сиксу и Л. Иригарэй, которые считали, что «западная рациональная философия приобрела значимость благодаря исключению женственного». В философском дискурсе, который связан и с литературным, «нет места для женственного, и сама фигура женщины связывается с пассивностью» [Рюткёнен, 2000, с. 3].

О женском стиле как «камне преткновения феминистской критики» и «наглядной демонстрации факта опережения практики теорией» писала С. Ю. Воробьева, подчеркивая, что следствием этого «является резкая дифференциация корпуса исследовательских работ, проводимых сегодня в русле гендерной теории: они, как правило, либо сугубо теоретичны, либо сконцентрированы вокруг одной частной проблемы и откровенно эмпиричны. Сокращение этого разрыва – насущная задача современных гендерных исследований в области поэтики» [Воробьева, 2013, с. 183].

Близким, но не тождественным понятию «женского письма», по мнению исследовательниц Л. Ч. Кумышевой и З. А. Кучуковой, является понятие «женской поэзии» и, шире, «женской литературы»; она «созданная самой женщиной, может поведать миру о подлинной женственности, изменяя тем самым мир и историю» [Кумышева, Кучукова, 2016, с. 19] .

Т. И. Сильман обратил внимание на значение события и героя при анализе лирического субъекта. Он рассуждает так: «Лирическое стихотворение – как тематически, так и в своем построении – отражает при этом особое, предельно напряженное состояние лирического героя, которое мы назовем "состоянием лирической концентрации" и которое уже в силу своей природы, "по заданию", не может быть длительным» [Сильман, 1977, с. 6].

Э. Шоуолтер считает, что женское письмо развивается и внутри и вне рамок традиционной *патриархальной* литературы[1] [Showalter, 1981]. Он выделяет некоторые общие темы в творчестве женщин-писательниц, такие как исследование женской идентичности, анализ социальных и культурных ограничений, с которыми сталкиваются женщины, и исследование женских отношений и солидарности. Об этом пишет и Р. Селден, подчеркивая, что по сравнению с обилием авторов-мужчин женщин-писательниц известно гораздо меньше и причиной такого «молчания» женской литературы являются сами мужчины. Начиная с XX века ситуация стала меняться и «потерянный континент женской литературной традиции ныне поднялся подобно Атлантиде в море английской литературы» [Selden, 1986, с. 135].

Персидский литературный критик Хоссейн Пайанде, комментируя представителей школы женской критики, таких как Шоуолтер, подчеркивал их равное внимание структуре и тематике произведений писательниц для более глубокого понимания психологической динамики женского письма и, шире, деятельности [Паянде, 2003, с. 144].

Исследование женского субъекта в литературе позволяет понять, как женщины изображаются и воспринимаются в литературе, а также какие гендерные стереотипы и нормы подтверждаются или анализируются через литературные тексты. Это также позволяет анализировать вопросы гендерного равенства, самоопределения и эмансипации женщин в литературном контексте.

В начале XX века с появлением термина «женская поэзия» проблематизировались особенности женской поэзии, знаки женского письма и смысл, который женщины-поэтессы либо скрывали за словами, либо напрямую передавали посредством стихотворной речи. XX век и в персидской, и в русской литературе является важным этапом, так как

[1]Это литературный жанр, который отражает ценности и мировоззрение патриархата. В произведениях этого жанра акцент делается на мужских героях, их действиях и достижениях, а женщины обычно играют второстепенные или зависимые роли.

общественные явления оказали существенное влияние на национальную литературу. За сравнительно короткий период времени произошла глубокая перемена в системе взглядов на литературное творчество. Внимание, обращенное как на идентичность женщины, так и на ее письмо, отразилось и в литературе. В статье будет проведен сопоставительный анализ лирики двух поэтесс – Анны Ахматовой и Форуг Фаррохзад.

ЖЕНСКИЙ СУБЪЕКТ В ПОЭЗИИ АХМАТОВОЙ И ФАРОХЗАД

Анна Ахматова (1889–1966) и Форуг Фаррохзад (1935–1967) были признаны не просто выдающимся поэтессами, но и одними из значительных голосов русской и персидской поэзии XX века. Женский лирический субъект у Фаррохзад и Ахматовой выражается при помощи местоимения «я», повествование ведется от первого лица. Анализ стихотворений Ахматовой показывает тем не менее, что местоимение «я» не всегда определенно представляет женский взгляд и позицию, напротив – часто выражаются не гендерно обусловленные, но общие для всех переживания, в том числе связанные с исторической коллективной травмой, что наблюдается, например в «Поэме без героя»:

Я аукалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
<...>
Я не знаю, который год —
Ставший горстью лагерной пыли,
Ставший сказкой из страшной были,
Мой двойник на допрос идет.

А. Ахматова. Поэма без героя, 1961

По мнению Л. Я. Гинзбург, поэзия Ахматовой не являлась поэзией «переносных смыслов» – «значения слов не изменены метафорически, но резко преобразованы контекстом, сложным и смелым отбором, выделением, соотнесением неожиданных признаков» [Гинзбург, 1974, с. 334], что в целом характеризует течение акмеизма, ярчайшим представителем которого выступала поэтесса.

Анализ стихотворений Форуг Фаррохзад выявляет сходство между ее поэзией и поэзией Ахматовой в плане выражения лирического субъекта от первого лица и употребление местоимения «я», например, в этом стихотворении:

فردا اگر ز راه نمی آمد
من تا ابد کنار تو میماندم
من تا ابد ترانه ی عشقم را
در آفتاب عشق تو میخواندم

فرخزاد فروغ، رستاخیز،تهران، امیر کبیر، 1355
Фаррохзад Ф. Восстание. Тегеран: Амир Кабир, 1976.

Если он вернется завтра,
Я останусь с тобой навсегда,
Песню о своей любви
При свете твоей любви я спою[1].

Другим сходством двух поэтесс является разнообразие тематик – помимо ярко отмеченных любовных переживаний обращает на себя внимание отчетливая рефлексия конечности жизни. В стихах Ахматовой «Я научилась просто, мудро жить...» это передается посредством имплицитного рассказа о превращении из девочки в женщину, что эксплицитно передается такими выражениями женского лирический субъекта, как «ненужная тревога», «тленная жизнь», «утомить тревогу»:

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.
Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной...

А. Ахматова. Стихотворения и поэмы, 1961

Лирическая героиня Фаррохзад также осмысливает прожитую жизнь, и в отличие от Ахматовой, у которой жизнь состоит из различных явлений ментального и окружающего мира, таких как «Бог», «овраг с лопухами», «желто-красная рябина», – в стихах персидской поэтессы отчетливо выделяется любовь как эссенциальная составляющая жизни:

وقتی که زندگی من
هیچ چیز نبود
هیچ چیز به جز تیک تاک ساعت دیواری
دریافتم
باید، باید، باید
دیوانه وار دوست بدارم
کسی را که مثل هیچ کس نیست

فرخزاد فروغ، مجموعه اشعار فروغ فرخزاد، چاپ دوم، تهران، شقایق، 1379
Фаррохзад Ф. // Сборник стихов. 2-е изд. Тегеран. Шагаег. 2001.

Когда моя жизнь
Стала лишь
Тиканьем настенных часов,
Я поняла:
Мне нужно, нужно, нужно
Безумно любить
Того, кто ни на кого не похож.

[1]Зд. и далее MS наш. – *М. Н.* В иранской поэзии традиционно знаки препинания используются только в исключительных случаях и употребляются скорее для расстановки дополнительных акцентов. В русском переводе используется нормативная пунктуация.

Впрочем, любовное переживание характерно и для лирики Ахматовой, и в стихотворении «Любовь» выражается значение этого чувства как пути от страданий к полноте жизни:

В моей душе нет места для страданья
Моя душа — любовь.
Она разрушила свои желанья,
Чтоб воскресить их вновь.

А. А. Ахматова Собр. соч.: в 6 т. Т. 1, 1998

Одиночество и печаль также входят в общие темы для лирики Фарохзад и Ахматовой, интерпретация которых может ограничиваться личным опытом, а может быть следствием внешних событий, что особенно важно подчеркнуть при разговоре о женской прозе и всего феминистического поворота. Д. Ашури применительно к Ирану писал, что «литературное произведение искусства — продукт сознания автора, но также результат влияния коллективной культурной среды и исторического контекста» [Ашури, 2007, с. 3]. Одиночество как одна из основных проблем человеческого существования актуализируется в начале XX века на фоне разрушения старых норм, традиций, так что поиск новых ориентиров для взаимодействия с окружающим миром происходит как в общественно-политической жизни, так и в искусстве и поэзии.

Анализ стихотворений Фарохзад показывает, что прилагательное «одинокий» (تنها) встречается в ее стихах около 60 раз, а слово «уставший» (خسته) повторяется около 57 раз, что говорит о важности этой темы для лирического мира ее поэзии [Хасаннпур Алашти Хоссейн, Делавар Парване, 2008]. Тема одиночества выражается, например, в следующих стихах:

در شب کوچک من، افسوس
باد با برگ درختان میعادی دارد
در شب کوچک من دلهرهٔ ویرانیست
گوش کن
وزش ظلمت را میشنوی؟
من غریبانه به این خوشبختی مینگرم
من به نومیدی خود معتادم

فرخزاد فروغ، مجموعه اشعار فروغ فرخزاد، چاپ دوم، تهران، شقایق، 1379
Фаррохзад Ф. Сборник стихов. 2-е изд. Тегеран: Шагаег, 2001.

В моей маленькой ночи, увы,
Ветер с листвою деревьев вступает в связь.
В моей маленькой ночи — страх разрушений
Прислушайся:
Слышишь ли ты дуновение тьмы?
Я робко гляжу на это счастье,
Я привыкла к своему отчаянью.

Лирическая героиня Фаррохзад в одиночестве обретает способность видеть тонкую связь между явлениями и хрупкость жизни. Эта амбивалентность выражена сочетанием слов «счастье» и «отчаяние». Героиня у Ахматовой тоже ощущает противоречивость чувств в одиночестве, употребляя прилагательное «святое» и далее упоминая «ад»:

О, святое мое одиночество — ты!
И дни просторны, светлы и чисты,
Как проснувшийся утренний сад.
Одиночество! Зовам далеким не верь
И крепко держи золоту дверь,
Там, за нею, желанный ад.

А. А. Ахматова. Стихотворения и поэмы, 1990

В стихотворении Ахматовой «Когда лежит луна ломтем» в соотношении внешнего («черный кот», «глаз столетий») и внутреннего мира и их отчетливой границы («зеркало») передается одиночество лирической героини:

Но я не встрепенусь, не испугаюсь даже
Здесь одиночество меня поймало в сети.
Хозяйкин черный кот глядит, как глаз столетий,
И в зеркале двойник не хочет мне помочь.
Я буду сладко спать. Спокойной ночи, ночь.

А. А. Ахматова. Стихотворения и поэмы, 1990

У Ахматовой и Фаррохзад лирическая героиня говорит и определяет свое место в мире. Персидская поэтесса в своем – пусть и недолгом – творчестве выражает протест против патриархальной культуры ее общества и унижения женщин в прошедшие эпохи – ее женский лирический субъект эмоционален, порывист и намеренно откровенен, что особенно вызывающе для иранского мира и классической, по преимуществу мужской, персидской поэзии. Фаррохзад можно считать создательницей женского поэтического языка современного Ирана, поскольку она передала менталитет и эмоции женщин, ранее не проявлявшиеся в публичной культуре, в область романтической поэзии и создала новые любовные эмоции в области персидской поэзии. В стихах Фаррохзад женщина предстает героем, который отказывается подавлять свои эмоции и желания и смело выражает их. Она также видит себя выше земных желаний и находится в поисках вечного и небесного чувства. В стихотворении «Побег и боль», героиней которого является женщина, волнение и растерянность перед силой любви и отказ скрывать желания, страсти и стремления выражены прямо и могут быть названы «программой лирического субъекта — устранить связи и

препятствия и достичь той прямоты выражения душевных переживаний, чтобы можно было равнозначно говорить и о собственных чувствах, и о судьбах всех женщин» [Клишторина, 2001, с. 156].

Фаррохзад была нарушительницей табу персидской литературы и иранского общества того времени – в ее время для женщин было неприемлемо выражать свою любовь к мужскому полу, но она писала стихи и письма своему возлюбленному и может быть отнесена не только к представительнице женской поэзии, но и одной из ведущих фигур феминистского течения в литературе как Ирана, так и мира.

Героиня у Ахматовой и Фаррохзад несет любовь, а разрыв Фаррохзад с традицией в создании поэзии представляет собой критику и протестное поведение, целью чего является уменьшение всеобъемлющих противоречий и гендерной дискриминации, придание ценности человеку как надгендерной идентичности. В одном из своих писем отцу персидская поэтесса указывает на этот разрыв: «Я хотела написать вам обо всех своих чувствах, боли и страданиях, но не могла и не могу, потому что, когда основы наших мыслей и убеждений находятся в разных временах, как мы можем создать чувство взаимопонимания между двумя обществами, разными по условиям? Моя большая боль в том, что ты никогда не узнаешь меня и никогда не хотел меня узнать» [Джалали, 1996, с. 117].

Поэзия Фаррохзад по праву может считаться поэзией политической – ее лирическая героиня возражает против патриархального отношения к женщинам, против их молчания — это высшая форма рабства (о чем писала и Г. Ч. Спивак применительно к женщинам Индии), и женщины общества на протяжении многих лет ассоциировались с таким молчанием [Яздани, 2001].

آیا در این دیار کسی هست که هنوز
از آشنا شدن به چهره فنا شده خویش
وحشت نداشته باشد ؟
آیا زمان آن نرسیده ست
که این دریچه باز شود باز باز باز
که آسمان ببارد
و مرد بر جنازه مرد خویش
زاری کنان
نماز گزارد؟

فرخزاد فروغ، مجموعه اشعار فروغ فرخزاد، چاپ دوم، تهران، شقایق، 1379
Фаррохзад Ф. Сборник стихов. 2-е изд. Тегеран: Шагаег, 2001.

Разве в этом краю есть кто-нибудь еще,
знакомством со своим же стертым лицом
Напуганный?
Разве не время,
Чтобы это окошко снова открылось?
Чтобы пролился дождь?
И человек над своим мертвым телом,
Рыдая,
Помолился?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведя сравнительный анализ ведущих мотивов в лирике Ахматовой и Фарохзад, можно выделить следующие положения. Их лирический субъект выражается больше от первого лица при помощи местоимения «Я» и является обобщенным. У обеих поэтесс отчетливо выражены темы любви, одиночества, тревоги и переживаний, объединенные женским лирическим субъектом в рассказ о женщине как универсальном голосе постижения бытия. Проявленная же за уровень художественного высказывания феминистическая позиция характерна более для стихов и жизни Фарохзад, нежели Ахматовой, и требует дальнейшего сравнительного изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рюткёнен М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки. 2000. № 3. С. 5–17.
2. Воробьева С.Ю. Проблема «женского стиля» в литературоведении (гендерный аспект) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 87–91.
3. Кумышева Л. Ч., Кучукова З. А. Этногендерный аспект романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза»// Литературное обозрение: история и современность. 2016. № 6. С. 19–21.
4. Сильман Т. И. Заметки о лирике. М.: Советский писатель, 1977.
5. Showalter, E. Feminist criticism in the wilderness // Critical Inquiry. 1981. № 8 (2): Writing and Sexual Difference.
6. Selden R. A Reader's Guide to Contemporary Literary Theory. UP of Kentucky. London: Longman 1986.
7. پاینده حسین، نقد ادبی، مجموعه مقالات، تهران: روزگار، 1381،
   Паянде Х. Критический дискурс: сборник статей. Тегеран: Рузгар, 2023. С. 144.
8. Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд., доп. Л.: Советский писатель, 1974.

9. آشوری داریوش، عرفان و رندی در اشعار حافظ، چاپ هفتم، تهران،1385،
Ашури Д. Эрфан и ренди в поэзии Хафеза. 7-е изд. Тегеран. 2007.

10. حسن پور آلاشتی حسین، دلاور پروانه، عناصر سبک ساز در موسیقی شعر فروغ فرخزاد،
ادبیات فارسی دانشگاه آزاد مشهد شماره 18، 1387،
Хасанпур Алашти Хоссейн, Делавар Парване. Стилистические элементы в музыке поэзии Форуг Фаррохзад. 2008.

11. جلالی بهروز، جاودانه زیستن در اوج ماندن فروغ فرخزاد، تهران: مروارید، 1377،
Клишторина В. Новая поэзия в Иране. перевод Хомаюн Тадж Табатабаи. Тегеран: Негах. 2001.

12. جلالی بهروز، جاودانه زیستن در اوج ماندن فروغ فرخزاد، تهران: مروارید، 1377،
Джалали Бехруз. Жить вечно, оставаться на вершине. Тегеран: Морварид. 1996.

13. یزدانی زینب، زن در شعر فارسی، تهران، 1381،
Яздани З. Женщина в персидской поэзии. Тегеран, 2001. С. 228.

REFERENCES

1. Rytkenen M. (2000). Gender and literature: the problem of “women’s writing” and “women’s reading”. Philological sciences, 3, 5–17. (In Russ.)
2. Vorobyeva, S. Yu. (2013). The Problem of “Feminine Style” in Literary Criticism. Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Philology Journalism, 4(13), 87–91. (In Russ.)
3. Kumysheva, L. Ch., Kuchukova, Z. A. (2016)/ Etnogendernyy aspekt romana Guzel’ Yakhinoy “Zuleykha otkryvayet glaza” = The Ethno-Gender Aspect of the Novel Zuleikha is Opening Her Eyes by Guzel Yakhina. In: Literaturnoye obozreniye: istoriya i sovremennost’, 6, 19–21. (in Russ.)
4. Silman, T. I. (1977). Zametki o lirike = Notes on lyrics (p. 6). Moscow: Sovetskij pisatel’. in Russ.)
5. Showalter. E. (1981). Feminist criticism in the wilderness. Critical Inquiry: Writing and Sexual Difference, 8(2), 202.
6. Selden R. (1986). A Reader’s Guide to Contemporary Literary Theory. UP of Kentucky. London: Longman.
7. پاینده حسین، نقد ادبی، مجموعه مقالات، تهران: روزگار، 1381،
Payandeh H. (2003). Critical discourse, collection of articles (p. 144). Tehran, Ruzgar
8. Ginzburg, L. (1974). O lirike = About the lyrics. 2nd ed. Leningrad: Sovetskii pisatel’. (In Russ.)
9. آشوری داریوش، عرفان و رندی در اشعار حافظ، چاپ هفتم، تهران،1385،
Ashuri, D. (2007). Erfan and randi in the poetry of Hafez, 7th ed. Tehran.

10. حسن پور آلاشتی حسین، دلاور پروانه، عناصر سبک ساز در موسیقی شعر فروغ فرخزاد،
ادبیات فارسی دانشگاه آزاد مشهد شماره 18، 1387،
Hasanpour, Alashti Hossein, Delavar, Parvaneh (2008). Stylistic elements in the music of Forough Farrokhzad’s poetry, Persian Literature, Azad University of Mashhad, 18, 35.

11. جلالی بهروز، جاودانه زیستن در اوج ماندن فروغ فرخزاد، تهران: مروارید، 1377،
Klishtorina, V. (2001). New poetry in Iran, translation by Homayoun Taj Tabatabaei. Tehran: Negah.

12. جلالی بهروز، جاودانه زیستن در اوج ماندن فروغ فرخزاد، تهران: مروارید، 1377،
Jalali, B. (1996). Zhit’ vechno, ostavat’sja na vershine = Live forever, stay on top. Tehran: Morvarid.

13. یزدانی زینب، زن در شعر فارسی، تهران، 1381،
Yazdani Z. (2001). Женщина в персидской поэзии = Woman in Persian poetry. Tehran.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наджафи Маеде
аспирант кафедры теоретической и исторической поэтики
Института филологии и истории
Российского государственного гуманитарного университета
ORCID ID: 0000-0002-5493-6926

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Najafi Maedeh
Postgraduate Student
at the Department of Theoretical and Historical Poetics
the Institute of Philology and History
Russian State University for the Humanities
ORCID ID: 0000-0002-5493-6926

Статья поступила в редакцию	05.04.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	30.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.161.1

Онейрические мотивы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина: сон как путешествие

Сунь Вэньцзюнь

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай
sunventszyun@yandex.ru

Аннотация. Статья содержит комплексный анализ онейрических мотивов в ранней прозе Гоголя и в сборнике фантастических рассказов Пу Сунлина. Определяются общие мотивы для последующего сравнительного изучения и интерпретации. Делается вывод о том, что в творчестве обоих писателей сон является не только особым физиологическим и психологическим состоянием, но и путешествием персонажей в потусторонний мир.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, Пу Сунлин, сновидение, русская литература, китайская литература, сравнительное литературоведение, фантастика

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке стипендии Правительства Шэньчжэня и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

Для цитирования: Сунь Вэньцзюнь. Онейрические мотивы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина: сон как путешествие // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 153–158.

Original article

Oneiric Motifs in Nikolai Gogol's "Evenings on a Farm Near Dikanka" and Pu Songling's "Strange Tales from a Chinese Studio": Dreaming as a Journey

Sun Wenjun

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China
sunventszyun@yandex.ru

Abstract. The article contains a comprehensive analysis of oneiric motifs in Gogol's early prose and in Pu Sunlin's collection of fantasy stories. Common motifs are identified for further comparative study and interpretation. It is concluded that in the works of both writers, sleep is not only a special physiological and psychological state, but also a journey of the characters into the otherworld.

Keywords: N. Gogol, Pu Songling, dream, Russian literature, Chinese literature, comparative literature, fantasy

Acknowledgments: The study was supported by Shenzhen Municipal Government and Shenzhen MSU-BIT University.

For citation: Sun, Wenjun. (2024). Oneiric motifs in Nikolai Gogol's "Evenings on a farm near Dikanka" and Pu Songling's "Strange tales from a Chinese Studio": dreaming as a journey. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 153–158. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Анализ творчества русского писателя-классика Н. В. Гоголя и выдающегося китайского прозаика рубежа XVII–XVIII века Пу Сунлина имеет давнюю историю в соответствующих научных традициях. Произведения Гоголя анализировали в своих работах В. И. Шенрок и Н. С. Тихонравов (конец XIX века), а в Китае еще при династии Цин поэтику и стилистику Пу Сунлина стали изучать в трудах выдающихся ученых Фэн Чжэньлуаня (冯镇峦), Дань Минлуня (但名伦) и Цзи Сяоланя (纪晓岚).

Для того чтобы обосновать возможность исследования творчества двух писателей, принадлежащих различным культурам, различным эпохам, различным литературным традициям и жанрам, необходимо обратиться к теории сравнительного литературоведения. Классическая компаративистика, отталкиваясь от учения позитивистов, полагала, что единственной причиной для появления необусловленных генетических сходств становится тождество или близкое сходство общественных отношений (А. Н. Веселовский, Н. Познетт и их французские современники). Позднее концепция марксизма расширяет диапазон понимания сравнительного литературоведения благодаря представлению о культуре как порождении экономических отношений (об этом классические советские работы В. М. Жирмунского, Б. Г. Реизова, Д. Дюришина). Компаративистика второй половины XX – начала XXI века предполагает значительную активность сознания исследователя, способного благодаря логике и эрудиции проводить рациональные и методологически обоснованные сопоставления текстов, принадлежащих различным культурам. Принцип сравнения в таких исследованиях основан на классической греческой философии, которая признает сравнение естественной и необходимой чертой человеческого мышления: А. Н. Веселовский (1940), N. Posnett (1886), В. М. Жирмунский (1979), Д. Дюришин (1979), D. Damrosch (2020).

В своей монографии Е. М. Болдырева указывает на то, что российско-китайские литературные параллели осуществляются в трех основных формах. Первая является самой распространенной: основываясь на генетической связи и поиске творческих перекличек между российскими и китайскими писателями, автор предлагает концепцию «писателей-двойников»; второй подход российско-китайского литературного диалога состоит в обнаружении мотивных параллелей между произведениями русских и китайских авторов в рамках типологических связей; третье направление исследования этого диалога заключается в анализе функционирования вечных и «странствующих» сюжетов и образов в русской и китайской литературе [Болдырева, 2023]. Таким образом, изучение произведений Н. В. Гоголя и Пу Сунлина возможно в рамках последних двух типологических подходов.

Книга «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и новеллистический сборник «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина отличаются интенсивной работой авторов с фольклорным и литературным материалом, а также интересом к фантастике и народной демонологии, яркостью красок в изображении бытовых сюжетов [Евдокимов, 2018]. Кроме того, при сопоставлении фантастической прозы обоих писателей естественным образом выявляется множество значимых для художественных миров Гоголя и Пу Сунлина типологических сходств. Среди них можно отметить широкий спектр порой имеющих параллели мифологических и народно-демонологических мотивов, а также схожую типологию литературных героев (например, молодые мужчины, вступающие в контакт с иноприродной силой; юные девушки, воплощающие собой соблазнительный характер инфернального; животные, маркирующие присутствие запредельного, и пр.) и сюжетов (ноктюрнальный переход в иномирную реальность; разрушительное соблазнение героя «темной» стороной; преступление, мотивированное отходом от религиозного закона, и соответствующее наказание и т. д.). В целом можно отметить характерное для Гоголя и Пу Сунлина мистическое восприятие реальности и наличие религиозного (в частности, религиозно-этического) измерения в их произведениях. Сравнение поэтики этих двух классиков позволяет лучше понять уникальность и своеобразие творчества каждого из них. С этой точки зрения, а также исходя из расширяющегося и углубляющегося в последние десятилетия взаимного интереса русской и китайской культур, типологическое изучение фантастической прозы Гоголя и Пу Сунлина представляется нам чрезвычайно актуальным. В данной статье мы концентрируем внимание на онейрических мотивах в творчестве этих писателей – как мотивах интегральных, объединяющих многие составляющие художественных миров Гоголя и Пу Сунлина.

К ПРОБЛЕМЕ ПОЭТИКИ СНА У ГОГОЛЯ И ПУ СУНЛИНА

Описание сновидений представляет собой распространенный литературный прием, который может служить ориентиром для компаративистского исследования фантастических произведений. В творчестве Гоголя и Пу Сунлина встречаются частые обращения к мотиву сна.

Переосмысление и переработка первоначальных материалов является неотделимой частью их творческой работы. В предисловии к сборнику «Странные истории из кабинета неудачника» синолог В. М. Алексеев пишет о том, что сюжеты рассказов давно уже вошли в репертуар народных сказителей [Пу Сунлин, 2023]. Пу Сунлин широко опирается на народную фольклорную традицию. Большое количество сюжетов и приемов о сновидениях относятся к традиции предыдущих эпох (дин. Тан – новеллы *чуаньци*). Часто внимание писателя обращено к национальным истокам: Гоголь переносит в свои повести народные предания (как оригинальные, так и уже интерпретировавшиеся европейскими и русскими писателями). При создании «Вечеров» Гоголь засыпает мать просьбами рассказать ему о поверьях, страшных сказаниях, преданиях, анекдотах [Гиппиус, 1966]. Кроме того, он рано осознает необходимость использовать для своей фантастической прозы специфический, черпающий элементы барокко и романтизма, витиеватый стиль. По мнению Ю. В. Манна, мотив сна становится одним из излюбленных мотивов эпохи романтизма, поскольку с его помощью маскировалась «другая жизнь», т. е. элементы фантастического или мифологического [Манн, 2007]. Последнее труднее представить у Пу Сунлина, поскольку тема сновидений в «Рассказах Ляо Чжая» используется во многом для отражения действительности. Как указывает в своей работе литературовед Ма Жуйфан, «важная черта “Ляо Чжая”» – использование мотива сна для сатирического обличения алчности и безжалостности» [马瑞芳, 2016, с. 144].

У Гоголя онейрические элементы «Вечеров» получают романтическое освещение. Граница между явью и сном в духе немецкой новеллистики Э. Т. А. Гофмана и Л. Тика замаскирована: события сна описываются как реальные [Манн, 2007]. В повести «Майская ночь, или Утопленница» герой-сновидец Левко видит сон о бедной утопленнице, дочке сотника. Мачеха-ведьма затуманила рассудок ее отца, и он выгнал свою несчастную дочь из дома. Гонимая сирота находит покой в волнах. Парубок во сне выполняет просьбу панночки и получает наградную записку. Отправляя своего героя в онейрическое пространство, Гоголь гармонично сочетает мир реальный и мир инфернальный, а границы между «своим» и «чужим» хронотопом оказываются проницаемы. Подобный мотив сна также проявляется в «Пропавшей грамоте». Дед проникает в бесовское пекло во сне и возвращается в реальность также с помощью сна. Его границы в то же время являются границами пространства нечистой силы.

В «Рассказах Ляо Чжая» также встречается мотив сна: сон в сборнике становится дорогой, ведущей людей в мир сверхъестественных сил. Схожее наблюдение делает В. М. Алексеев, подчеркивая, что все рассказы Ляо Чжая затрагивают исключительно соединение видимого мира с невидимым посредством бесов, оборотней, лисиц, сновидений и т. д. [Пу Сунлин, 2023].

Проиллюстрируем это примером из новеллы Пу Сунлина «Лисий сон» (《狐梦》). В ней рассказывается история главного героя, полюбившего во сне лисицу. Студент Би Иань по своей должности знает о заклинании духов и с большим увлечением изучает жизнь лисиц. Однажды он во сне неожиданно сталкивается с демоническим существом – Третьей лисицей. При этом Би Иань также видит во сне, как пирует с сестрами лисицы. У Пу Сунлина, как и у Гоголя, граница между сном и явью размывается. Студент Би так же неотделим ото сна и реальности, как гоголевский герой Левко:

> И вдруг Би открыл глаз: проснулся – все это было только сном. И все-таки в носу и во рту стоял густой винный дух [там же, с. 58].

ТИПОЛОГИЯ СНОВИДЕНИЙ У ГОГОЛЯ И ПУ СУНЛИНА

Представления о душе в русских и китайских народных верованиях во многом сходны. Так, в обеих народных культурах существует сюжет о том, что во время сна душа может временно покидать тело и блуждать по загробному лабиринту, но не по собственному желанию, а подчиняясь колдовству. В новелле «Оживший Ван Лань» (《王兰》) показан эпизод увода души девушки во сне посредством колдовства. Той приснился страшный сон: во время прогулки девушки-сновидца в саду несколько юношей-призраков пытались похитить ее душу, а оживший Ван Лань ее спас. Подобный сюжет присутствует и в гоголевской повести «Страшная месть», где душу Катерины отделяет от тела ее демонический отец. Причину этой сверхъестественной власти раскрывает пан Данило:

> Антихрист имеет власть вызывать душу каждого человека; а душа гуляет по своей воле… [Гоголь, 2003, т. 1, с. 198].

Сны околдованной отцом Катерины пророческие, именно во сне она распознает сатанинскую сущность своего отца и узнает тайну смерти матери. Таким образом, сны героини способствуют развитию сюжета повести.

Для «Рассказов о необычайном» Пу Сунлина также характерны вещие сны. Например, в новелле «Фея древовидного пиона» («香玉») студент Хуан строит догадки о личности Цзян Сюэ, полагая, что она – дух пиона, до тех пор пока Цзян Сюэ не является к нему во сне и не просит о помощи. Только тогда он понимает, что Цзян Сюэ – дух зимнего цветка. До того, как ввести сюжет сна, автор поэтапно готовит предысторию, благодаря этому после объяснения сна тайна личности Цзян Сюэ раскрывается, и главная интрига произведения исчезает.

Гипнологическая ситуация в «Страшной мести» более сложна: писателем использован особый художественный прием – сон во сне. Во сне Данило видит сон Катерины:

> И чудится пану Даниле, что облако то не облако, что-то стоит женщина. <…> Ах! это Катерина! [Гоголь, 2003, т. 1, с. 196].

В новелле о снах Пу Сунлина «Ученый из округа Фэнъян» («凤阳人士») использован свежий прием: мотив сна усложняется, используясь трижды – как тройной сон. В уезде Фэнъян живет студент, который учится в дальних краях, и долго от него нет никаких вестей. Жена сильно скучает по мужу. Во сне ее приводит к мужу красивая девушка, но муж начинает оказывать знаки внимания красавице, а на жену совершенно не обращает внимания. В тот момент, когда жена попыталась покончить с собой, появляется ее брат. Он наказывает ее мужа за неверность, ударив его камнем. На следующий день, когда ученый возвращается домой, приходит и брат жены. Мужчины разговорились, и оказалось, что все трое увидели один и тот же сон. Таким образом, можно впрямую соотнести сны главных героев в гоголевской повести и в новелле Пу Сунлина, и это соответствие порождает у читателя ощущение достоверности сюжета и значительно усиливает впечатление.

В гоголевской повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» обнаруживается другой вид сновидений – гротескный сон о вездесущей жене Ивана Федоровича. Сон-тревога Шпоньки, на наш взгляд, приобретает метафорическое значение, ведь он показывает читателям внутренний мир персонажа, в котором преобладает страх перед венчанием. В рассказе «Что видел пьяный Ван Цзыань» (《王子安》) изображено тревожное душевное состояние сновидца Ван Цзыаня, с нетерпением ожидающего результатов императорских экзаменов. Студент Ван постоянно терпит неудачи на экзаменах. После их сдачи, ближе к оглашению результатов, он напивается и видит сон о том, как получает степень *цзиньши*, а затем становится академиком в Ханьлинь:

> «Приехал верховой с оповещением. Ван, шатаясь-мотаясь, вскочил и крикнул: – Дать вестнику десять тысяч! <…> Вдруг опять кто-то вошел к нему и сказал: – Ты сдал экзамен на степень цзиньши. <…> Ван пришел в полный восторг: – Подарить вестнику десять тысяч! <…> Прошло опять некоторое время. Стремительно вбежал к нему человек и сказал: – Ты теперь академик, выбранный по дворцовому экзамену. Твои слуги уже здесь! Тут он увидел двоих людей, кланяющихся ему у постели» [Пу Сунлин, 2023, с. 407–408].

При этом насмешки над студентом Ваном здесь не столько показывают специфический быт ученых имперской эпохи, сколько иронически подчеркивают неуместность пустого мечтательства.

Отметим, что все чудесные, вдохновенные сны Гоголя снятся его персонажам вечером и ночью. Время после захода солнца всегда имело определенную таинственную коннотацию: это сакральное время безраздельного господства мистических, чаще всего нечистых сил. В «Рассказах о необычайном» не только вечер является пиком сверхъестественного: человек в дневное время тоже может сталкиваться с духами из потустороннего мира. Так, в повести «Расписная стена» (《画壁》) изображен сон средь бела дня. Главный герой кандидат Чжу однажды случайно забредает в буддийский храм и испытывает восхищение от образа Небесной девы с росписи на восточной стене. Он долго стоит перед фреской и никак не может оторвать от нее глаз. И вдруг его тело становится легким и летит в туман, после чего он сам оказывается на расписной стене. Здесь он встречается с той девушкой, проводит с ней два дня. Но как только старый монах постучал пальцем по стене и позвал студента Чжу, он быстро слетел со стены вниз. В конце концов он понимает, что просто задремал средь бела дня и что всё это ему приснилось.

Еще одним особым видом сна у Гоголя является сон без сновидений. В повести «Вечер накануне Ивана Купала» такой сон выполняет психотерапевтическую функцию. Главный герой Петрусь заключил сделку с чертом-искусителем – Басаврюком. Чтобы найти клад с золотом, Петро вынужден совершить страшное убийство.

> Мертвый сон схватил его. <…> Очнувшись на третий день <…> но напрасно старался что-нибудь припомнить [Гоголь, 2003, т. 1, с. 106].

Крепкий сон позволяет Петрусю на время забыть о своем ужасном преступлении: он убил Ивася, брата любимой девушки Пидорки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В творчестве Гоголя и Пу Сунлина сон не только представляет собой особое физиологическое и психологическое состояние, но и оказывается путешествием персонажей в другой, подземный мир. Сновидение представлено как выражение фантастического мира, возникающего в пограничном хронотопе, в котором гармонично сочетаются мир реальный и мифологический. Кроме того, по форме гоголевские сны делятся на следующие разновидности: пророческий сон, сон-тревога, сон во сне. Помимо упомянутых выше типов сновидений, для китайского классика в «Рассказах Ляо Чжая» также характерны сны средь бела дня. Не менее существенную роль в гоголевской прозе играет сон без сновидений или сон-забытье. Карл Као отмечает, что сны в китайском повествовании традиционно выполняют две функции: либо они аллегоричны, как «жизнь, подобная сну», либо они образуют «сумеречную зону», где живые и мертвые или иные сверхъестественные существа могут свободно общаться друг с другом [Као, 1985]. По мнению Ю. Манна, Гоголь в концепции фантастики исходит из представления о двух противоположных началах – добра и зла, божеского и дьявольского [Манн, 2007]. Таким образом, русский писатель неоднократно предупреждает об опасности, исходящей от нечистой силы. А китайский классик с помощью онейрических мотивов создает более сложную картину отношений человека и демонического существа; например, в рассказах «Лисий сон» и «Расписная стена» не ощущается никакой опасности, а потому расставание сблизившихся существ выглядит как сюжет о нарушении запрета, который навеки разлучает влюбленных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болдырева Е. М. Мой далекий двойник где-то там, на другом берегу…: Российско-китайский литературный диалог. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023.
2. Евдокимов А. А. О генезисе ноктюрнальности в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Поэзия филологии. Филология поэзии: сборник материалов конференции, посвященной А. А. Илюшину. Тверь: Издатель А. Н. Кондратьев, 2018. С. 45–50.
3. Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2023.
4. Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М. ; Л.: Наука, 1966.
5. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
6. 马瑞芳. 中国古代小说构思学. 山东, 山东教育出版社. 2016. = Ма Жуйфан. Структура древних китайских романов. Шаньдун: Шандунское образовательное издательство, 2016. (на кит.)
7. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т.1. М.: Наука, ИМЛИ РАН, 2003.
8. Kao Karl S. Y. Classical Chinese Tales of the Supernatural and the Fantastic. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1985.

REFERENCES

1. Boldyreva, E. M. (2023). Moj dalekij dvojnik gde-to tam, na drugom beregu… : Rossijsko-kitajskij literaturnyj dialog = Moj dalekij dvojnik gde-to-tam, na drugom beregu… : Rossijsko-kitajskij literaturnyj dialogue. Jaroslavl': RIO JaGPU. (In Russ.)
2. Evdokimov, A. A. (2018). O genezise noktyurnal'nosti v Vecherah na hutore bliz Dikan'ki N. V. Gogolya // Poeziya filologii. Filologiya poezii (pp. 45–50): Proceedings of the conference dedicated to A. A. Ilyushin. Tver: Izdatel' A. N. Kondrat'ev. (In Russ.)
3. Pu Songling. (2023). Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika (Lyao Chzhaj Chzhi I) = Strange tales from the Chinese Studio. (Liao Zhai Zhi I) Petersburg: SPbSU Publishing House. (In Russ.)
4. Gippius, V. V. (1966). Ot Pushkina do Bloka = From Pushkin to Blok. Moscow ; Leningrad: Nauka. (In Russ.)
5. Mann, Yu. V. (2007). Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma = Gogol's work: meaning and form. Petersburg: SPbSU Publishing House. (In Russ.)
6. 马瑞芳. (2016). 中国古代小说构思学. 山东, 山东教育出版社. = Ma Ruifang. (2016). Conceptualization of Ancient Chinese Novels. Shandong, Shandong Education Press. (In Chinese)
7. Gogol, N. V. (2003). Polnoe sobranie sochinenii i pisem (Vilums 23. V. 1= Complete works and letters in 23 vol. vol. 1. Moscow: Nauka, IMLI RAN. (In Russ.)
8. Kao, K. S. Y. (1985). Classical Chinese Tales of the Supernatural and the Fantastic. Bloomington, IN: Indiana University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сунь Вэньцзюнь

аспирант кафедры истории русской литературы
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
преподаватель Университета МГУ – ППИ в Шэньчжэне
ORCID: //orcid.org/0000-0003-1903-2224

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sun Wenjun

Postgraduate Student of Department of Russian Literature
Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University
Lecturer Shenzhen MSU-BIT University
ORCID: //orcid.org/0000-0003-1903-2224

Статья поступила в редакцию	11.03.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 930.85 (История цивилизации. История культуры)

Разделение цензуры и книжной культуры на «светскую» и «духовную» в исторической перспективе: от «Духовного регламента» до «Эпохи цензурного террора»

С. А. Горюнов

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия
existimator@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается разделение цензуры и книжной культуры на светскую и духовную в историческом контексте. На основании анализа законодательных установлений, касающихся светской и духовной цензуры, в которых проявляется разный уровень строгости отношения к надзору за книжной культурой, автор выдвигает гипотезу о том, что сами обозначенные категории исторически не воспринимались как однопорядковые, а категория «духовное» имела внутреннюю привязку с «сакральному» и рассматривалась с гораздо большей строгостью.

Ключевые слова: светская цензура, духовная цензура, цензурное законодательство, книжная культура, сакральное

Для цитирования: Горюнов С. А. Разделение цензуры и книжной культуры на «светскую» и «духовную»: в исторической перспективе (от «Духовного регламента» до «Эпохи цензурного террора») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 159–166.

Original article

Separation of Censorship and Book Culture into “Secular” and “Spiritual”: in Historical Perspective (from the “Spiritual Regulation” to the “Era of Censorship Terror”)

Sergey A. Goryunov

Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
existimator@yandex.ru

Abstract. The article examines the historical division of censorship and book culture between secular and spiritual spheres. Through the analysis of legislative regulations concerning secular and spiritual censorship, which demonstrate varying degrees of strictness in oversight of secular and spiritual book cultures, the author hypothesizes that these designated categories were not perceived as equal in historical contexts. The category of “spiritual” was internally linked to the “sacred”, and was subject to much greater scrutiny.

Keywords: secular censorship, spiritual censorship, censorship legislation, book culture, sacred

For citation: Goryunov, S. A. (2024). Separation of Censorship and Book Culture into “Secular” and “Spiritual”: In Historical Perspective (from the “Spiritual Regulation” to the “Era of Censorship Terror”). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 159–166. (In Russ.)

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ: СИТУАЦИЯ ЦЕНЗУРЫ

Цензура – это не просто значимый фактор при анализе опубликованного произведения, требующий учета того, что некоторые его элементы могли быть «вымараны» цензором. Цензура – это ситуация, в которой оказывается культура, атмосфера, которой культура была пропитана насквозь и которая создавала пробелы и пустоты в мире книжной культуры, формировала целые пространства невысказанного, погребенного под сукном стола цензора – зоны значимого отсутствия.

В данном тексте мы оставляем за скобками разговора этические оценки цензуры как явления (при всей их безусловной значимости), из-за которых нередко история вопроса выстроена в нарративе «борьбы свободомыслия с угнетателями». Наша задача проще – рассмотреть то, как по соседству с культурой текста зарождалась и обретала институциональные формы «культура цензуры». Обращаясь к прошлому, мы невольно вторгаемся в зону истории, но в нашем случае речь идет именно об истории «культурной», или, вернее будет сказать, «культуральной» (l'histoire culturelle) [Бёрк, 2016], так как цензура, всегда вторичная по отношению к цензурируемому, оказывается накрепко «сшитой» с литературой. В связи с этим мы решили представить своего рода набросок к портрету устройства *светской* и *духовной* цензуры[1].

«СВЕТСКАЯ», «ДУХОВНАЯ» И «НАУЧНАЯ» ЦЕНЗУРА

Деление цензуры (и литературы) на светскую, духовную и научную вполне четко оформилось уже в 1796 году, но не менее важно понять, как это произошло. Можно выделить три основных взгляда на то, какую точку взять в качестве отправной в вопросе возникновения цензуры в России. Так, Г. В. Жирков начинает отсчет со Стоглавого собора, так как по его мнению главы «О учениках» и «О училищах книжных по всем градам» существенно повлияли на реформу «школы» [Жирков, 2001]. Другой точкой отсчета [Шебальский, 1862; Григорьев, 2007] принято считать момент создания Петром I «Духовного регламента» (1721). Напомним, что в нем говорится о том, что Духовная коллегия должна предварительно просматривать «богословские письма» – «нет ли какового в письме оном погрешения, учению православному противного» [Духовный регламент, 1804, с. 98]. Наконец, третья точка зрения, отделяя, по-видимому, формы надзора от форм институционализации, предполагает, что разговор о цензуре надо начинать с момента ее официального учреждения – 1796 года. Оставив этот спор на усмотрение специалистов по истории, обратим внимание на один значимый, на наш взгляд, момент – откуда бы не вести отсчет в истории цензуры, во всех трех случаях поводом к разговору о надзоре за книжной культурой послужили именно религиозные тексты. К середине XVIII века практика надзора появляется и в отношении светской литературы – например, в указе 1776 года, где «Подтверждается, чтобы в вольных типографиях не было печатано никаких книг: *светских* – без надзора Академии Наук, а *духовных* – без дозволения Синода» [Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 года, 1862, с. 9].

В общих чертах мы имеем довольно простую схему (см. схему 1).

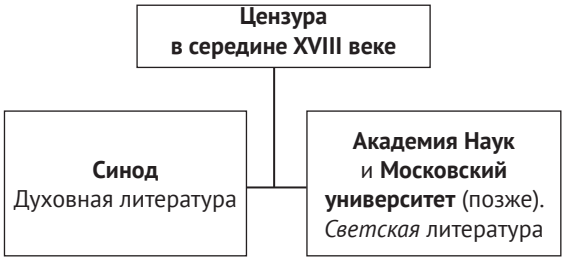

Схема 1. Общее деление цензуры на светскую и духовную в середине XVIII века

Этот «дизайн» системы надзора подразумевал и разделение самой литературы на две сферы – духовную и светскую (примечательно, что отделение научной появляется позже). Так, в сенатском указе 31 мая 1780 года, Св. Синод жалуется: «в состоящих при разных *светских командах* и вольных типографиях печатаются и выходят в публику такие сочинения, кои заключают в себе *Богословские рассуждения*» [Сборник постановлений ... 1862, с. 23]. Вообще, если взглянуть на весь перечень указов и постановлений о цензуре того времени, то мы обнаружим, что подавляющее их число касается именно проблемы пропуска светскими издательствами духовной литературы. Факт, на наш взгляд, говорящий сам за себя.

В 1783 году именным указом типографии уравнены с «фабриками и рукоделиями», в связи с чем им дозволено печатать любые книги. Наблюдение за типографиями поручено Управам Благочиния[2],

[1]Зд. и далее курсив наш. – *С. Г.*

[2]Управами благочиния назывались полицейские участки, в них был пристав уголовных дел, пристав гражданских дел и два ратмана. Устав благочиния или Полицейской. Часть первая [*Утвержден в Санкт-Петербурге апреля 8 дня 1782 года*]. СПб.: Сенатская тип, 1782. с. 23.

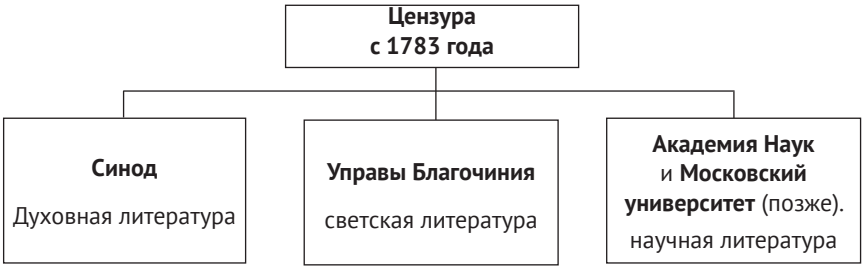

Схема 2. общая структура цензуры с 1783 по 1796 год

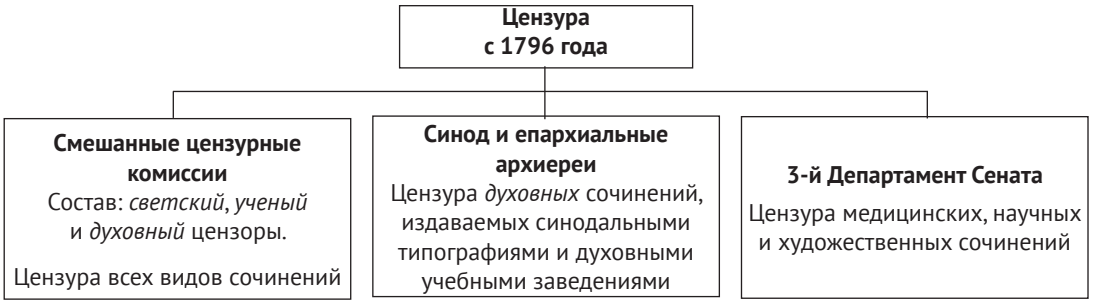

Схема 3. Общая структура цензуры с 1796 по 1802 год

чтобы в печать не попало ничего «*противного законам Божиим* и гражданским» [Сборник постановлений ... 1862, с. 25]. Вольные типографии трактовали «духовное» и «светское» довольно «вольно», в связи с чем был дан указ Синоду от 1787 года, в котором разъясняется, что право печатать церковные книги «*присвоено единственно типографиям духовным*», а свобода, которая была дарована вольным типографиям, была неверно истолкована [там же, с. 28]. С целью избежать нарушений московской полиции поручается надзор за светскими типографиями и лавками [там же]. Тем не менее можно подытожить, что с 1783 года в обобщенном виде мы имеем следующее устройство цензуры (см. схему 2).

СОЗДАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ИЛИ «СМЕШАННЫХ» ЦЕНЗУРНЫХ КОМИТЕТОВ

Еще в 1785 году в связи с деятельностью типографии Новикова было принято решение о том, чтобы представитель от духовного ведомства и представитель от светского осуществили совместную ревизию книг, публикующихся в вольных типографиях на предмет того, есть ли в них какие-либо «колобродства, нелепые умствования и раскол» [там же, с. 26–27]. Принцип, примененный в этом прецеденте, лег в основу первых официальных «цензурных комиссий».

В 1796 году последовал именной указ Сенату, запрещающий ввоз зарубежных книг, упраздняющий вольные типографии и учреждающий официальные цензуры. Печатать дозволяется лишь те книги, в которых нет «*ничего закону Божию, правилам Государственным и благонравию*» противного [там же, с. 26]. Вопросы веры вполне входили в компетенции таких смешанных цензур. Новые ведомства состояли из трех «особ» – «*одной духовной* [*от Синода*], *одной гражданской* [*от Сената*] и *одной ученой* [*от Академии наук*]». Такая структура являлась своего рода миниатюрой общей панорамы, что позволяло охватить всю печать независимо от содержания сочинений. Комитеты в основе имели территориальный принцип и по этой причине, вероятно, были организованы универсально. Эту универсальность, к слову, проводили на разных уровнях. Например, в казенных училищах преподаватели также делились на «*светских*» и «*духовных*» [Рождественский, 1902, с. 12].

От цензуры в этих смешанных комитетах освобождались лишь книги, которые печатались в типографиях Синода. Впрочем, в указе 22 октября 1796 года «О составлении цензур» говорится дополнительно о медицинской, научной и художественной цензурах, которые должны состоять при 3-м Департаменте Сената. Изобразим новую ситуацию надзора за книжной культурой схематично (см. схему 3).

Смешанные цензуры существовали в «обоих престольных городах», в региональных центрах и при таможенных местах – Москва, Санкт-Петербург, Рига, Одесса и при Радзивиловской таможне.

В 1802 году все цензуры упразднены, а вольные типографии вновь приравнены к «фабрикам и рукоделиям» и повсеместно разрешены – меры, предпринятые Александром I, с целью «освободить» печать «от препон» [Шебальский, 1862, с. 11].

ЭПОХА УСТАВОВ И ВЕДОМСТВ

Отдельной вехой в истории книжной культуры можно обозначить период возникновения полноценного законодательства в отношении цензуры – XIX век, в этом смысле – это век чиновников и бюрократии на марше.

В 1804 году появляется первый Устав о цензуре и печати, передававший цензуру из рук полиции министерству просвещения. В этом уставе духовные книги дозволено печатать только с одобрения Синода. С другой стороны, ради «*успехов просвещения*» разрешается свободно пропускать «*скромное и благоразумное исследование всякой истины, относящейся до веры*...». Тут же и запрет текстов, где содержатся отрывки «явно отвергающих бытие Божие» [Сборник постановлений ... 1862, с. 89].

В 1817 году учреждено объединенное «Министерство *духовных дел* и народного просвещения», однако просуществовало оно весьма недолго, в частности, из-за недовольства Синода[1]. Проект нового цензурного устава, подготовленный министерством, был воспринят Синодом негативно, опять же в связи с проблемой демаркации книжной культуры на «светскую» и «духовную»: «Случилось так, что некоторые его [*устава*] параграфы *вторгались в область цензуры духовной*, которая относилась к ведению Святейшего синода» [Шевченко, 2003, с. 41–42].

После упразднения объединенного министерства был учрежден знаменитый Д.Д.Д. – «**Департамент духовных дел** иностранных исповеданий», перешедший в ведомство МВД. Инославие, магометанство, иудаизм и др. верования в период существования этого департамента контролировались, в основном, им же. Впрочем, цензура еврейской литературы закрепилась за М.Н.П. (министерство народного просвещения).

ДУХОВНАЯ И СВЕТСКАЯ ЦЕНЗУРЫ ПРИ НИКОЛАЕ I

При Николае I был создан цензурный устав 1826 года. Помимо духовной цензуры, закрепленной за Ведомством Православного Исповедания, появились еще отдельные *цензуры* для книг, которые относятся к «религии католической (§§ 118–119), униатской (§ 120) и протестантской (§§ 121–123)» [Сборник постановлений ... 1862, с. 155]. Поликонфессиональность культуры в Российской империи предполагала и некоторую регламентацию соседства книг, относящихся к разным религиозным традициям, и 149-й параграф прямо запрещает сочинения, в которых «*под предлогом защиты или оправдания одного из Христианских исповеданий порицается другое*» [там же, с. 165]. Тут, по-видимому, закладывается логика мультикультурной (но вполне имперской) веротерпимости. Не допускались и тексты «стремящимся умалить должное к Христианским добродетелям благоговение», и сочинения «противные добрым нравам» [там же, с. 169].

Впрочем, всё это касалось христианства, а в отношении еврейской литературы некоторый общий тон задается в § 146, где в одном ряду с сочинениями «*магическими*» и «*астрологическими*», служащими «к распространению *заблуждения* и *суеверия*», указываются сочинения «*кабалистические*» [там же, с. 166]. 16 глава Устава целиком посвящена еврейским сочинениям. Свободно печатать разрешается только двум категории книг: 1. Книги Священного Писания *без толкований*. 2. Молитвенники, *без прибавления о предметах посторонних*. В § 197 и § 198 отдельно запрещают пропуск еврейских сочинений, направленных против христианства, внушающих ненависть или презрение к иноверцам, противные нравственности и общественному благоустройству, «*позволяющие обманывать христиан*» [там же, с. 177–178]. А вот полемизировать между собой им разрешается: «*Спорные книги между сектами Еврейскими могут быть одобряемы к напечатанию*» (§ 199) [там же, с. 178]. Помимо официальных документов в этот период получают свое распространение и секретные инструкции цензорам [Шебальский, 1862, с. 29]. В силу строгости и одновременной туманности правил устав просуществовал совсем недолго и в культурной среде современников был прозван «чугунным»[2], этот же термин закрепился уже в дореволюционной литературе по истории цензуры [Рудаков, 1911, с. 21].

ДУХОВНАЯ И СВЕТСКАЯ ЦЕНЗУРА В УСТАВАХ 1828 ГОДА

В 1828 году, после неудачного устава 1826 года, появляются два устава (отдельные для светской и духовной цензуры). Попробуем рассмотреть характеристики духовной литературы в самом уставе. Согласно § 18 устава о духовной цензуре

[1]Арапов Д. Ю., Пономарёв В. П. Департамент духовных дел иностранных исповеданий. URL: http://www.pravenc.ru/text/171721.html

[2]Термин принадлежит С. Н. Глинке, который прочитав новый устав, вернул его Ширинскому-Шихматову со словами «в силу такого чугунного устава не могу быть цензором» (цит. по: [Ботова, 2003, с. 52]).

за ней закрепляются «сочинения, относящиеся до церковного служения»; «жизнеописания Святых»; содержащие «изъяснение целых книг, или частей Священного Писания»; «изложение истин, относящихся к основаниям Христианской Веры, или Религии вообще»; содержащие «изложение, или защищение Христианской Веры»; «догматов Православно-Кафолической Греко-Российской Церкви»; «правил и оснований Христианского нравоучения»; «поучительные слова»; «духовные рассуждения»; «мелкие сочинения и переводы Духовного и Христианского содержания»; книги «относящиеся к церковному управлению, назначаемые к употреблению в Духовных Училищах» [Полное собрание законов Российской Империи, 1830, с. 481–482].

Дробление на более мелкие категории не вносит полной ясности, и даже напротив, § 18 устава духовной цензуры вступает в противоречие со светским уставом о цензуре, в котором в духовную цензуру предписывается направлять лишь сочинения «совершенно духовного содержания», касающиеся догматики и «Священной истории», в то время как тексты, относящихся «*к нравственности вообще*» (как и тексты с цитатами из Писания), разрешалось проверять светским цензорам [там же]. Это привело к множеству случаев жалоб со стороны духовной цензуры за пропуск светскими цензорами религиозной литературы. В практике, к слову, были и посягательства на светские сочинения и учебные пособия светских вузов со стороны духовной цензуры (вполне, впрочем, позитивно воспринятые светскими властями). Так, под управлением обер-прокурора, графа Н.А. Протасова, Синод предпринял попытки пересмотреть содержание светских учебников *на предмет их согласованности со Священным Писанием*. На это откликнулся и министр просвещения Ширинский-Шихматов, предлагая императору изменить направление образования, чтобы «*все положения и выводы науки были основываемы* ***не на умственных****, а* ***на религиозных истинах, в связи с богословием***» [Котович, 1909, с. 492].

Николаевский период — это время, когда происходили тектонические сдвиги во взаимоотношениях «светской» и «духовной» культур. Идеи просвещения, декларируемые повсеместно, в том числе и в преамбуле устава о цензуре («…желая всегда и всеми мерами способствовать успеху истинного ***просвещения, вмещающего незыблемым основанием приверженность к Вере и Престолу, охранение добрых нравов*** и личной чести каждого, Мы Повелели составить на таковых началах полный Устав о Цензуре…» [Полное собрание законов … 1830, с. 460]), столкнулись со встречным потоком, ориентированным на религиозный догматизм и традицию как некий эталон, противопоставленный западным веяньям и вольнодумству. Так, например, князь Платон Александрович Ширинский-Шихматов (стал министром народного просвещения после Уварова) подготовил «руководство цензуре», которое представляло своего рода трактат на гексамерон (шестоднев) [Котович, 1909, с. 492]. Эта борьба с неугодными данными палеонтологии и антропогенеза восходит истоками к § 190 Устава 1826 года, который гласит: «…всякие вредные теории, таковые, как например, о первобытном зверском состоянии человека, будто бы естественном, о мнимом составлении первобытных Гражданских Обществ посредством договоров, о происхождении законной власти не от Бога, и тому подобные, отнюдь не должны быть одобряемы к печатанию» [Сборник постановлений … 1862, с. 176]. «Бюрократические шестодневы» находили свои литературные отголоски в культуре и спустя 20 лет (вспомним, например «Послание к М. Н. Лонгинову о дарвинизме» А. К. Толстого: «Способ, как творил Создатель, / Что считал Он боле кстати – / Знать не может председатель / Комитета о печати»).

Именно при Николае I, с момента появления двух отдельных уставов для светской и духовной литературы, пересылка дел между ведомствами стала весьма распространенной практикой. Можно даже сказать, что в мире литературы существовала некая серая зона «in-between», а «пограничные» дела, находящиеся на пересечении светского и духовного и пересылаемые из ведомства в ведомство, могут демонстрировать зыбкость и подвижность «водораздела» между «*светской*» и «*духовной*» культурами в николаевское время и отчасти показывать, где этот «водораздел» проходил.

ВЫСШИЕ ЦЕНЗУРНЫЕ КОМИТЕТЫ

Своего рода апогеем истории с разделением надзора за культурой на *светский* и *духовный* стало создание в 1848 году высшего цензурного ведомства – так называемого *Бутурлинского комитета* или *Комитета 2-го апреля 1848-го года*, призванного отслеживать «дух и направление печатного слова»[1]. Его задачей было повторно просматривать то, что уже было опубликовано. «Я не могу читать все, что у нас печатается, потому за меня будете читать вы: вы будете моими глазами» [Эльяшевич, 1999, с. 223] – эти слова Николая I весьма отчетливо характеризуют как назначение, так и значение «Комитета 2-го апреля 1848-го года». За время своей работы (с 1848 по 1855 год) он успел просмотреть

[1] *РГИА. Ф. 1611.Оп. 1. Ед. Хр. 1. Л. 7–11.*

как минимум 6 336 книг и брошюр, 2 753 журнала, 30 020 газет [Гриченко, 2016], и спровоцировал своей деятельностью 125 циркуляров, распоряжений и постановлений по разным ведомствам [Горбачев, 2010]. Очень скоро Комитет начал пересекать границы светского и духовного и рассматривать книги, пропущенные духовной цензурой. Уже через 3 года, в 1851 году, в связи с поползновениями Комитета 2-го апреля 1848-го года на «территорию» духовной цензуры, обер-прокурор Синода граф Протасов добился того, чтобы «В видах строгого по духу Православной Церкви наблюдения за всеми действиями Духовной Цензуры» Николай I повелел создать при Синоде «секретный же Комитет», в обязанности которого будет входить рассмотрение текстов, пропущенных духовно-цензурными комитетами[1]. В общих своих чертах вновь учреждаемое ведомство было копией Комитета 2-го апреля 1848-го года. Новый орган надзора не особенно отличался даже названием — «Комитет 4-го апреля 1851 года»[2]. Так цензура достигла своего апогея при Николае I. При Александре II происходит определенное ослабление цензуры. Уже в 1855 году, сразу после смерти Николая I, барон Модест Корф (на тот момент глава Комитета) пишет записку (от 3 декабря 1855 года) о закрытии Комитет 2-го апреля 1848-го года[3], а к 1859-му году закрывается и синодальный высший духовно-цензурный комитет. В целом дальнейшая ситуация с цензурой оказывается разными формами вариации на тему того, что начало формироваться с «духовного регламента» и достигло своего апогея при Николае I в так называемую *Эпоху цензурного террора* [Лемке, 1904].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деление книжной культуры на светскую и духовную оказывается чем-то принципиально значимым в процессе формирования цензурного надзора. Подавляющее большинство указов о цензуре либо прямо посвящены этому вопросу, либо спровоцированы этой темой. Даже при переходе от отдельных указов к уставам о цензуре – эта тема остается ключевой. Было опубликовано всего два общих устава о цензуре – 1804 и 1826 годов. Последний просуществовал всего два года, и уже в 1828 году создаются два отдельных устава для «светской» и «духовной» цензур (такое положение дел сохранится до конца существования Российской империи). Та же ситуация возникла и при создании высшего цензурного «Комитета 2-го Апреля 1848–го года» – уже через три года, в 1851 году, создается аналогичный высший цензурный комитет для литературы духовной.

Светско-духовное деление пропитывало всю культуру. Например, помимо светской и духовной литературы и цензуры, на светское и духовное было поделено образование, музыка, изобразительное искусство (и на самом высоком «этаже» управления находились Сенат и Синод). Но возвращаясь к теме цензуры, отметим, что само возникновение цензуры в связи с темой надзора именно за «духовной» литературой, как и сконцентрированность большинства указов вокруг темы отделения духовной литературы от светской (не нашлось ни одного случая, когда бы светская цензура жаловалась на то, что в духовной цензуре было рассмотрено что-то светское) прямо свидетельствуют о том, что светское и духовное не равнозначные понятия, а разноуровневые категории – духовная литература, на наш взгляд, оказывалась в рассматриваемый нами исторический период на более высоком ярусе культуры, особенно трепетно оберегаемом от любых поползновений со стороны светской цензуры. Вполне можно предположить, что «духовная культура» (как интеллектуальная конструкция) имела тесную привязку к теме «сакрального» / «священного» / «святого», и именно в связи с этим любое пересечение границы со «светской» стороны воспринималось очень остро и болезненно, буквально с библейской строгостью: «не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх. 3:5).

[1] *РГИА. Ф. 1611.Оп. 1. Ед. Хр. 150. Л. 8–10.*

[2] См.: *РГИА. Ф. 796. Оп. 132. Ед. Хр. 826а, б, в, г.* По описи «По предложению Обер-Прокурора Св. Синода, вследствие Высочайшего повеления об учреждении при Св. Синоде Секретного Комитета 4 апр. 1851 года, о рассмотрении сим комитетом книг». Т. 1–4. (соотв. т. I, II, III, IV).

[3] *РГИА. Ф. 1611.Оп. 1. Ед. Хр. 277 Л. 1–6.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бёрк П. Что такое культуральная история? М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2016.
2. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX в.: учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001.
3. Шебальский П. К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб.: Тип. Ф. Персона, 1862.
4. Григорьев С. И. Придворная цензура и образ Верховной власти (1831–1917). СПб.: Алетейя, 2007.
5. Духовный регламент. М.: Синодальная типография, 1804.

6. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб.: Тип. Морского министерства.1862.
7. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: М-во нар. просвещения, 1902.
8. Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: ТРИ КВАДРАТА, 2003.
9. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т.III.1828. От № 1677 до 2574. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии. 1830. С. 481–482.
10. Котович А. Н. Духовная цензура в России (1799–1855). СПб.: Типография Родник, 1909.
11. Эльяшевич Д. А. Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797–1917 гг. СПб; Иерусалим: Изд-во Гешарим, 1999.
12. Гриченко Н. А. Комитет 2 апреля 1848 года и Императорская Публичная библиотека // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы VI Международного научного семинара/ Москва, 9 ноября 2016. Минск: Центр. Науч. Библ. НАН Беларуси ; М.: Наука РАН, 2016.
13. Горбачев И. Г. Институт цензуры в Российском законодательстве XVI–XIX веков (Историко-правовое исследование). Казань: Юниверсум, 2010.
14. Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. Санкт-Петербург: Типография товарищества печатного и издательского дела «Труд», 1904.

REFERENCES

1. Burke, P. (2016). Chto takoe kul'tural'naya istoriya? = What is Cultural Histiory? Moscow: Izd. dom «Vysshej shkoly ekonomiki». (In Russ.)
2. Shebal'skij, P. K. (1862). Istoricheskie svedeniya o cenzure v Rossii = Historical Information about Censorship in Russia. St. Petersburg: Tip. F. Persona. (In Russ.)
3. Zhirkov, G. V. (2001). Istoriya cenzury v Rossii XIX v. = History of censorship in Russia in the 19th century: Textbook. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
4. Grigor'ev, S. I. (2007). Pridvornaya cenzura i obraz Verhovnoj vlasti (1831–1917) = Court Censorship and the Image of Supreme Power (1831–1917). St. Petersburg: Aletejya. (In Russ.)
5. Duhovnyj reglament (1804) = Spiritual Regulation Moscow: Sinod. Tip. (In Russ.)
6. Sbornik postanovlenij i rasporyazhenij po cenzure s 1720 po 1862 god (1862) = Collection of Resolutions and Orders on Censorship from 1720 to 1862. St Petersburg: Tipografiya Morskogo ministerstva Publ. (In Russ.)
7. Rozhdestvenskij, S. V. (1902). Istoricheskij obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902. = Historical Review of the Activities of the Ministry of Public Enlightenment. 1802–1902. St. Petersburg: M-vo nar. prosveshcheniya. (In Russ.)
8. Shevchenko, M.M. (2003). Konec odnogo velichiya: Vlast', obrazovanie i pechatnoe slovo v imperatorskoj Rossii na poroge Osvoboditel'nyh reform = The End of a Greatness: Power, Education, and Printed Word in Imperial Russia on the Eve of the Liberation Reforms. Moscow: TRI KVADRATA. (In Russ.)
9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie vtoroe. T. III. 1828. Ot № 1677 do 2574. (1830) = Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. III. 1828. From № 1677 to № 2574 (pp. 481–482). St. Petersburg: Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. Kancelyarii. (In Russ.)
10. Kotovich, A. N. (1909). Duhovnaya cenzura v Rossii. 1799–1855 gg. = Spiritual Censorship in Russia. 1799–1855. St. Petersburg: Tipografiya «Rodnik» Publ. (In Russ.)
11. El'yashevich, D. A. (1999). Pravitel'stvennaya politika i evrejskaya pechat' v Rossii, 1797–1917 gg. = Government Policy and Jewish Press in Russia, 1797–1917. St. Petersburg ; Jerusalem: Izd-vo Gesharim. (In Russ.)
12. Grichenko, N. A. (2016). Komitet 2 aprelia 1848 goda i Imperatorskaia Publichnaia biblioteka = Committee of the April 2nd, 1848 and the Imperial Public Library. Sovremennye problemy knizhnoi kul'tury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiia: materialy VI Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara. Moscow, 9 noiabria 2016. Minsk: Tsentr. Nauch. Bibl. NAN Belarusi ; Moscow: Nauka RAN. (In Russ.)
13. Gorbachev, I. G. (2010). Institut tsenzury v Rossiiskom zakonodatel'stve XVI–XIX vekov (Is toriko-pravovoe issledovanie) = Institute of Censorship in Russian Legislation of the 16th–19th Centuries (Historical and Law Research). Kazan': Iuniversum. (In Russ.)

14. Lemke, M. K. (1904). Ocherki po istorii russkoj cenzury i zhurnalistiki XIX stoletiya = Essays on the History of Russian Censorship and Journalism of XIX Century. St. Petersburg: Tipografiya tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela «Trud». (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горюнов Сергей Айказович
научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Goryunov Sergey Aikazovich
Research Fellow
Institute of Scientific Information on Social Sciences Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	11.03.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 304.2:130.2:17.0:008

Философские травелоги Н. К. Рериха. К 150-летию со дня рождения

О. А. Лавренова

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
olgalavr@mail.ru

Аннотация. Николай Константинович Рерих – художник, мыслитель, общественный деятель, путешественник. В 2024 году исполняется 150 лет со дня его рождения. В статье рассматривается одна из граней творчества нашего великого соотечественника – его путевые записи и эссе, сделанные на маршрутах двух экспедиций – Центральноазиатской (1924–1928) и Маньчжурской (1934–1935). Эти тексты рассматриваются согласно законам жанра травелога. Путешествие становится отправной точкой для философских размышлений Рериха, созвучных философскому учению Живой Этики – о единстве культурного пространства Евразии, о будущем планеты, о Шамбале как сюжете буддийских легенд и как духовной реальности.

Ключевые слова: Н. К. Рерих, травелог, Центральноазиатская экспедиция, Маньчжурская экспедиция, философское учение Живая Этика, Шамбала

Для цитирования: Лавренова О. А. Философские травелоги Н. К. Рериха. К 150-летию со дня рождения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 167–172.

Original article

Nickolas Roerich's Philosophical Travelogues. On the 150th Anniversary of His Birth

Olga A. Lavrenova

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
olgalavr@mail.ru

Abstract. Nickolas Roerich was an artist, thinker, public figure, and traveler. 2024 marks the 150th anniversary of his birth. This article examines one of the facets of the work of our great compatriot – his travel notes and essays made on the routes of two expeditions – Central Asian (1924–1928) and Manchurian (1934–1935). These texts are considered in the context of the laws of the travelogue genre. For Roerich, the journey becomes a starting point for philosophical reflections consonant with the philosophical teaching of Living Ethics – on the unity of the cultural space of Eurasia, on the future of the planet, on Shambhala as the subject of Buddhist legends and as a spiritual reality.

Keywords: N. K. Roerich, travelogue, Central Asian expedition, Manchurian expedition, philosophical teaching Living Ethics, Shambhala

For citation: Lavrenova, O. A. (2024). Nickolas Roerich's philosophical travelogues. On the 150th anniversary of his birth. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 167–172. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В 2024 году исполняется 150 лет Николаю Константиновичу Рериху, великому сыну России. Его жизнь была наполнена грандиозными свершениями, а его творческий гений был чрезвычайно многообразен. Он был художником, мыслителем, ученым, общественным деятелем, путешественником, его кисти принадлежат более семи тысяч живописных работ, которые сейчас экспонируются в музеях по всему миру. Он предлагал масштабные общественно-культурные проекты, которые актуальны и по сей день. Главный его проект – Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников (Пакт Рериха) – международный документ, созданный для сохранения культурного наследия и в военное, и в мирное время, подписанный американскими странами 15 апреля 1935 года. Пакт стал предтечей ныне действующей Гаагской конвенции 1954 года, при этом был намного шире в области защиты наследия и культурных миссий.

Путешествия Рериха – Центральноазиатская (1924–1928) и Маньчжурская (1934–1935) экспедиции – прошли по отдаленным районам Срединной Азии и обогатили науку и мировую культуру своими нахождениями. В обеих экспедициях Н. К. Рерих разрабатывал культурно-общественные проекты кооперативного строительства, которые были более чем востребованы в первой половине XX века, и идеи трудовой общины до сих пор актуальны, как мечта о самоорганизации общества, основанном на справедливом сотрудничестве.

Весь спектр творчества Рериха, естественно, невозможно охватить в одной статье, поэтому здесь будет затронут всего лишь один малоисследованный аспект – путевые заметки и очерки по впечатлениям путешествий как философские травелоги.

ТРАВЕЛОГ КАК ЖАНР

Травелог – это составное слово: *travel* переводится с английского как *путешествие*, согласно примеру *monologue* (*монолог*) – жанр, описывающий путешествия в различных видах искусства [Аксенова, 2018]. С другой стороны – это многоплановый социокультурный феномен, связанный с множеством практик [Русакова, Русаков, 2021]. Травелог «является пограничным жанром, находится на периферии литературного поля – на границе между художественной и документальной литературой» [Рокина, 2016, с. 5].

Этот жанр существует с тех древних времен, когда путешественники начали фиксировать свои наблюдения в письменном виде. Травелоги могут соединять в себе несколько дискурсов – географический, культурно-исторический, политический, этнологический, визуальный и другие. «Обычно травелог регулируется тем, что видит рассказчик, путешественник, и тем, что случается перед его глазами. Поэтому рассказ колеблется между описанием и повествованием. Чередование этих принципов можно рассматривать как один из главных признаков этого жанра» [Майга, 2014, с. 256–257].

Собственно путешествия издревле были чрезвычайно важной культурной практикой, так расширялась ойкумена, и во взаимоотношениях с пространством формировалась и форматировалась ментальность культуры и собственно художественное творчество, поскольку «пространство и его заполнение, существенным образом предопределяемое, образуют род некой “первоматрицы”, которая в конечном счете была “родиной” художественного» [Топоров, 1995, с. 4].

В какой-то мере практика путевых заметок является дополнением к концепту «Мир-книга», который возникал в разных философских системах начиная со Средневековья. Эту книгу читают путешественники, и они же пишут ее заново, запечатлевая на бумаге свой путь и творя новые образы пространства. Этот процесс уже, скорее, подходит под определение постмодернистского интертекста, находящегося в постоянном становлении.

«С момента появления феномена наррации, т. е. расщепления субъективности на объектную и рефлексивную, когда человек предметом своей деятельности делает окружающий мир и самого себя, представление о травелоге стало дифференцироваться посредством появления таких категорий, как Путь, Путник, Приключение (мыслится как Преодоление Препятствий), Переход, Маршрут, Возвращение. С появлением категории Путь неизбежно возникает проблема Начала и Конца Пути, обозначения Мест Пребывания (локаций). Путь – существенно необходимый компонент для формирования Путника, его представления о себе (Путь как Самопознание), о пережитых испытаниях (Путь как “посвящение”, инициация)» [Русакова, Русаков, 2021, с. 9].

ФИЛОСОФИЯ ПУТИ И ЖИЗНИ

Практически все эти категории присутствуют в травелогах и эссе, написанных Н. К. Рерихом на маршрутах экспедиций. Но есть и нечто большее…

Книга «Алтай–Гималаи», изданная в 1929 году (через год после завершения Центральноазиатской экспедиции), непосредственно связана с маршрутом и обычно рассматривается именно как путевой дневник. Но по впечатлениям этого путешествия

написана и книга «Сердце Азии», вышедшая в тот же год, и ее можно рассматривать как вторичный травелог.

Структура текста путевого дневника построена как наблюдения и размышления, привязанные к определенным местам. На пути от Цейлона к Гималаям по равнинной Индии, Рерихи – Николай Константинович, его супруга, соратница и другиня Елена Ивановна и их старший сын Юрий – были скорее путниками, чем путешественниками, в колониальной стране, относительно адаптированной для европейцев. И на этом обширном пространстве, вплоть до высокогорного Леха, иногда на одну локацию приходится только один параграф, очень лаконичный, в котором нет описания местности, домов, природных условий. Отсутствуют описания средств передвижения, детали, касающиеся гостиниц и постоялых дворов. Подобные бытовые зарисовки – неотъемлемая составляющая большинства путевых заметок, поскольку сам быт путешественника вызывает естественный интерес читателя. Взгляд автора быстр и зорок – он подмечает детали, которые прошли бы мимо взгляда других путешественников, и делает выводы. Например, одно из наблюдений: «На самых задворках в маленькой клумбочке убогих цветов покоится безобразненькое изображение Ганеши — слона счастья. Семья индусского кули, живущая в шалаше, уделяет ему последние зерна риса. Не много счастья принесло им это изображение. Индию надо знать не только из дворцов махараджи» [Рерих, 1992, с. 22]. И здесь же восхищение древней культурой Индии и ее новыми духовными светочами – Рамакришной, Вивеканандой, Тагором, Шри Ауробиндо.

Несколько слов сказано и про англичан, бывших в то время хозяевами Индии. Рерих отмечает их пунктуальность и выдержанность и тут же комментирует, что, увы, мысли их не чисты: «Именно детскими попытками скрыть истинные свои намерения европейцы закрывают себе врата Востока. <…> Не опаздывайте, если хотите, чтобы вас уважали. Не лгите мысленно, если собираетесь найти друзей» [там же, с. 28]. Заключительный пассаж очень характерен для путевых текстов Рериха – ему свойственно от любой жизненной детали переходить к осмыслению закономерностей жизни. И эти размышления всегда настраивают читателя на жизнеутверждающий лад, подсказывают направление, дают ответ на незаданный вопрос.

Еще одной отличительной чертой путевых заметок является сопоставление реалий Азии с древнерусской культурой. Рерих тут и там подмечает стили декора зданий, одежды, цветовые сочетания и показывает глубинную общность евразийского культурного пространства.

Как ни странно, тезисность текста и его «открепленность» от бытовых подробностей путешествия, не мешают общему впечатлению и всё равно создают картину живого и непосредственного соприкосновения с реальностью, с самым нервом древней культуры Индии. А постоянные отступления и размышления вовлекают читателя в процесс осмысления. Рерих передает не только впечатление, но и свое понимание увиденного, и – на шаг вперед, – будущего этих культурных пространств.

В Кашмире заканчивается «цивилизованное» пространство, руководитель экспедиции собирает караван, запасается всем необходимым, что пригодится в дальнейшем пути. После Леха, когда караван выходит на маршрут, ведущий к высокогорным перевалам, травелог наконец начинает структурироваться по пройденным дням, как это обычно принято по законам жанра. Это уже полноценная экспедиция, вышедшая за пределы колониальной Индии, ее железных дорог и налаженного быта для европейских путешественников, и здесь любая подробность становится концептуально значимой. Появляются картины пути – описания географических особенностей местности, погодных условий, памятников, караван-сараев, фортов. Местные социальные язвы и политические проблемы становятся не просто подробностями, а условиями, определяющими жизнь и путь каравана. И над всем этим – легенды о грядущем Будде Майтрейе и о Шамбале – одновременно и легендарной стране духа, и концепт нового справедливого и духовного мира, и сакральное место, «где формируется общая энергетика, необходимая для эволюционного продвижения земного человечества» [Шапошникова, 1994, с. 12].

Книга «Сердце Азии» представляет собой с одной стороны, более повествовательный текст, в котором уже нет мозаичности впечатлений, с другой – более глубокую рефлексию маршрута. Книга состоит из двух частей. Первая – одноименная заглавию книги. Здесь маршрут экспедиции описывается от места до места, но при этом с учетом опыта всего пройденного пути и наиболее ярких впечатлений и знаков.

Вторая часть книги «Сердце Азии» носит название «Шамбала» и уже полностью посвящена собранным легендам и знакам этой священной страны. Здесь же отдельно собраны пророчества о скором приходе Майтрейи и наступлении времени Шамбалы. Интересно, что рядом с записанными сказаниями идет незакавыченный текст, который похож на древнее пророчество, и в то же время созвучен с философским учением Живой Этики[1],

[1]Более подробно о философии Живой Этики см.: [Шапошникова, 2021].

созданным Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной Рерихами в сотрудничестве с духовными Учителями Востока. В 1928 году, сразу после того, как экспедиция, пройдя через Тибет и Трансгималаи, завершила свой маршрут в Сиккиме, был написан и очерк «Шамбала Сияющая», который вошел в другую книгу – «Шамбала» [Рерих, 1994]. К обоим этим текстам можно отнести определение ведущего рериховеда современности Л. В. Шапошниковой: «…Рерих сумел в поэтической форме изложить концепцию космической эволюции человечества и обозначил важнейшие для нашего времени и нашей планеты вехи эволюции» [Шапошникова, 1994, с. 12]. И эта тема эволюции человечества, или как минимум утверждения прекрасного будущего, которое творится устремленными и духовными людьми, так или иначе прослеживается во всех травелогах Рериха. Непосредственные впечатления действительности становятся лишь отправной точкой для подобных размышлений.

В Маньчжурской экспедиции Н. К. Рерих писал философско-художественные очерки и вел дневник, который оказывается в меньшей степени травелогом, поскольку в нем в основном документируются события, связанные с общественно-культурными проектами и социально-политическими перипетиями. Поэтому скорее можно отнести к характерному для художника и мыслителя стилю философских путевых заметок именно многочисленные эссе, написанные на маршруте экспедиции, впоследствии опубликованные как первый том «Листов дневника» [Рерих, 1995]. Каждый очерк имеет дату и место написания, тем самым автор связывает их все вместе в ожерелье травелога. В этих эссе Рерих, иногда опираясь на реальные события путешествия, иногда вне его контекста, раскрывает широкий спектр философских и культурологических проблем – необходимость защиты культурного наследия как основы самосознания культуры, духовное обнищание как причина эпидемий, жизненность благожелательства и других добрых качеств человека, и опять легенды – «длинное ухо Азии», которое слышит неслышимые шепоты пустыни. И географические реалии наводят на воспоминания или наоборот – на мечты о будущем.

Если в книгах «Алтай–Гималаи» и «Сердце Азии» постоянно присутствуют легенды о сокровенной стране Шамбале и знаки грядущего будды Майтрейи, встречаемые на пути, как основной нерв духовной философии будущего, то в «Листах дневника» таким смысловым средоточием является очерк «Он». Этот текст написан в лагере экспедиции в Тимур Хада, во Внутренней Монголии, и в нем в поэтической форме и в то же время убедительно и тонко Рерих говорит о Великом Присутствии, наполняющем жизнь смыслом и устремлением. Это возвышенное размышление навеяно наблюдениями реальных картин экспедиционного лагеря в монгольской степи:

> В полном безветрии затрепещет ли ветка на дереве, думаете: Он ли? На тихом лугу вдруг завьется, закружится травинка, а движения воздуха не слышно. – Он ли? Из далей протянется зовущий звук, точно бы звучание рога или чей-то призыв. – Он ли? Со скалы покатился камешек. – Он ли? Конь прервал бег и одинокий в степи слушает что-то; поднята голова, ноздри напряжены, грива и хвост развеялись по ветру. – Он ли? Пес вдруг остановился; поднята морда, слегка машет хвостом, глаза устремлены. – Он ли? Зашуршал на скате песок. – Он ли? Человек вышел из юрты, что-то слушает, куда-то глядит. – Он ли?» [Рерих, 1995, с. 617–618].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безусловно, оба путешествия были для Рерихов и духовным откровением, и посвящением. Об этом можно судить по новым высотам их творчества – картинам и книгам Н. К. Рериха, книгам Ю. Н. Рериха и новым томам философского учения Живой Этики, собранным Е. И. Рерих во время и после Центрально-Азиатской экспедиции.

Осмысливая литературное наследие Н. К. Рериха периода его путешествий, Л. В. Шапошникова делает закономерный вывод: «Обе экспедиции несли в себе концепцию и основные идеи Живой Этики и реализовывали их на практике. Эти же идеи нашли свое отражение в очерках Николая Константиновича, написанных им в эти годы и позже» [Шапошникова, 1995, с. 16]. Действительно, путевые заметки руководителя экспедиций непосредственно связаны с его мировоззрением и философией жизни, которую он утверждал в реальности каждого дня. И созданные на экспедиционных маршрутах и по их впечатлениям тексты расширяют дискурс травелога, выводя его на новый уровень – уровень духовной мудрости.

«Находясь в режиме коммуникации с окружающим миром, концептосфера травелога своим дискурсом производит изменения и трансформации в ментальных образах действительности. В ходе дискурс-анализа травелога удается наглядно наблюдать, насколько мощно и разносторонне воздействует травелог практически на все формы и способы духовно-практического освоения мира человеком» [Сализманова, 2023, с. 146]. Рерих очень красиво объединяет в тексте своих путевых заметок наблюдения и духовный импульс, тем самым вкладывая в свой травелог еще больший потенциал культуротворческого воздействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аксенова М. В. Травелог: жанр путешествия и жанр путевого листа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3 (31). С. 170–176.
2. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Травелог: Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2021.
3. Рокина Г. В. Травелог как исторический источник // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 5–8.
4. Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3 (37). С. 254–259.
5. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995.
6. Рерих Н. К. Алтай–Гималаи. Рига: Виеда, 1992.
7. Шапошникова Л. В. Послание грядущей эволюции // Рерих Н. К. Шамбала. М.: МЦР, 1994. С. 5–24.
8. Шапошникова Л. В. Философия космической реальности. М.: МЦР, 2021.
9. Рерих Н. К. Шамбала. М.: МЦР, 1994.
10. Рерих Н. К. Листы дневника: в 3 т. Т. 1. М.: МЦР, 1995.
11. Шапошникова Л. В. Врата в будущее // Рерих Н. К. Листы дневника: в 3 т. Т. 1. М.: МЦР, 1995. С. 5–32.
12. Салимзанова Д. А. Дискурс травелога: поиск универсальной дефиниции и разнообразие жанров // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация». 2023. № 1 (93). С. 143–148.

REFERENCES

1. Aksenova, M. V. (2018). Travelog: zhanr puteshestviya i zhanr putevogo lista = Travelogue: the genre of travel and the genre of the waybill. Aktual`ny`e problemy` filologii i pedagogicheskoj lingvistiki = Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 3(31), 170–176. (In Russ.)
2. Rusakova, O. F., Rusakov, V. M. (2021). Travelog: Teoretiko-metodologicheskij analiz = Travelogue: Theoretical and methodological analysis. Ekaterinburg: Diskurs-Pi. (In Russ.)
3. Rokina, G. V. (2016). Travelog kak istoricheskij istochnik = Travelogue as a historical source. Zapad – Vostok = West – East, 9, 5–8. (In Russ.)
4. Majga, A. A. (2014). Literaturny`j travelog: specifika zhanra = Literary travelogue: the specifics of the genre. Philology and culture, 3(37), 254–259. (In Russ.)
5. Toporov, V. N. (1995). Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoe`ticheskogo: Izbr. = Myth. The ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoeic: Selected. Moscow: Progress-Kul`tura. (In Russ.)
6. Roerich, N. K. (1992). Altai–Himalayas. Riga: Vieda. (In Russ.)
7. Shaposhnikova, L. V. (1994). Poslanie gryadushhej e`volyucii = The message of the coming evolution. Roerich N.K. Shambala (pp. 5–24). Moscow: ICR. (In Russ.)
8. Shaposhnikova, L. V. (2021). Filosofiya kosmicheskoj real`nosti = Philosophy of cosmic reality. Moscow: ICR. (In Russ.)
9. Roerich, N. K. (1994). Shambala. Moscow: ICR. (In Russ.)
10. Roerich, N. K. (1995). Listy` dnevnika. = Diary leaves. T. 1. Moscow: ICR. (In Russ.)
11. Shaposhnikova, L. V. (1995). Vrata v budushhee = Gates to the future. Roerich N.K. Listy` dnevnika (vol. 1, pp. 5–32): in 3 vols. Moscow: ICR. (In Russ.)
12. Salimzanova, D. A. (2023). Diskurs traveloga: poisk universal`noj definicii i raznoobrazie zhanrov = Travelogue discourse: the search for a universal definition and a variety of genres. Social`no-e`konomicheskie i texnicheskie sistemy`: issledovanie, proektirovanie, optimizaciya = Socio-economic and technical systems: research, design, optimization, 1(93), 143–148. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лавренова Ольга Александровна
кандидат географических наук, доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lavrenova Olga Aleksandrovna
PhD (Geography), Doctor of Philosophy (Dr. habil)
Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences
Russian Academy of Sciences (INION RAS)

Статья поступила в редакцию	11.03.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 7 (888)

Ответственные за выпуск
Ю. М. Казанцева
кандидат филологических наук, профессор
Е. А. Калашникова
кандидат филологических наук, доцент

Редактор: М. М. Сингал
Верстка: Г. П. Лопатина
Разработка макета: А. В. Алымов

Подписано в печать 25.07.2024
Усл. печ. л. 21,6
Формат 60x90/8
Заказ № 57/24

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

Network electronic scientific publication

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 7 (888)

Executive editors
Yulia A. Kazantseva
PhD (Philology), Professor
Elena A. Kalashnikova
PhD (Philology), Associate Professor

Editor: Marina M. Singal
Layout: Galina P. Lopatina
Layout design: Andrey V. Alymov

Signed for print: 25.07.2024
Conventional printed sheets: 21,6
Layout format 60x90/8
Order 57/24

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© FSBEI HE MSLU, 2024

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.10.1. Теория и история культуры, искусства
5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».